

50

МОНОЛОГОВ
О САМОМ
ГЛАВНОМ

МАМЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Театрал

NAVONA

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА NAVONA
2020

УДК 821 161.1-93
ББК 84(2=411.2)6-4
М 22

М22 МАМЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ:

50 монологов о самом главном.

М.: Навона, 2020. – 400 с.: ил.

ISBN 978-5-91798-048-5

На протяжении нескольких лет в журнале «Театрал» знаменитые артисты и режиссеры, писатели и драматурги рассказывали о самом главном – главном человеке на свете в постоянной рубрике издания «Монолог о маме». За годы общий объем этих текстов сложился в целую книгу, которую читатель и держит в руках. Монологи разные: проникновенные и не очень, исповедальные и ироничные, но все они писались, несомненно, любящими людьми, которые с высоты сыгранных ролей, творческих побед и завоеванной популярности могут смело сказать: «Мама, я многим обязан тебе!»

Автор идеи *Валерий Яков*
Дизайн-проект *Валерий Дорохин*

УДК 821 161.1-93
ББК 84(2=411.2)6-4
ISBN 978-5-91798-048-5

© Яков В.В., идея, 2020
© Дорохин В.А., дизайн, 2020
© Редакция журнала «Театральные Новые Известия – Театрал», тексты, 2020
© Издательство NAVONA, 2020
© Борзенко В.В., Михайлова М.О., редакция, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>«Здравствуй, мама!»</i>	7	Евгений Евтушенко <i>Мама не хотела, чтобы я стал поэтом</i>	96
Владимир Андреев <i>Первый зритель</i>	11	Марк Захаров <i>Не вычеркивай меня из паспорта</i>	120
Нина Архипова <i>Мое детство проходило под пулями</i>	18	Людмила Иванова <i>Почти каждый день стояла в углу</i>	128
Вера Бабичева <i>Мы всегда были вместе</i>	27	Ольга Кабо <i>Наш дом – территория свободы и счастья</i>	135
Дмитрий Бергман <i>Из маминого платья я вырезал кусок на занавес</i>	36	Александр Коршунов <i>Закулисным ребенком я не был</i>	144
Александр Васильев <i>Запоздалый цветок Серебряного века</i>	42	Юрий Лобиков <i>Меня знают как Визбора-младшего</i>	152
Вера Васильева <i>В театр сбежала от повседневности</i>	52	Ирина Мазуркевич <i>Мама посылкой отправляла мне торт</i>	158
Игорь Верник <i>Никто из девушек не похож на мою маму</i>	58	Людмила Максакова <i>Мое самообразование – от мамы</i>	165
Владимир Войнович <i>У нас в семье не отмечались праздники</i>	66	Юлия Меньшова <i>Мои дети называют ее Верой</i>	176
Валерий Гаркалин <i>Найдите время, чтобы сказать о любви</i>	72	Оксана Мысина <i>Она была командиром</i>	184
Анастасия Голуб <i>Хочется, как раньше: мама рядом, и я счастлива</i>	79	Наталья Наумова <i>Мы с мамой – подруги</i>	191
Анна Дворжецкая <i>Меня никогда не ставили в угол</i>	87	Светлана Немоляева <i>У меня были «двойки» по всем предметам</i>	200
		Максим Никулин <i>Родители для меня одно целое</i>	205

Евгений Писарев <i>Я приезжаю к маме – там культ меня!</i>	216	Сергей Таратута <i>Судьба «барабанщицы»</i>	307
Михаил Полицеймако <i>В чем-то я повторил судьбу мамы</i>	223	Анна Терехова <i>Другая Маргарита Терехова</i>	312
Ольга Прокофьева <i>Ее силе мог позавидовать любой мужчина</i>	229	Римас Туминас <i>Однажды мама меня спасла</i>	320
Екатерина Райкина <i>Родные называли ее Ромочка</i>	236	Аня Чиповская <i>Она словоохотливый зритель</i>	328
Иосиф Райхельгауз <i>«Йося, ты не прав!»</i>	242	Шамиль Хаматов <i>Несостоявшийся энергетик</i>	334
Марк Розовский <i>«Мальчик, не болей!»</i>	250	Людмила Чурсина <i>Меня потеряли в картофельном поле</i>	340
Юлия Рутберг <i>Васенька, Васюля, Василёк</i>	254	Александр Ширвиндт <i>Папаша отбил маму у Француза</i>	346
Роксана Сац <i>Внучка Синей птицы</i>	261	Дарья Юрская <i>Мама самый щедрый человек</i>	353
Евгения Симонова <i>Большая семья – мое великое счастье</i>	269	Сергей Юрский <i>Беды и радости одной семьи</i>	361
Евгений Стеблов <i>Ради меня мама ушла из института</i>	277	Антон Яковлев <i>Не признаёт любви наполовину</i>	370
Сергей Степанченко <i>...А то иной раз возьмет ремень или полотенце</i>	283	Алена Яковлева <i>Она во всем была максималисткой</i>	378
Юрий Стоянов <i>У нее потрясающее чувство юмора</i>	290	Генриетта Яновская <i>Ее замечания были прелестны</i>	384
Виктор Сухоруков <i>Бедность и порок</i>	298	Игорь Ясулович <i>Сыночек, лучше бы ты на инженера пошел</i>	393

Предисловие «Здравствуй, мама!»

Фото: Анастасия Морозкина

Рядом с нами так много счастливых людей, которые зачастую не догадываются, как они счастливы от того, что могут в любую минуту произнести два слова и услышать ответ. Всего два слова:

– Здравствуй, мама!

И в ответ:

– Здравствуй!

Это как воздух, которого не замечаешь, пока есть чем дышать. И пока дышишь.

Это как солнечный луч, который согревает. И ты даже не думаешь о нем, пока небо ясное.

Это как глоток воды, которым ты в любой момент можешь утолить жажду. В любой момент, если есть вода.

О мамах написаны сотни книг, тысячи стихов, миллионы строк. Но разве это что-то меняет, если каждому из нас судьба подарила одну жизнь и единственную маму? Единственную, которая и подарила эту жизнь. Значит, она и есть твоя судьба. Твоя капля воды. Твой солнечный луч. Твой глоток воздуха. Но как часто ты понимаешь это лишь тогда, когда замерзаешь, изнемогаешь от жажды и задыхаешься от тоски... И когда уже некому сказать:

– Здравствуй, мама!

Идея этой книги возникла у меня совершенно случайно, в обычный вечер, за обычным дружеским столом в очень узком кругу. Пили неплохие напитки, говорили хорошие тосты о разном — о вечном, о высоком, о смешном... И тут один из нашей компании, человек довольно известный и заслуженный, нарушив полуироничную тональность застолья, вдруг тихо сказал, что он хочет выпить за человека, которому готов отдать все свои награды и звания, готов положить к ногам все свои лавры только ради того, чтобы сказать одну фразу:

— Здравствуй, мама!

Раньше, когда всех этих званий не было и была возможность в любую минуту ей позвонить — он не звонил. Не говорил добрых слов. И даже не думал об этом. Он был погружен в себя, в суету, в процесс, который и привел к званиям и лаврам. А когда перевел дух и оглянулся — оказалось, что показать эти награды некому и некому позвонить.

За нашим столом наступила тишина. Ненадолго. Но — тишина. И я вдруг понял, что тоже молчу. Тоже думаю о маме. И тоже готов положить к ее ногам все свои награды, звания, премии только ради одного слова:

— Здравствуй!

Только ради того, чтобы она улыбнулась не из-за наград и премий, лежащих у ее ног, а просто увидев меня.

Потом вечер продолжился, и снова были шутки, вспоминались забавные истории, звучали витиеватые тосты, но та минута тишины оставалась главной и самой пронзительной нотой хорошей беседы в узком кругу. И тогда я впервые подумал, как было бы хорошо, как важно поговорить с моими товарищами о самом главном. Не о творческих планах. Не о премьерах. Не о роли, которую не сыграл. Не о книге, которую не написал, хотя и это все — важно.

Поговорить о маме. О человеке, с которого и начинались первые планы, роли и премьеры.

Уже утром на редакционной планерке я поручил коллегам позвонить популярным героям наших публикаций и договориться с ними о

встрече ради простой и неожиданной темы — монолога о маме. Вскоре мы получили первый материал. Он стал лучшей публикацией в номере, потому что отличался особой искренностью. В журнале появилась новая интонация — теплая, светлая, волнующая, а все наши материалы о злостном и насущном словно вежливо «расступились».

Рубрика «Монолог о маме» сразу закрепилась в «Театрале» и стала для меня одной из самых важных. И самых сложных, потому что не каждый журналист оказался способен в ней работать. И не каждый наш герой к такому монологу был готов. Когда нам отказывали, а такое случалось не раз, мы не уточняли — почему. Не надоедали звонками. И не настаивали. Слишком личная тема. Слишком живая. И каждый сам вправе решать, готов ли он к откровенному монологу. Готов ли отложить все лавры для того, чтобы оглянуться. И чтобы сказать:

— Здравствуй, мама! Это я посвящаю тебе.

Не один десяток лет судьба щедро дарила мне дружбу с очень мужественным, сильным и надежным человеком, играющим главные роли совсем не в театральной жизни. Это Сергей Шойгу. Далеко не многие знают, что в любой должности и в любом качестве он никогда не расстаётся с одной фотографией, которую считает главной в своей жизни. На крупно напечатанном черно-белом снимке — молодая красивая женщина сидит верхом на коне и, чуть улыбаясь, смотрит в кадр.

— Здесь мама беременна мною, а значит, и я на снимке, — пояснил мне с улыбкой Шойгу, когда я однажды увидел фото, висящее у него на стене.

Его мама тогда была еще жива, он очень трепетно к ней относился и очень дорожил этим портретом. Теперь дорожит еще больше.

Его монолога не было в журнале «Театрал» — профессия из другого «формата». Но разве это что-то меняет?

За несколько минувших лет мы опубликовали десятки замечательных монологов замечательных детей о замечательных мамах. Временами, когда мне бывало грустно, я брал наугад какой-нибудь старый журнал, нахо-

дил любимую рубрику и перечитывал чей-то уже подзабытый монолог. На душе становилось светлее, теплее и как-то не так одиноко.

И однажды подумалось, что, наверное, не только мне грустным и тихим вечером захочется, полистав старый журнал, согреться теплотой слов известных людей. Но кто сейчас, в эпоху гаджетов, хранит старые журналы? Значит, самое время собрать все монологи в одной книге, пока еще книги читают. И мы их собрали. Не все. Потому что рубрика в журнале «Театрал» продолжает жить (недавно мы немного расширили ее тематику, и теперь она называется «Дети закулисья»: ее героями становятся те артисты и режиссеры, чье детство прошло в театре). Но это уже, наверное, ко второму тому.

А первый мы посвящаем маме. Каждый из нас, принявших участие в создании этой книги, своей. Самые счастливые смогут принести книгу домой, сказать:

— Здравствуй, мама!

И протянуть ей. С монологом о ней. Уверен — она будет счастлива.

Остальные оглянутся в тишину. И я тоже. Моей тишине уже больше тридцати лет. Но она от этого не становится привычной. Наоборот — все чаще хочется остановиться, дозвониться, заглянуть — и сказать:

— Это я посвящаю тебе. И увидеть ее улыбку...

Валерий ЯКОВ

Главный редактор журнала «Театрал», президент Международной премии зрительских симпатий «Звезда Театрала»

Фотс: Анатолий Морозов

**ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВ**

Первый зритель

Я появился на свет, когда маме еще не исполнилось и 18 лет. А вскоре родился мой брат. И маме, хрупкой, похожей на девочку, каким-то чудом удавалось справляться с нами и вести хозяйство. Ее часто принимали за нашу сестру. Помню, мы как-то шли по улице, она держала за одну руку меня, а за другую — брата. Мы баловались, она отвесила нам подзатыльники, а какой-то мужчина ее пожурил:

— Что же ты, сестренка, братиков лупишь!

Брат рос озорным, с характером. Сейчас он — профессор, специалист по коррозии металлов, преподает. В детстве же его интересовали не науки, а собаки и голуби. Отец приходил с работы и обнаруживал в тумбочках раненых, хромых голубей.

Фото из семейного архива

Мы жили на Большой Спасской, в деревянном доме. Когда я шел гулять, брал с собой финку. Внизу было полчище крыс, они набрасывались на меня, а я оборонялся.

В нашей большой коммунальной квартире жили две русские семьи, две еврейские, а еще — татарская и немецкая. В еврейской семье росли два сына. В честь одного из них моего брата и назвалиевой. Жили все дружно, помогали друг другу. Тетя Дора научила мою мать готовить еврейские блюда. Мама вообще прекрасно готовила. Она быстро научилась делать фаршированную куриную шейку, фаршированную рыбу и кисло-сладкое мясо. И, когда появлялась такая возможность, баловала нас этими блюдами. Наша семья жила «шикарно» — нас было

четверо — отец, мама, брат и я — и у нас была комната почти 17 метров.

Сейчас Большая Спасская совершенно не похожа на улицу с булыжной мостовой из моего детства. Тогда на углу возвышался великолепный храм Спаса. Его разрушили в тридцатые, чтобы поставить на его месте серое типовое уродливое здание школы, в которой учились девочки. Я до сих пор помню этот потрясающей красоты храм. К тому времени фрески в нем уже были облуплены, едва различимы, но туда

▲ Мама Владимира Андреева была натурой романтической

все же приходили молиться наши пожилые соседки. А рядом находилось старое приходское кладбище.

Храм взорвали. И на этом месте мы играли и порой, бывало, нам попадались чьи-то кости. Или, катаясь на лыжах, вдруг палкой поддевали какую-то кочку, и прямо к ногам скатывался череп. Для нас это не было чем-то удивительным. Не было страха, не было ощущения, что мы совершаем кощунство. Ужас смерти, который иной раз испытывает взрослый человек, нас не касался. Наверное, такова жизнь.

Одно воспоминание помогла мне восстановить мама: однажды она выпустила меня гулять в какой-то красной шапочке. Мне было тогда два с половиной года. Вышла за мной, а меня нет. Она — к знакомым по дому, по двору:

— Не видели Володю?

Выходит из храма старушка:

— Вот ты мечешься, а он стоит молится.

Мама вбегает и видит меня среди молящихся на коленях у алтаря.

Играя во дворе, я вдруг остановился перед дверями храма. И захотелось войти. Я остался и молился... как мог. А мама звала домой. Что это было? Тяга к Господу? Или во мне уже бродили те ферменты, что потом потянули меня к театру?

Кое-что на Большой Спасской все-таки сохранилось. Остался родильный дом, в котором я появился на свет. Ломбард, куда мои родители в послевоенное время носили жалкие остатки добра. Помню громадные очереди в ломбард — на смену мне и младшему брату приходила мама...

Желание стать актером у меня появилось очень рано, еще в школе, но ни у кого из родных это восторга не вызвало. У них был понятный страх перед неведомой и непрочной судьбой актера, которую никто на свете не может ни предсказать, ни вычислить. Дядя, человек очень образованный, профессор, который всегда помогал нам, узнав о моем желании, твердо сказал:

— Лучше быть хорошим инженером, чем средним актриской. Мама, единственная, поддерживала меня и помогала.

По счастью, она дружила с женщиной, которая имела знакомства в театральном мире. Когда я уже ходил в театральную студию, мать поделилась с ней своими сомнениями:

— Мне кажется, Володя будет артистом, но никто в это не верит. Может быть, кто-нибудь его посмотрит.

Она даже подарила этой знакомой золотое колечко, доставшееся ей от бабушки (мамы моего отца). И эта женщина обещала поговорить с самой Варварой Николаевной Рыжовой, выдающейся актрисой Малого театра. Та согласилась. И многое, конечно, зависело от ее приговора.

Так я оказался в Пименовском переулке, в двухэтажном домике, где жили Варвара Николаевна и ее сестра Елена Музиль, внешне чопорная и строгая дама с острыми глазами. С трепетом вошел в их комнату. Увидел синенькие обои, старинную мебель, а главное — стены, увешанные фотографиями. Да какими фотографиями! Их отец — знаменитый комик Николай Игнатьевич Музиль, великая Мария Николаевна Ермолова, Александр Николаевич Островский... У меня от волнения дыхание перехватило.

Добрейшие сестры долго спорили, стоит ли меня слушать, и страстно обсуждали, что я вообще собой представляю — *jeun premier* или характерный простака. Хотя, что я тогда мог собой представлять?

Этот удивительный мир поверг меня в великий трепет. Я вдруг понял, что сейчас, через несколько минут, меня будут разглядывать глаза, которые видели живого Островского, что судить о моих способностях станут представители театральной династии, которую любил и уважал великий драматург.

И вот мой час настал, и я, в свои неполные семнадцать лет, начал читать монолог Бориса Годунова из пушкинской трагедии: «Достиг я высшей власти. / Шестой уж год я царствую спокойно»...

Когда я закончил, у меня все закружилось перед глазами — то ли от волнения, то ли от веры в «предлагаемые обстоятельства». Одним словом, я чуть не упал. Знаменитые старушки отпаивали меня валерьянкой. Варвара Николаевна меня благословила.

“Я никогда не видел маму сидящей без дела. Она была настоящей работягой, хваталась за любую работу. Терпеть не могла, чтобы ей помогали — все хотела делать сама

Когда я поступил в ГИТИС, мама была счастлива. Как-то прихожу из института, а она, тоненькая, хрупкая, в черном спортивном трико делает стойку на руках. Стоит как струнка. Я-то думал — кому нужно сценическое движение? А она без всяких рассуждений решила мне это продемонстрировать.

До сих пор думаю: откуда у нее столь решительный характер? Возможно, сказалось нелегкое детство, проведенное в детском доме. Она ведь попала туда после того, как моя бабушка сбежала от мужа, оставив ему двоих детей (то есть мою будущую маму и ее старшую сестру). С детьми муж ужиться не мог (или не хотел), и они оказались в приюте, где жизнь была, конечно, не сахар, но вот мама каким-то образом научилась справляться с житейскими трудностями. А потом, очень рано влюбившись, вышла замуж за моего отца, и они стали жить самостоятельно. И сколько я ее помню, у нее всегда был боевой характер, обостренное чувство справедливости, что передалось ей, наверное, от мамы (т.е. моей бабушки), которая участвовала в митингах против гражданской войны в Испании, кричала «но пасаран!», активно занималась общественной работой, но воспитанию собственных детей, как я уже отметил, не придавала столь важного значения.

фото из семейного архива

▲ «Она была женщиной гордой, иногда жесткой, но готова была все отдать близким»

Другое дело — моя мама. Она очень гордилась мной (и, разумеется, Левой). Ходила на спектакли, смотрела все мои фильмы, собирала статьи обо мне и фотографии. И при этом — никакого сюсюканья и слюнтяйства. Это было ей чуждо.

Я никогда не видел маму сидящей без дела. Она была настоящей работягой, хваталась за любую работу. Изучила ремесло ретушера. Брала работу на дом — обрабатывала негативы. Заказов было много — все знали, что Елена Андреева прекрасный ретушер. Когда началась война, она пошла на оборонный завод. Перетаскивала огромные тюки.

Вообще мама была очень стойкой. Когда отец заболел и стало ясно, что он угасает, она мужественно продолжала бороться за его жизнь. Не отходила ни на минуту. Читала книги по медицине. Она была жен-

щиной гордой, иногда жесткой, но готова была все отдать близким. Когда отца не стало, не захотела жить ни у меня, ни у Левы. Терпеть не могла, чтобы ей помогали — все хотела делать сама.

Дожила она почти до 90 лет. Может быть, прожила бы и дольше, но как-то решила сама передвинуть полку с книгами. В результате — обширный инфаркт.

После смерти отца и я, и брат постоянно к ней приезжали. Не оставляли одну. В последний день около нее был Лева. Когда ее не стало, он мне позвонил и сказал:

— Мать скончалась. Она мне сказала: «Лева, по-моему, чайник кипит». Я вышел на кухню, вернулся, а она уже умерла.

После похорон я нашел в ее скромной однокомнатной квартире все свои письма и деньги, которые ей посылал. То есть она умудрялась жить на мизерную пенсию, не говоря мне об этом. А когда мы встречались, как красиво она угощала! Обижалась, если я торопился. Мои же деньги берегла, очевидно, для того, чтобы уйти в последний путь, никого не обременяя. И сколько бы мы ни пытались ей объяснить, что тяжелые времена позади и что можно всегда положиться на нас с Левой, — все было тщетно. Она привыкла жить так, чтобы ни от кого не зависеть.

Владимир Андреев

*Народный артист СССР, президент Московского
драматического театра им. Ермоловой, профессор ГИТИСа*

Фото из семейного архива

НИНА АРХИПОВА

Нина Архипова

Мое детство проходило под пулями

Мое детство проходило под выстрелами. Папа, герой Гражданской войны, при первом удобном случае хватался за револьвер. Однажды он привел маму в кино, но поскольку она была маленького роста, носила кепочку, то ее приняли за ребенка:

— Нет, нет, детей не пускаем, — сказал администратор. — Покажите паспорт.

Но отец вместо паспорта показал револьвер.

Револьвер у него всегда был под рукой. И когда они собирались с друзьями, выпивали и вспоминали Гражданскую войну, то время от времени бабахали в потолок. И я тут же под ногами крутилась. Самое удивительное, что мама в этот момент не боялась ни за себя, ни за ребенка...

Познакомились родители весьма неожиданно. Папа, обойдя с войсками Котовского полстраны, заскочил по делу в революционный Петроград. И в одной из канцелярий заметил девушку, у ног которой сидела козочка.

Разговорились:

— Вы ходите на работу с козочкой?

— Да, я попросилась к ним в канцелярию при условии, что они разрешат мне приводить козочку с собой. Оставить ее не с кем, а тут она меня ждет. И они согласились взять, только я должна убирать за ней...

Детали той встречи я не знаю, но девушка влюбилась в моего будущего отца и, пристроив кому-то козочку, оставила Петроград — примкнула к папиной конной дивизии, чтобы отправиться с ним на фронты Гражданской войны и подавлять восстания повстанцев. Они проехали через полстраны, но в марте 1921 года отца арестовали в Омске за контрреволюционную деятельность и приговорили к расстрелу.

К тому моменту мама была на восьмом месяце беременности. Как она пережила эти страшные дни, я даже представить себе не могу. Наверное, ходатайствовала об освобождении, обивала пороги, лишь бы папу выпустили. Деталей не знаю, но три недели спустя следователь дело пересмотрел, и отца выпустили. Состав преступления не обнаружили. Из документа, сохранившегося в Омском архиве, я знаю, что произошло это 14 апреля.

Родилась я тоже в Омске, 1 мая 1921 года, после чего дивизия двинулась дальше. А чтобы маме было комфортно, ей разрешили разместиться в обозе. В том же обозе ехал и папин денщик, который фактически стал для меня нянькой, ведь большую часть времени я проводила у него на руках.

В начале двадцатых годов мы переехали в Москву — папе дали комнату в коммуналке на Коммунистической улице.

О той комнате у меня остались самые светлые воспоминания. Неплохо запомнилась и атмосфера тех лет. На дворе был нэп, расцвела частная торговля, к нашему дому приезжали фургоны, и продавцы кричали на весь двор:

— Фран-цуз-ские булочки! Фран-цуз-ские булочки!

Я дергала маму за рукав, она давала деньги — и я бежала за этим лакомством.

Папа по-прежнему тосковал без своей кавалерии, сетовал на судьбу и никак не мог смириться с канцелярской работой, которой вынужден был заниматься.

А маме тосковать не пришлось. Моды, духи, шляпки, шеншеля — все это было ее стихией. Одевалась она изысканно и воспитывала меня под стать себе. Например, била по губам:

— Не распускай губы!

В ту пору ценились маленькие губки.

Еще она хлопала меня по животу:

— Как ты стоишь!

И я втягивала живот, лишь бы ее не расстраивать.

А вскоре мы с папой остались вдвоем, поскольку мама с каким-то человеком уехала в другой город. Это сегодня кажется: ах, какой кошмар, мама рассталась с ребенком. Но в нашей семье произошло это как-то само собой. Вот мама, которая меня любит, на время покидает наш дом. Вот я остаюсь с папой, который тоже меня любит, но слишком занят на работе и не может целый день быть со мной. И потому, когда он взял меня за руку и повел в детский дом, интуиция мне подсказала: не надо бояться. Я знала, что ему сейчас тяжело, но он меня любит и скоро заберет...

В детском доме кормили неважно. Особенно жутко хотелось есть перед сном. Поэтому мы пробирались к большому котлу с кипятком и глотали воду. Она ненадолго притупляла чувство голода, и в этот про-

Фото из семейного архива

▲ *Этот портрет — то немногое, что сохранилось у Нины Архиповой в память о маме. Во времена нэпа мама трагически погибла*

межуток нужно было постараться уснуть. Спальных мест не хватало — нас укладывали по два на одной кровати.

Захотелось домой, и я предложила некоторым своим сверстникам сбежать. Мы подошли к деревянному забору, стали карабкаться на него, как вдруг раздался треск — я очнулась уже на земле с жуткой болью в позвоночнике. Побег не состоялся, но меня поругали и прописали постельный режим, поскольку травма заживала долго.

Постепенно я стала привыкать к детскому дому, но вдруг однажды через большое окно увидела маму. Вот она приближается к нашей калитке, но... проходит мимо. Я подняла такой крик, что страшно передать — через стекло кричала ей:

— Мама, мама!

Фото из семейного архива

▲ Нина Архипова в роли Денизы. «Мадемуазель Нитуш». Театр им. Вахтангова, 1943 г.

Но она не слышала и скрылась за углом. И у меня, девочки, в общем-то, сдержанной, началась истерика. Это потом уже выяснилось, что перед калиткой была огромная лужа, и мама решила ее обойти. Наконец, она появилась на пороге детского дома, и я, зареванная, бросилась к ней. В тот день она говорила, что забрать меня пока что не может, но очень скучает и заберет при первой возможности.

Не забывал обо мне и папа.

Недалеко от нас (на Воронцовской улице, 4) жила Надежда Александровна Херсонская. Когда-то она была супругой фабриканта Ивана Беляева из подмосковного города Александров.

И вот однажды папа зашел к ним и рассказал, что, дескать, Мурочка (так он звал мою маму) уехала с другим человеком, а ребенка оставила...

— Куда же ты Нину дел? — спросила Надежда Александровна.

— Ничего не оставалось, кроме как устроить ее в детский дом.

Надежда Александровна вскипела:

— Разве можно было! Ты что! Это же детский дом! Ты вообще представляешь себе, что это такое?!

— Ну, а как быть? Я ведь работаю и не могу заниматься ребенком.

— Уж мы-то тебе всегда бы помогли, — не унималась Надежда Александровна.

И вскоре после той встречи папа приехал за мной и забрал домой. Точнее сказать, я жила теперь у тети Нади, так я ее называла.

Полтора года спустя моя мама вернулась к отцу. И я стала реже бывать у тети Нади, зато переселилась в нашу коммуналку на Коммунистической улице. И для нас с отцом это было лучшее время. Я пошла в школу, семья наконец стала полноценной, но вскоре мама стала ходить на каток с молодыми людьми, а мы оставались дома, поскольку нас не звали.

В школе на Таганке я проучилась до третьего класса, а потом вдруг мама сказала, что мы с ней переезжаем на новое место.

— А папа? — спросила я.

— А папа остается...

Что произошло, я не представляла. Но вещи были собраны, и мама, взяв меня за руку, повезла на Арбатскую площадь — в просторную квартиру (дом располагался напротив кинотеатра «Художественный», но не сохранился, поскольку в годы войны в него попала бомба). Оказалось, что теперь у нее новый муж — Иван Михайлович Кудрявцев, который занимает какой-то высокий пост. И отношения у них устоявшиеся. Меня удивило, например, что мама называла его французским именем Жан. Несколько раз он пытался подружиться со мной, но я не шла ни на какие контакты. Не хотела ничего о нем знать.

Я ухитрилась ложиться спать раньше. Никогда не смотрела в его сторону. Не знаю, какие у него волосы, какая одежда, молодой он или старый. Я его не видела и тосковала по папе.

Да и в новую мамину квартиру возвращаться особенно не хотелось: у них с Жаном все чаще происходили ссоры, все больше и больше перерастающие в конфликт. Он просил, чтобы мама не выделялась:

никаких тебе мехов и шляпок. Только беленькая кофточка, платочек, скромная юбочка. Наверное, были и более веские причины для разногласий, но запомнились эти. Дошло до того, что однажды мама пришла в мою комнату с его револьвером и спрятала у меня под подушкой:

— Ты смотри, не говори ему.

И я молчала.

В маминой комнате жил голубь со сломанной ножкой. И пока этот человек был на работе, я приглашала к себе школьных подружек, мы ухаживали за голубем. Или разыгрывали что-то вроде спектакля на широком подоконнике, а потом, конечно, разбегались.

Однажды в той комнате раздался сильный хлопок. Я прекрасно поняла, что это за звук. Но какова природа детской психологии! Я сразу сказала себе, что это мой голубь уронил блюдечко с водой. Оно на подоконнике стояло, и вот, по всей вероятности, он его смахнул. Надо пойти налить ему водички. Но, когда я открыла дверь, то увидела множество людей. Они быстро меня схватили и увели к себе:

— Маме плохо, приехала скорая...

Я не рыдала. Но оттого что с детства знала звук выстрела, понимала, что мама решила всадить себе пулю. Для меня это было ясно. И я с надеждой ждала финала.

Но финал был печальный.

Мы с Жаном остались в квартире вдвоем. Он в своей комнате, а я в маминой. И вдруг слышу стук в дверь и... папин голос. От соседей (я дала им номер телефона) он узнал о происшествии и, разъяренный, примчался сюда — требовал открыть ему дверь.

Кудрявцев перепугался. Стал зловеще шептать мне:

— Не открывай, не открывай, не открывай, будет стрельба.

Но я не послушалась и открыла.

Папа влетел (он был подвыпивший). Вот-вот могла начаться драка, но Кудрявцев изо всех сил старался его успокоить:

— Давайте сядем, поговорим, я вам все расскажу. Вы же не в курсе. Я не виноват. Она сама... Вы же знаете ее характер. Вы знаете, сгоряча она может... Она уже не один раз стреляла в себя и при вас, наверное, тоже стреляла. Она с этим оружием обращалась... Вот такой у нее характер.

“В маминой комнате жил голубь со сломанной ножкой. Я приглашала к себе школьных подружек, мы ухаживали за голубем. Или разыгрывали что-то вроде спектакля на широком подоконнике, а потом, конечно, разбегались”

Папа сказал:

— Я сяду с вами, только если вы отдадите мне ее портрет.

Но Кудрявцев воспротивился:

— Нет, портрет не отдам.

— Тогда никаких объяснений.

Долго они еще спорили. Кудрявцев уступил: мол, отдаст портрет Нине. И папа уехал, потому что забрать меня не мог. Правда, сказал мне, чтобы я собирала вещи и что за мной приедет Надежда Александровна. Снова моя дорогая тетя Надя!

Так оно и случилось. Через день она появилась и, забирая меня, заинтересовалась у Кудрявцева:

— А когда похороны?

На что тот ей ответил:

— Я ее уже похоронил.

В тот же день Надежда Александровна позвонила моему папе:

— Коля, ты представляешь, он ее уже похоронил.

— А Нина на похоронах была?

— Нет, он никого не звал.

Тогда папа помчался на кладбище — к начальнику крематория:

— Как же вы могли похоронить, ведь родственники еще не попрощались?

Директор стал оправдываться:

— Мне этот Кудрявцев сказал, что у нее никого нет. И что он единственный близкий и любящий человек. Он заказал музыку, сидел плакал, прощался с ней.

Папа недоумевал:

— У нее есть родственники, есть приятели, друзья, а главное дочь!

И вдруг директор говорит:

— Вы знаете, мне тоже эта история показалась подозрительной. Поэтому я гроб опустил, но команду сжигать не давал. А когда человек ушел, мы гроб снова передали в морг.

Папа рассказал ему о том, почему так все произошло. И на следующий день были похороны. Мы проводили маму в последний путь.

После маминой смерти я вернулась к Надежде Александровне на Таганку, но в школу продолжала ездить на Арбат — трамваем через всю Москву. Впрочем, это уже другая история.

Нина Архипова (1921–2016)

Народная артистка РФ, актриса Театра сатиры

фото из семейного архива

**ВЕРА
БАБИЧЕВА**

Мы всегда были вместе

С момента моего рождения для мамы не существовало ничего важнее меня, и она никем не интересовалась кроме меня. Может, это потому, что я была поздним ребенком. А, может, она просто не умела иначе любить — только с полной отдачей, не думая о карьере (тогда и слова такого не было), и всю жизнь терпя моего папу. Когда я, повзрослев, спросила: «Почему же вы не развелись?» — она твердо ответила: «Ребенок должен расти в полной семье». Вот такая нехитрая философия: чтобы было все, как у людей. И меня этому пыталась научить.

Мама не доверяла ни няням, ни яслям, ни детскому саду. Все — сама. Она из-за меня не работала. А больше всего волновалась о том, чтобы ребенок был сыт и по погоде одет. Она кормила меня так усердно, что на долгие годы вперед обеспечила мне борьбу с лишним весом (похудеть я смогла лишь в студенчестве).

Фото из семейного архива

▲ Вера Бабичева с мамой Любовью Семеновной и двоюродным братом Борисом Тестером

Когда мне исполнилось шесть лет, мама решила, что я должна заниматься музыкой. Доходы в семье были скромные, поскольку работал один только папа, инструмент купить не могли, но взяли напрокат. Для меня не было ничего тяжелее, чем заниматься музыкой: я возненавидела ее всеми фибрами своей души. Вероятно, у меня просто не было никаких данных. В результате несколько лет спустя я музыку забросила, и пианино благополучно вернули в «прокат».

Однако побывав на «Лебедином озере», я захотела заниматься балетом, и мама повела меня в балетную студию. Там сказали, что в целом

по данным я подхожу, но надо похудеть на 12 килограммов. Мама не могла пойти на такие жертвы и решила, что балет не для меня.

Ни на минуту не выпускала меня из поля своего внимания: водила за руку лет до тринадцати. И, кажется, ей было просто физически необходимо дышать со мной одним воздухом. Когда я пошла в первый класс школы, которая находилась прямо в нашем ленинградском дворе, она устроилась туда же работать секретарем директора. Контроль был тотальный: как я поела, как себя вела, как отвечала на уроке, какие оценки получила и так далее. Она делала со мной уроки и следила, чтобы я не болталась без дела. Я понимаю теперь, что все ее усилия складывались в некую копилку: увлечь ребенка хорошими делами, научить учиться. Она страшно боялась дурного влияния улицы и потому всегда находила, чем меня занять.

Я брала уроки английского у нашей соседки-учительницы. Правда, с годами выяснилось, что она сделала все возможное для того, чтобы я никогда в жизни так и не заговорила на нем.

У меня были отличные данные для волейбола: самая высокая в классе. Но едва я стала ходить в секцию, как тут же сломала руку, и волейбол закончился. И вот тогда — чудо! — мама отвела меня в театральную студию. И оказалось, что, на свою голову, она привела меня туда, куда следовало.

И хотя первую роль (Голову оленя в сказке «Снежная королева») я играть отказалась, у меня проснулись амбиции, и драмкружок я организовала в своей школе.

На нашем первом спектакле все рыдали от смеха, а мама решила, что мне не следует этим заниматься. И вот тут я впервые проявила волю, заявив, что буду заниматься только театром. Но в ответ на мое «буду артисткой» мама отдала меня в школу с торговым уклоном. И переломить ее волю стоило огромных усилий.

Но все же мы смогли достигнуть компромисса. Оттуда я перевелась в школу рабочей молодежи — для того чтобы все свободное время посвя-

щать театральной студии Института им. Герцена. А поскольку для учебы в этой школе требовалось постоянное место работы, меня устроили в жилконтору, но фактически на работу ходила мама. Так я получила счастливую возможность пропадать в студии, где у меня появилось много интересных друзей. Питерский андеграунд — дух свободы и протеста. Но мама требовала, чтобы в десять вечера я была дома. Разве это возможно? И, наконец, чтобы меня удержать, она предложила:

— Собирайтесь у нас.

Так, в один миг наша ленинградская коммунальная квартира превратилась в проходной двор. Мы бесконечно что-то обсуждали, галдели, репетировали, читали вслух. Мама терпела и кормила эту ораву молодых и вечно голодных талантов.

И вот однажды, сыграв первый студийный спектакль, я на крыльях прилетела домой, и с порога услышала от мамы:

— Ты поела?

И ни слова о спектакле, будто премьеры не было! Я просто взорвалась:

— Мама, сейчас я выйду и когда вернусь, ты меня спросишь, как прошел спектакль и как я себя чувствую в качестве актрисы, а уже потом — о чем хочешь.

Вышла. Посидела на лавочке у подъезда, выпустила пар. Захожу. Мама говорит:

— Как прошел спектакль?

И без паузы:

— Так ты ела?

Но я ее не упрекаю. Характер. Она ведь пережила Великую Отечественную войну, и судьба ее, по большому счету, не сложилась. Она тоже мечтала стать артисткой. В своем родном Ростове-на-Дону в юности работала в кассе театра драмы — для того чтобы хоть немного стать ближе к искусству. Наверное, это ее желание подсознательно сработало во мне.

Фото из семейного архива

▲ После окончания ЛГИТМиКа студенческий курс отправился в Волгоград. Справа — Любовь Семеновна с дочерью Верой Бабицовой, в центре — актер Игорь Еремеев

В первый год я не поступила в ЛГИТМиК и устроилась работать в детскую библиотеку. Вернее, числилась я, а работала — опять же мама. На следующий год поступила. И поскольку институт находился рядом с нашим домом, теперь уже весь курс собирался у нас в коммуналке. И мама всегда была с нами — тихонько сидела, смотрела... В какой-то момент она тоже попыталась устроиться в ЛГИТМиК на работу, но места для нее не нашлось.

На 3-м курсе я заявила, что хочу жить отдельно. Мама не возражала и сняла для меня комнату в коммуналке в соседнем доме. Но самостоятельной жизни не получилось, потому что у нее был второй ключ. Так что, пока я пропадала на занятиях, она приходила, наводила порядок и самое главное — готовила «ребенку» еду. Невольно я настолько привыкла быть опекаемой, не знала элементарных бытовых вещей и во многом оставалась инфантильной. Такая вот была любовь.

Когда я похудела, похорошела и у меня благополучно сложилась учеба, мама вознеслась на седьмое небо от счастья, поскольку теперь отчетливо поняла, что я не пропаду, что у меня есть вполне радужные перспективы.

После института мы всем курсом уехали в Волгоград. Я с легким сердцем покидала свой родной город, понимая, что могу состояться, только если начну жить самостоятельно. Но через неделю мама приехала следом за мной и поселилась в том же гостиничном номере. Так, наверное, и жили бы мы вместе, если бы она не разболелась. Пришлось вызывать папу, который помог ей добраться домой.

“После института мы всем курсом уехали в Волгоград. Я с легким сердцем покидала свой родной город, понимая, что могу состояться, только если начну жить самостоятельно. Но через неделю мама приехала следом за мной и поселилась в том же гостиничном номере

Потом меня пригласили работать в Ереван — в Русский драматический театр им. Станиславского. Честно сказать, я жутко обрадовалась: от Питера до Еревана почти три тысячи километров. Но два месяца спустя мама приехала и туда, задержавшись на всю зиму. Так на протяжении восьми лет моей работы она приезжала осенью и возвращалась в Ленинград лишь по весне. Не говоря уже о том, что, желая постоянно лицезреть мой успех, она ездила со мной на все гастроли и смотрела все спектакли. А я как-то очень быстро стала ведущей молодой актрисой, и мама спешила получить долю заслуженных комплиментов в свой адрес. Обычно, сидя в зале, она сообщала соседям, что на сцене — ее дочь и слышала в ответ:

Фотос: Анастасий Морозов

— Какая красавица! Как хорошо играет! Она — лучше всех!

А потом приходила за кулисы и заявляла:

— Доченька, ты была лучше всех!

— Мама, опять ты за свое.

— Нет, это сказала не я. Это сказали люди.

Я многократно просила, требовала, умоляла не ставить меня в неловкое положение. Но открывался занавес, мама ждала моего выхода, и все начиналось снова:

— Хорошая артистка, правда?

— Да!

— Это моя дочь.

Мама очень экономила, откладывала деньги из пенсии, но считала, что я должна ездить на такси, беречь свои силы перед спектаклем. А еще довольно часто мы ходили с ней в рестораны. И, разумеется, в бытовом плане мне с мамой легче жилось. Но несмотря на то, что я была уже взрослым человеком, установка быть дома в десять вечера не отменялась. Мама, как могла, оберегала меня от всего, от самой жизни, навстречу которой я так стремилась.

Однажды Ереванский театр поехал в Махачкалу. Это был ад крошечный: жара, условий никаких, маленький гостиничный номер с одной кроватью, но тем не менее мы как-то разместились: мама на кровати, я — на полу. А из Махачкалы был выездной спектакль — на неделю мы уезжали в какую-то тьмутаракань. Для мамы не нашлось места в автобусе, и она оставалась «на берегу». Когда наш автобус отъезжал, я увидела: мама стоит на подоконнике в нашем номере и картинно-красиво машет рукой. Мы уехали. А когда через неделю вернулись, мама встретила меня с гипсом на обеих руках. Оказалось, помахав мне вслед, она оступилась.

Потом Ереванский театр приехал на гастроли в Москву. Мы играли на сцене Театра им. Моссовета, и в трех спектаклях из четырех у меня были главные роли. В зале полно родни — московские, питерские. Про

меня много писали — мама скупала пачки газет в киосках и всем раздавала. А перед этими гастролями мне как раз дали звание заслуженной артистки Армении. И это был мамин праздник. Я рада, что она успела это увидеть.

После тех гастролей меня пригласили в московский Театр им. Маяковского. И пока я доигрывала свои спектакли в Ереване и паковала чемоданы, мама в Питере тоже собирала вещи. Взяв ковер и телевизор, она переехала в Москву и поселилась у родственников, а для меня сняла комнату неподалеку. Я начала играть в Театре Маяковского, и первый мой спектакль был «Трамвай “Желание”», где я исполняла роль Стеллы, сестру мою (Бланш) играла Светлана Немоляева, а мужа (Стэнли Ковальски) — Армен Джигарханян. И это был еще один звездный час для моей мамы. Правда, вскоре она заболела и в театр ходить уже не могла.

В последние дни ее жизни я была рядом. Она болела тяжело и просила Господа о том, чтобы он послал ей скорую смерть для того, чтобы она не мучила меня. Не чтобы самой не мучиться, а именно — чтобы не мучить меня. Она и от этих проблем хотела меня избавить. И произошла странная вещь — мы как будто поменялись местами. Я говорила ей:

— Ну, доченька моя, ну, потерпи.

А она отвечала:

— Мамочка моя, спасибо тебе!

В какой момент это произошло, я не заметила, но случалась такая метаморфоза. И все мои обиды, и все попытки вырваться из-под контроля вдруг улетучились, мне никуда не хотелось от нее уходить, и в моем сердце не было ничего, кроме любви к ней.

Вера Бабичева

*Заслуженная артистка РФ, заслуженная артистка Армении,
актриса Театра на Малой Бронной*

ДМИТРИЙ
БЕРТМАН

Дмитрий Бертман

Из маминого платья я вырезал кусок на занавес

Смоим отцом мама познакомилась на работе. Она только окончила иняз и преподавала английский язык в Институте культуры (нынешний МГУКИ). Ей дали первую в жизни группу студентов-режиссеров. И ее внимание обратил на себя интересный молодой человек, который, как выяснилось, недавно пришел из армии, но уже успел поработать в Чебоксарском театре и даже сыграть молодого Ленина. Так началось их знакомство, а позже они поженились.

Папа пел песни, сочинял стихи, писал сценарии, а мама занималась педагогикой, хотя и не любила слово «педагог». Среди друзей нашего дома были Константин Азадовский, Кама Гинкас, Гета Яновская, поэтому и в театре я оказался впервые достаточно рано — в четыре года. Мама

отнеслась к этому событию довольно серьезно (словно в воду глядела!) и после тюзовского спектакля поставила на программке дату моего первого похода в театр и сделала «историческую надпись»: «Дима сказал: “Лиса плохо пела, а волк получше”». Она же в антракте повела меня за кулисы, и я увидел, что дядя Володя, который ходит к нам в гости, стоит в костюме Бабы-яги. Думаю, что режиссура в моей жизни именно в тот момент и началась. Театр перестал быть волшебством и сказкой: мне захотелось это чудо понимать и создавать самому. Я попросил каждый день водить меня в театр. И мама охотно это делала.

С маминой же подачи я основал под диваном свой первый театр. У меня там были кулисы и падуги, двигались цветные фигурки, а декорации прятались в диван. Постепенно репертуар разрастался, и я построил новую сцену на одной из полок стеллажа. Мама делала вид, что так и надо. Она не мешала мне «заниматься творчеством» даже тогда, когда я издевался над гостями. Например, выключал в комнате свет, но включал его «на сцене» и ставил пластинку с какой-нибудь оперой, дескать, вы в театре. Через пять минут гости, конечно, сбегали.

Но однажды пришел Кама Гинкас:

— У тебя «Лебединое озеро» есть в репертуаре?

Я поставил ему пластинку. И вдруг смотрю — он сидит и никуда не уходит. Говорит:

— А можно этот фрагмент повторить?

Я отвечаю:

— Нет, в балете так не бывает — надо слушать до конца.

Дослушал до конца, говорит:

— Еще хоч.

Я поставил снова. И потом фрагмент «Лебединого озера» он взял в свой «Вагончик» во МХАТе...

Моим театром заинтересовалась и Гета Яновская:

— Вся нижняя машинерия у тебя есть, а верхней не хватает, — сказала она. И вместе с Гинкасом на школьные линейки мы навязали нитки. С того времени у меня были подъемные декорации. А вскоре папин друг Владимир Бугров на мое 10-летие сделал подарок — принес огромный подмакетник размером с два телевизора «Рубин». Поворотный круг был из проигрывателя, а планшет сцены застелен пенопластом, там размещались софиты из елочных гирлянд и даже рампа!

“В недрах пианино жили и «птички», и «волк», но самым большим наказанием была вот эта скрипящая педаль с Бабой-ягой. Инструмент активно участвовал в воспитании — и вкус к музыкальной драматургии тоже пошел оттуда

И тут я снова почувствовал, что мама одобряет мои театральные опыты, поскольку она позволила мне из своего свадебного платья (а ведь для женщин это самая памятная вещь гардероба) вырезать кусок на занавес. Кстати, позже этот подмакетник мне помог, когда я учился в ГИТИСе и весь мой курс сдавал с его помощью экзамены. Помогли и декорации, которые мама продолжала бережно хранить.

Несколько раз в неделю мама водила меня в музеи, а главное — в консерваторию. И я слушал Рихтера, Гилельса, Архипову, Образцову... Но когда в школе получал плохую оценку, мама знала, как меня наказать:

— В театр не пойдешь.

Я садился на кухне у окна (в такие дни почему-то всегда шел дождь), рыдал и вклипывал:

— Там Мими умирает, а я дома торчу.

В первом классе мама отвела меня в музыкальную школу, чтобы я занимался фортепиано. И это было очень тяжело: при своем абсолют-

▲ Людмила Жумаева — профессор Московского государственного университета культуры и искусств

ном слухе я был ленив. Дома всегда была куча пластинок. Я брал запись Гилельса, слушал и через 5 минут играл, как Гилельс. И так до 4-го класса. А в 4-м классе открылось, что я не знаю ни одной ноты. Начался кошмар — ежедневные занятия сольфеджио.

Мама хотела, чтобы я стал пианистом, но я сделался режиссером. У меня была очень хорошая рука, техника, все учителя говорили:

— Надо в училище, в «Мерзляковку», в консерваторию...

Но мне это все не нравилось. Разве что любил играть для себя. Спустя годы я понял, как это хорошо, когда владеешь инструментом. Можно взять клавишник, поиграть дома и разобраться, что к чему. Мне это помогает при постановке спектаклей, и за это я маме безмерно благодарен.

Первый инструмент, на котором я занимался, стал моим любимым инструментом, хотя он и был очень плохой — деревянное полированное пианино «Заря», купленное мамой в кредит. Когда я допускал очередную оплошность, мама нажимала на скрипящую педаль и говорила:

— Это Баба-яга.

В недрах пианино жили и «птички», и «волк», но самым большим наказанием была вот эта скрипящая педаль с Бабой-ягой. Инструмент

активно участвовал в воспитании — и вкус к музыкальной драматургии тоже пошел оттуда.

Нравился мне и балет. В третьем классе я повесил объявления на все столбы по дороге из школы домой: «Набирается труппа для балета “Лебединое озеро”». И к нам домой повалили люди, спрашивали: когда начнутся занятия? Мама сначала не понимала, о чем речь. А мне просто очень хотелось станцевать там Коршуна, мне так нравились его крылья! За такие проявления любви к искусству мама меня никогда не наказывала.

А во время моей учебы в ГИТИСе она вдруг утратила свое влияние на меня. Я ведь все время пропадал в институте, там же случилась первая любовь. К слову сказать, мама всегда дружила со всеми моими девушками.

После смерти отца стало тяжело: прежде в доме всегда был праздник, а теперь там одиноко. Мама живет с собачками, хотя я ей много помогаю. Пытаюсь делать все, чтобы ей было легче, зову на все свои премьеры, стараюсь показать мир. Она читатель всей критики в мой адрес. Стараюсь держать ее в форме. Мы ведь живем за городом, на ней и дом, и хозяйство, и собаки, и кот... Она пишет книги, много переводит, на конкурсе Чайковского переводила Вану Клайберну. Классическая музыка вошла в ее жизнь очень давно — еще в инязе она училась с Тусей Козловской, дочерью Ивана Семеновича Козловского, и пропела с ним все оперы.

Сегодня мама — профессор университета: в МГУКИ она возглавляет кафедру иностранных языков. Читала курс лекций в Оксфорде, в Гронингенском и Лейденском университетах в Голландии, выступала в Сорбонне. Она сумела подстроиться под ритм современной жизни. Сама водит машину. У нее был «Жигуленочек», но после смерти отца я купил ей желтый Hyundai Getz. Сделал так: купил маленькую игрушечную машинку, положил в нее ключик, пришел вечером домой и говорю:

— Вот, я тебе машинку купил.

— Зачем ты деньги тратишь на всякие машинки! — заворчала мама.

— Да ты посмотри, — говорю, — там ключик внутри. А машинка на улице.

Уже столько лет она на ней ездит, обожает ее. В Нью-Йорке купил ей женский английский костюм такого же ярко-желтого цвета, теперь моя мама — леди в желтом на желтом авто.

Дмитрий Бертман

*Народный артист РФ, режиссер, художественный руководитель
московского музыкального театра «Геликон-опера»*

Фото из семейного архива

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

Александр Васильев

Запоздалый цветок Серебряного века

Моя мама Татьяна Гулевич родилась в 1924 году в Белоруссии, в Гомельском крае, где ее родители отдыхали на даче: дед был страстным охотником. С младенчества и до четырехлетнего возраста мама жила в Гомеле: ее мама там работала врачом в родильном доме. Затем училась в Москве и отдала этому городу всю жизнь. Она была неудержимым жизнелюбом. А в жизни нашей, банальной и суетной, она предпочла Высокое презренному быту. И этим Высоким было для нее искусство, театр — храм, которому она служила, который она боготворила, жрицей, весталкой которого она была.

Мама жила маленькой девочкой в Москве двадцатых годов в Лефортове. Она часто бегала с подружками в деревянный «мамзалея»

на Красной площади, пока не построили нынешний, из камня. Была честной советской пионеркой тридцатых годов. Училась в школе вместе с Юрием Никулиным, играла в теннис с Николаем Озеровым, занималась в танцевальном кружке Дома пионеров с Мартой Цифринович, ставшей ее подругой на всю жизнь.

В 1941 году мама, как прилежная ученица, отправилась на каникулы в Артек. Правда, на Черноморском побережье пробыла недолго: лагерь вместе со всеми отдыхающими эвакуировали на Алтай, в Белокуриху. Ныне это знаменитый горный курорт, славящийся воздухом, водами, кизилом и ежевикой.

После возвращения в Москву она задумала стать авиатором и поступила в авиационный институт — МАИ. Моднo тогда это было! Но сердце ее, увы, лежало не там. Театр влек ее неутолимой жаждой большого искусства.

Как раз в военное время в Москве Владимир Иванович Немирович-Данченко в своей гостиной, в тихом переулке между улицами Горького и Пушкинской, задумал создать студию Художественного театра. Идея эта была для МХАТа не новой: еще в начале века Художественный театр создавал актерские студии, откуда вышли и Михаил Чехов, и Ольга Бакланова, и Григорий Хмара. МХАТ остро нуждался в молодняке. Вот почему в историческом здании в проезде Художественного театра (ныне он снова Камергерский, как при Станиславском и Чехове), дом 8а, открылась Школа-студия МХАТ, руководителем которой стал бывший секретарь Константина Сергеевича Станиславского Вениамин Захарович Радомысленский.

Учеба в Школе-студии была для мамы манной небесной. Общение с замечательными актерами старой школы — Качаловым, Литовцевой, Тархановым и Москвиным дало этому первому выпуску 1947 года особую закваску, которую теперь уже не повторить, потому что словами объяснить ее невозможно. Материальную культуру маме преподавал

Фото из семейного архива

▲ Татьяна Гулевич в роли Снегурочки на елке в Кремле. 1949 год

► «Недоросль». ЦДТ. 1949 г.
Стародум – Матвей Нейман,
Софья – Татьяна Гулевич

бывший директор Эрмитажа Сергей Тройницкий, манеры – княжна Волконская, историю театра – Алексей Живелегов. Именно в стенах Школы-студии, своей alma mater, мама познакомилась с будущим первым мужем, однокурсником Виктором Карловичем Франке-Монюковым. Впоследствии он стал не только режиссером, но и замечательным педагогом Школы-студии МХАТ, создателем Нового драматического театра в Москве, взрастил целую плеяду знаменитых актеров.

По окончании Школы-студии маме, как и всем другим, подписала диплом сама Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Но мама

получила распределение не во МХАТ, а в Центральный детский театр, где она попала в замечательную гримерную писаных красавиц послевоенной Москвы. Помню все в этой гримерной – тройные зеркала и лампочки, мамин грим, накладные ресницы, парики, «драгоценности» и костюмы... И массивное театральное зеркало в золоченой раме.

Мамины роли тех лет были под стать ее красоте и возрасту. Первым спектаклем с ее участием стал «Город мастеров». Потом были

Фото из семейного архива

Фото из семейного архива

Николь в «Мещанине во дворянстве», Софья в «Горе от ума», Мэри в «Снежке», Галя в спектакле «Где-то в Сибири». А самой известной ее работой тех лет стала китайская девушка Сяо Лань в «Волшебном цветке» в постановке Марии Осиповны Кнебель. Ее партнером был Олег Анофриев, который играл Ма Ланьхуа. Вообще ей везло на прекрасных партнеров. В «Рамаяне» она блистала в паре с Гешей Печниковым, в «Коньке-Горбунке» — с Олегом Ефремовым и т.д. И, кстати, Ефремов приглашал ее в некоторые постановки молодого, едва только зарождавшегося театра «Современник».

А что касается личной жизни, то брак с первым мужем не заладился, и в конце 1940-х годов мама познакомилась с моим будущим папой, одно время также работавшим в ЦДТ, Александром Павловичем Васильевым. Уже тогда он был знаменитым театральным художником. Мама полюбила его беззаветно и посвящала ему стихи.

Отец поначалу работал в провинциальных театрах, потом, во время войны, стал главным художником фронтовых театров ВТО, а после Победы — главным художником Московского театра им. Ермоловой.

Я родился в Москве 8 декабря 1958 года и, сколько себя помню, много времени проводил за кулисами. В ту пору папа работал уже с Юрием Александровичем Завадским, став главным художником Театра им. Моссовета. И, кстати, папа реже брал меня в театр, нежели мама. Но все же я с детства помню встречи и с Любовью Орловой, и с Фаиной Раневской, и с Верой Марецкой — ведущими актрисами, которым отец создавал костюмы.

В Детский театр, особенно, когда няnek не было, меня брали чаще. Я помню себя в кулисах на маленькой табуретке: мама занята в спектакле «Один страшный день». Потом — «Забытый блиндаж», единственная ее маленькая отрицательная роль — немецкой шпионки. Изумрудно-зеленый «английский костюм» и белая кожаная шляпа —

мама сидит в кресле в баре и курит! Курила она лишь в этой роли и только на сцене. Роли в «Питере Пэне», «Сказках Пушкина», «Хижине дяди Тома», «Традиционном сборе», «Одолень-траве». Забытые названия, некогда гремевшие в Москве театральной.

Мама работала вместе с Георгием Товстоноговым, Марией Кнебель, с Сергеем Михалковым, Виктором Розовым, но часто уступала свои роли другим артисткам. Славы земной не жаждала никогда. И в партию ни мама, ни папа никогда не вступали, а тогда это очень вредило карьере.

Мамина красота привлекала художников и скульпторов. Ее фотографировал Наппельбаум; маму писали — кроме ее собственного супруга — Татлин, Ромадин и Булгаков, лепили Никогосян и Яблонская.

Еще в шестидесятые годы мама стала сниматься на телевидении и озвучивать спектакли на радио (особенно поэтические композиции). Помню ее в роли матери Герцена в телефильме «Былое и думы», большую роль в телеспектакле «Тещины языки», радиопостановки с режиссером Мариной Турчинович. Мама же и привела меня на телевидение: там я дебютировал в восьмилетнем возрасте в передачах «Театра “Колокольчик”», потом в качестве ведущего воскресного «Будильника» — с маминной приятельницей и коллегой по Детскому театру Надеждой Румянцевой.

Но преподавание уже тогда влекло маму больше актерства. В середине шестидесятых годов она вернулась в Школу-студию МХАТ, будучи еще актрисой театра, и поступила в аспирантуру к ее любимому профессору сценической речи, немке из Эстонии Елизавете Федоровне Сарычевой. Отыграв на сцене ЦДТ двадцать пять сезонов, мама с радостью и легкостью исполненного долга в 1972 году ушла на пенсию, чтобы стать педагогом кафедры сценической речи в своей alma mater, где в конце жизни она была уже профессором. Со временем она стала преподавать сценическую речь в цыганском театре

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

▲ *«Она была человеком утонченного вкуса, немного старинного, но совсем русского»*

«Ромэн», в кукольном театре и в театре «Камерная сцена».

Еще один поворот судьбы: в те же годы маму приглашают в Хореографическое училище Большого театра. Она становится педагогом актерского мастерства вместе с такими корифеями педагогики, как Македонская и Недзвецкий. Много, ох, как много замечательных русских балетных артистов училось у мамы. Приведу лишь неполный звездный список: Алла Михальченко, Владимир Деревянко, Нина Ананишвили, Андрис и Илзе Лиєпа, Николай Цискаридзе... Балет в ее жизни — волшебное искусство.

Мама была человеком утонченного вкуса, немного старинного,

но совсем русского и незыблемо классического, которого теперь, в Москве начала XXI века, и днем с огнем не сыскать. Можно сказать, что она была запоздалым цветком Серебряного века. При этом — убежденной монархисткой, портреты августейшего семейства стояли в ее спальне. Обожала поэзию. Боготворила Марину Цветаеву, сердцем чувствовала ее дар и ее трагедию. Обожала Анну Ахматову; встречалась с ней самой в 1944 году и читала в Школе-студии ей же ее стихи. Дружила с Михаилом Светловым, Николаем Асеевым, Наумом Коржавиным и Кариной Филипповой, сказавшей о ней: «Трель соловья в оправе Фаберже».

Всегда мама хотела подарить нам, своим детям, Наташе и Сане, самое доброе и прекрасное, радостное и светлое, и ощущение счастливого детства было рук ее делом. Мама поговаривала:

— Сколько в детей вложишь, столько к тебе и вернется!

И мы всегда старались вернуть свой долг сторицей.

“В Париже у мамы сложились замечательные, доверительные отношения с русской эмиграцией. Она любила и умела дружить как никто. Одаривала всех, словно добрая фея, и заботой, и теплотой

После моей эмиграции во Францию я долго не мог встречаться с мамой. Письма и телефон — все, что связывало нас. Сестра с мужем журналистом Андреем Толкуновым и сыном Митей тоже жила тогда в Нью-Йорке. Так что в 1980-е годы мама оказалась в разлуке с детьми. Хорошо, что рядом оставался любимый муж, которым она восхищалась. Но как только ей уже в эпоху Горбачева позволили приезжать в Париж, она смогла часто бывать в прекрасной Франции и полюбила ее. До того она была там лишь однажды, в мае 1965 года, во время гастролей Театра им. Моссовета.

В Париже у мамы сложились замечательные, доверительные отношения с русской эмиграцией. Она любила и умела дружить как никто. Одаривала всех, словно добрая фея, и заботой, и теплотой. Во время увлекательных летних поездок во Францию мама познакомилась с замечательными женщинами: Натальей Петровной Бологовской — портнихой и актрисой, с балеринами Ballets Russes Ольгой Старк, Татьяной Лесковой, Ксенией Трипполитовой, с певицей кабаре Людмилой Лопато, с хористкой «Русской оперы Елисейских полей» Тусей Замчаловой, с чилийской художницей Ириной Петровной Бородаевской,

брюссельской семьей русского графа Апраксина, с парижской графиней Жаклин де Богурдон. Но более всех в Париже ей были все же близки московские актеры Лев Круглый и Наталья Энке, с которыми она путешествовала по Франции.

Дома мама была радушной, щедрой и хлебосольной хозяйкой. Родня, подруги детства, коллеги и добрые друзья — все стремились к ней в гости. Она умела дружить и одаривать подарками своих друзей, принимать в них самое сердечное и непосредственное участие. Долгие годы она старалась помочь семье графа Василия Павловича Шереметева, выходца из некогда богатейшей русской семьи, художника, влачившего нищенское существование при большевиках. Дружила с киноактером Петром Глебовым и его супругой, красавицей Мариной, нашими соседями, с кинозвездой Натальей Фатеевой, со старейшими актрисами МХАТа Кирой Николаевной Головкиной и Софьей Станиславовной Пилявской, историком костюма Марией Николаевной Мерцаловой. Она помнила все дни рождения — каждого из друзей и знакомых. Не пропускала ни праздников, ни тризн. Она была человеком большой русской души. Духовное играло огромную роль в ее жизни, оберегая от суеты мирской и готовя к жизни вечной. Ее уход из жизни, в начале 2003 года, был легким и светлым. Как и сама прекрасная жизнь моей мамы, сумевшей подарить добро и красоту стольким людям на земле.

Александр Васильев

*Историк моды, искусствовед, дизайнер,
театральный художник*

**ВЕРА
ВАСИЛЬЕВА**

Вера Васильева

В театр сбежала от повседневности

Моя мама, Александра Андреевна, родилась в конце позапрошлого века в Твери, в семье рабочего-гравера. Детей было много, но все получили образование. Мама окончила гимназию, немного знала французский язык. А потом вышла замуж за парня из тверской деревни и переехала к нему. Но она не любила весь этот деревенский быт. Там надо было вставать в пять утра, носить воду из колодца, кормить цыплят, доить коров... В общем, когда во время революции у семьи отняли всю домашнюю живность, мама вздохнула с облегчением.

Помню, как однажды она сказала отцу:

— А хорошо, что отняли коров и лошадей. А то мы так и жили бы в деревне.

На что папа ей ответил:

— Шурка, а я теленка очень любил.

Расстроился, конечно, но не обиделся. Он вообще не умел обижаться, тем более на маму, которую до конца дней своих боготворил. И когда умирал в больнице, говорил о ней в самых восторженных тонах. Чтобы увидеть его улыбку, я пыталась его спросить:

— Папа, а расскажи, какой была мама, когда вы с ней познакомились?

Он улыбался и, преодолевая боль, показывал свою ладонь:

— У Шурки была вот такая талия.

Они были разными людьми. Папа — достаточно мягкий, чуткий, ранимый человек. А мама, напротив, волевая, сильная женщина, которая непрерывно вела наше домашнее хозяйство. До сих пор перед глазами картина: мы всей семьей идем в городскую баню в Машков переулок. Впереди мама — левой рукой обхватила шайку, правой держит мою среднюю сестру, я иду позади, схватив маму за подол, а самая старшая сестра идет рядом и несет всю банную утварь. И я помню, как гордо мама несла эту шайку. Красивая и статная, как королева.

Сейчас мне кажется, что мама была все-таки романтической дамой, просто на ее долю выпали настолько тяжелые времена, что обо всей этой романтике пришлось забыть. Такое впечатление, что она перестала мечтать и строить счастливые планы. Лишь бы дети были накормлены.

Она вообще мало говорила и постоянно занималась домашними делами: стирала, готовила, делала заготовки на зиму, убирала в квартире и боролась с мышами. Они, сколько их ни трави, все равно заводились в подполе.

Наша семья состояла из пяти человек: мама, папа и три дочери (позже — через 14 лет после меня — родился еще и младший брат). Мы жили в Гусятниковом переулке, в районе Чистых прудов. Занимали одну большую комнату в коммунальной квартире — на первом этаже

▲ Большая семья Веры Васильевой. Будущая актриса – в первом ряду на руках у отца

дома, в котором не было никаких удобств. Отапливались печками, и я очень любила, когда мы на кухне пилили дрова, заготавливая их на зиму. На кухне у каждой хозяйки был столик, на нем примус или керосинка. Одна ржавая раковина, где все умывались. В середине кухни был ход в подпол. Там наша семья заготавливала картошку и шинковала капусту, солили в кадках.

Нашим обычным рационом были щи и картошка, иногда гречневая каша. И только по большим праздникам мы могли себе позволить сыр или колбасу, а еще на елку вешали мандарины и конфеты.

Однажды я попала в больницу с дифтерией или скарлатиной. А когда родители приехали меня забирать, я взмолилась:

▲ С братом Василием

— Можно я еще в больнице побуду? Здесь так вкусно кормят. И белье чистенькое, и в постели я сплю одна, а не с кем-нибудь вальтиком.

В общем, ужасно не хотела возвращаться. И мама меня понимала. Она тоже стремилась к другой жизни. То требовала, чтобы папа катался с ней на коньках на Чистых прудах, и папа послушно шел за ней на каток; то заставляла его учиться вечерами на механика. И он действительно учился, и, проработав много лет шофером, стал механиком. Уже взрослой она пошла учиться и с гордостью говорила:

— Я в Плановую академию.

У мамы была машинка «Зингер», она постоянно что-то нам шила, перелицовывала. Но и самой ей хотелось красиво одеваться. Однажды она сшила себе пальто и щедро отделала его мехом. Это была необработанная шкура лося — из тех, которые обычно кладут на пол. Но мама смастерила из этой шкуры огромный воротник, а по низу пальто пустила широкую меховую опушку. А поскольку мех был плохо обработан, он жутко лез. И когда мама ехала в трамвае, на нее все обращали внимание, так как ворсинки цеплялись к одежде других пассажиров. Но мама думала, что причина в другом и, придя домой, гордо заявляла:

— Надо же, я была так красиво одета, что на меня все обратили внимание.

Она стремилась, чтобы круг ее знакомств был не таким, как у папы. Мама приятельствовала с дамами, про которых сейчас сказали бы «светские». Одну ее подругу звали Евка (по имени-отчеству ее никто не

называл), и она была в курсе всех дел. Вторая подруга — Анна Юльевна — очень культурная женщина, благодаря которой я впервые попала в театр. Она отвела меня в оперу на «Царскую невесту», и я испытала от этого похода настоящий восторг.

Когда мы были детьми, мама почти никуда не ходила — не было времени, семья едва сводила концы с концами, и потому разговоры подруг хотя бы на время помогали ей забыть о нашей предельно скромной жизни.

Даже не знаю, любила ли мама моего отца. Мне кажется, она была так воспитана, что если вышла замуж, то это ее судьба и она старается делать все, что и положено хорошей жене. Она жила своей внутренней жизнью, не была ни хохотушкой, ни сентиментальной дамой. С одной стороны, вроде хорошая семья — ни ссор, ни

ревности. С другой — однообразная повседневная жизнь. Мне казалось, что это так неинтересно. И думаю, для меня увлечение театром и классической литературой, которой я тогда зачитывалась, было бегством от повседневности. Я будто поселилась в другом мире, представляя, что стану артисткой и что у меня будет безумная любовь, такая, как в романах.

Кстати, к моему желанию стать актрисой мама отнеслась с пониманием, но довольно сдержанно:

— Ну, хочешь и хорошо.

Она не ахнула, когда за работу в картине «Сказание о земле Сибирской» я получила Сталинскую премию. Не удивилась, не восхитилась, словно боялась взглянуть. Я ее понимала.

Мама хотела, чтобы мы получили образование. Старшая сестра Валя окончила медицинский институт и по распределению уехала в Киргизию. Она жила в совхозе «Джанги-Джер» и пользовалась таким уважением, что после ее именем назвали улицу. Средняя — Тоня — всю жизнь проработала в Министерстве обороны.

Но в личную жизнь, ни мою, ни сестер мама не вмешивалась и, если мы не просили, советов нам не давала. Она с уважением относилась к нашему выбору.

Когда я стала работать в театре и уже жила отдельно, часто забежала к маме. Ее интересовало все, что связано с моей работой, она радовалась успехам и вместе со мной огорчалась, когда я подолгу ждала ролей.

И когда я приходила к ней и говорила:

— Вот в этой роли меня похвалили, — она расплывалась в улыбке:

— Ой, как хорошо, Верочка!

Всю жизнь я мечтала сыграть такую женщину, как моя мама. Но этой роли, к сожалению, никто не написал. А я бы сыграла ее так, что все прониклись бы сочувствием и полюбили бы ее. Потому что в девичестве она готовила себя к одной жизни, а получила совершенно другую. И не ропща приняла свою судьбу — у нее был любящий муж, она воспитала хороших детей, она прожила свою жизнь достойно.

Вера Васильева

Народная артистка СССР, актриса Театра сатиры

Фотос: Шуррат Юраниев

**ИГОРЬ
ВЕРНИК**

Игорь Верник

Никто из девушек не похож на мою маму

Когда я стал встречаться с девушками, самым большим разочарованием было то, что никто из них не похож на мою маму. Я-то понимал, какой должна быть истинная женщина: невероятно теплой, нежной, ласковой, доброй, домашней и при этом очень яркой, содержательной личностью — с характером, со своим мнением, с прекрасным образованием. То, что женщины бывают другими, стало для меня открытием.

Поэтому когда я приводил девушек знакомиться с родителями, папа старался их приободрить всем своим видом, как-то развеселить, а мама, напротив, смотрела и молчала так, что девушки хотели провалиться сквозь землю. Еще бы! Посягали ведь на самое дорогое, на ее сына. Она и свободы нам хотела, и охраняла нас.

Мы с Вадиком двойняшки, но у нас есть старший брат Слава (от первого маминого брака). И когда Слава учился в Школе-студии МХАТ, мама заставляла нас с Вадиком переписывать для него конспекты с лекциями по русской литературе, по истории, по эстетике и сама часто сидела ночами над тетрадями. Слава был не очень примерным студентом, и однажды его хотели отчислить (он что-то напортил с друзьями). Тогда мама пошла к ректору и, несмотря на то, что была женщиной гордой и независимой, сказала:

— Я готова упасть перед вами на колени, прошу вас, дайте ему шанс...

Ректор потом признался Славе, что долго не мог забыть красивые голубые глаза нашей мамы, наполненные отчаянием.

Она и в самом деле производила на противоположный пол ошеломляющее впечатление. Например, в юности ходила на свидания: на одном углу прощалась с одним мальчиком, а на следующем ее уже ждал другой. А позже ей стали говорить, что внешне она похожа на актрису Дину Дурбин. При виде мамы мужчины теряли головы, однако ни разу в жизни она не дала нашему папе повода для ревности. Была идеальной женой.

Познакомились они необычно — на елке в детском саду, где мама была музработником. Для новогоднего праздника ей, естественно, понадобился Дед Мороз. И на пороге появился выпускник ГИТИСа, которого мама нарочно пригласила заранее, чтобы оговорить детали сценария.

Мой будущий отец был чрезвычайно удивлен: в его практике подобное случалось впервые. Мама заставила его прочитать вслух весь сценарий (серьезное отношение даже к несерьезному делу было для нее очень характерным: она ко всему подходила с высшей меркой, во всем старалась добиваться совершенства). Папу на роль утвердила, но сказала, что необходимо будет встретиться еще раз для репетиции. Там, на репетиции, между ними и вспыхнуло чувство. А поскольку таиться,

Фото из семейного архива

▲ *«Папа всегда относился к маме, как к божеству». Родители Игоря Верника*

скрываться и приспособливаться для мамы противоестественно, то она сразу же призналась мужу, что полюбила другого человека, и папа увез ее к себе в маленькую семиметровую комнатку на улице Герцена. Так началась их совместная жизнь, продлившаяся больше пятидесяти лет.

Родители всегда понимали друг друга. Не были эгоистами. Думаю, в этом главная причина их счастливого брака. Мама уговорила нашего отца бросить театр, чтобы покончить с гастролями, благодаря чему он устроился режиссером на радио, а затем дорос до главного режиссера литературно-драматического вещания Всесоюзного радио (кстати, он единственный за всю историю радиорежиссер, удостоенный звания народного артиста).

Папе нравилось относиться к маме, как к божеству. Мне кажется, он с радостью насаждал ее культ в нашей семье и хотел, чтобы основой основ была именно мама.

Поэтому она принимала все решения в доме и курировала все вопросы, связанные с папиной работой, при том что и сама жила на полную катушку, работая в Музыкальной школе им. Прокофьева. Она часто устраивала со своими учениками представления в Большом зале Консерватории и в Зале Чайковского. А по дому вечно ходила с фломастером и клеем — делала гигантские стенгазеты для музыкальной школы, рисовала, писала стихи, и папа ей немножко помогал.

А еще родители часто ходили на вечера, в гости к друзьям. И если папа относился к приглашениям легко, то для мамы подготовка к празднику превращалась в целый ритуал. Она сочиняла стихи, писала один вариант за другим, что-то напевала и нашептывала, а когда папа возвращался с работы, они вместе разучивали что-то поздравительное на два голоса (мама, естественно, режиссировала) и только после этого собирались в гости.

Однажды родители были в гостях у актера Павла Кадочникова, и там мама увидела кухонную мебель красного цвета. Она загорелась и сказала, что именно такой была ее мечта, и папа достал ей такую же кухню, хотя готовить мама не любила, к еде относилась как к необходимости и лишь по праздникам готовила коронное блюдо — мясо с картошкой в красных глиняных горшочках. Самым же «фирменным» маминым блюдом была гречневая каша, которую мы ели на завтрак, на обед и на ужин, а если случался полдник, то и на полдник. А когда мама готовила борщ, это было событием. Папа говорил, что это фантастический борщ, и мы понимали, что он — вершина гастрономического искусства и высшего пилотажа в еде.

Мама готовила в больших кастрюлях: на три дня гречки и на три дня — борща. И свою миссию относительно нас мама считала выполненной: мы были накормлены. Но странная вещь — с тех пор я много раз ел гречку, приготовленную самыми разными людьми и самыми разными способами, известными поварами или девушками, старающимися меня

приручить, пройти через желудок к моему сердцу. Но такую вкусную гречку, как у мамы, никто так и не сумел приготовить.

Папа советовался с мамой даже в том, каких актеров на какие роли брать. Помню, как он разговаривал по телефону, а мама строчила ему подсказки, вырывая листы из наших школьных тетрадей, которые, как назло, оказались под рукой. Писала быстрым размашистым почерком фразы, папа их произносил, она слушала реакцию и мгновенно вырывала следующий лист... Так мы с Вадиком в один миг лишились тетрадей с готовым домашним заданием.

Впрочем, это было случайностью, азартом. На самом же деле мама предельно внимательно относилась к нашему образованию. Даже в Салтыковке на даче (папе предоставляли от радиокомитета маленькую комнатку и веранду) мама развешивала вырезки из газет — полезную информацию, содержательные примеры, любила цитировать Блока: «И вечный бой, покой нам только снится...» — я часто вспоминаю эти слова, для меня они стали мамиными. А еще: Quod licet Jovi, non licet bovi — «что дозволено Юпитеру, то не положено быку» (мама ведь по первому образованию юрист, поэтому учила латынь в институте). С каждой зарплаты она старалась покупать мне, Вадиду и Славе новые книги. Если мы с братьями ссорились, мама показывала нам три пальца:

— Вот смотрите, три пальца у меня, какой ни надрезь, одинаково больно, вот так и вы для меня все трое — одинаково дороги, я вас всех одинаково люблю!

А иногда она восклицала:

— За что это мне: вот живу с четырьмя мужчинами в одном доме, хоть бы одну девочку!

И в этот момент Вадик старался ее утешить — мог обнять, а мне это казалось проявлением слабости.

Когда я ребенком занимался в музыкальной школе, то всегда мечтал вырваться во двор к друзьям на хоккей или футбол, и мама придумала

систему спичек. Она клала с правой стороны, где заканчиваются клавиши, десять спичек, я должен был отыграть упражнение и переложить спичку налево. Она слушала, хотя могла в это время гладить или готовить, и тут нельзя было никак обмануть потому, что мама знала все. Когда спички заканчивались, начиналось мое свободное время.

“Папа советовался с мамой даже в том, каких актеров на какие роли брать. Помню, как он разговаривал по телефону, а мама строчила ему подсказки, вырывая листы из наших школьных тетрадей, которые, как назло, оказались под рукой”

Она так радовалась, когда мы в детстве с Вадиком играли в четыре руки на фортепиано, подбирали какие-то песни из репертуара Аллы Пугачевой или Джо Дассена. Замирая, она не прощала никому даже шороха: в этот момент она была не счастливой мамашей, а серьезной и требовательной слушательницей, даже если мы просто играли для друзей.

Мамин львиный характер (она Лев по гороскопу) проступал буквально во всем. Например, в десять вечера она могла начать уборку, и мы все должны были участвовать в этом процессе. Потом она падала без сил, и мы сознавали, насколько виноваты в том, что она сейчас лежит. Потом она вдруг начинала веселиться, и мы снова разделяли ее эмоции. Она привыкла, что все внимание должно отдаваться ей и не терпела непонимания, непослушания. Мама говорила:

— Вот когда меня не станет, вот когда меня не будет, будете вспоминать, будете жалеть...

Она была нетерпимым, но при этом очень отходчивым человеком. Ссорясь с подругами, говорила резкие, обидные слова, но как всякий

сильный человек потом сама делала первый шаг к примирению. Недавно у нас в доме собирались ее подруги и вспоминали, какой Аня была мудрой, как она помогала им бесценными советами — жить и строить отношения с мужьями, с детьми, каким она была настоящим другом.

Кстати, мама терпеть не могла, когда ее звали бабушкой. Поэтому для моего сына и для сына Славы она стала Анечкой. И я этому очень рад, ведь мама так и не смогла состариться и с внуками держалась на равных. Она с удовольствием проводила с ними время: читала стихотворения, сказки, учила красиво говорить, занималась на фортепиано.

Она мерила нас и наши успехи тем же самым мериллом, с которым сама подходила к жизни: во всем ценя профессионализм, от нас требовала того же. Когда меня приняли во МХАТ, она была счастлива, ходила на все спектакли, и ее похвала была для меня самой высшей оценкой.

Когда папа стал ездить за границу (в ГДР, Венгрию и Чехословакию) — ставить спектакли на радио, — у нас сложился целый ритуал. Возвращаясь, он открывал чемодан, и мы рассаживались вокруг — мама, старший брат Слава, Вадик, я. Папа доставал какую-нибудь вещь и бросал нам через всю комнату. Расстояние было маленькое, но успевало прозвучать:

— Это — тебе, а это — тебе...

Большинство подарков, конечно, предназначалось маме, остальное нам. Себе папа ничего не покупал, ему было важно, чтобы мама чувствовала себя счастливой, и папа был счастлив, что у него выдалась возможность привезти маме красивые вещи. Жили мы довольно бедно, я помню эти разговоры о кассе взаимопомощи, когда речь шла о том, чтобы занять деньги снова, хотя надо было возвращать долг за прошлый месяц. Я помню, как мама шутила:

— Спи скорей, подушку освободить надо!

▲ Игорь, Анна Павловна, Эмиль Григорьевич и Вадим Верники

Это вполне соотносилось с нашей жизнью.

Еще одна мамина расхожая фраза:

— Бедно живем, богато кашляем.

В родительском доме часто слышались разговоры о ломбарде, куда закладывали мамины сережки. И когда мамы не стало, в доме осталось всего несколько вещей, которыми она особенно дорожила — цепочка, обручальное кольцо и сережки из папиных часов. Нашему папе мамины родители по-

дарили на свадьбу золотые часы, а через какое-то время папа сказал:

— Ну, что я ношу часы, когда ты мечтаешь о сережках! — пошел и сделал из часов маме сережки.

С этим «богатством» она и прожила всю жизнь, но это было не главным. Мы часто думаем с братьями о том, как же нас воспитывали родители, и понимаем, что воспитанием как раз было то, что мы просто видели, как родители жили, как общались между собой, с нами, с друзьями, то, как они относились к делу, к людям и как мама радовалась каждому нашему успеху. И еще: в нашем доме всегда все разговоры были со знаком плюс, а не со знаком минус. Никакого нытья. Только радость и позитив.

Игорь Верник

Народный артист РФ, актер МХТ им. Чехова

Фото Анатолий Мартемьян

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Владимир Войнович

У нас в семье не отмечались праздники

Мое детство пришлось на предвоенные и военные годы. Жизнь в стране тогда была очень сложная, а у многих людей просто ужасная. Возможно, атмосфера времени повлияла на отношение мамы ко мне и на мое отношение к ней. В чем именно это проявлялось? Прежде всего в сдержанности чувств. А может, просто характер у нее был такой.

Когда мне не исполнилось и четырех лет, отца арестовали. Мы жили в Таджикистане. Мама, Розалия Климентьевна, которая в то время днем училась в Ленинабадском пединституте, а вечерами работала, содержала меня и бабушку. Тяжело ей приходилось. И при этом она еще была женой врага народа, что по тем временам — приговор, и на работу ее брали неохотно. Меня воспитывали бабушка, детский сад и немножко — улица.

То было мрачное время. У нас в семье не отмечались праздники. Во всяком случае, в моей детской памяти этого не осталось. Даже несмотря на то, что мама родилась 7 ноября, я не помню, чтобы мы это как-нибудь отмечали. Не было ни торжеств, ни веселья: просто поздравляли друг друга без пафоса и шумихи. Для меня это было естественно, поскольку другой жизни я просто не знал.

В мае 1941 года я кончал 1-й класс. К счастью, отец вернулся из лагеря, взял меня, и мы вдвоем уехали на Украину, а мама осталась в Ленинабаде оканчивать пединститут. В июне началась война, отец ушел в армию, а я с родственниками отца отправился в эвакуацию в Ставрополье. Мы жили в глухой, занесенной снегом деревне, почта работала плохо, мама писала мне каждый день, но письма доходили не всегда. Я ей тоже писал, и где-то у меня завалилось мое письмо: «Дорогая мама! Как ты поживаешь? Я живу хорошо. Твой Вова».

Жизнь в эвакуации была трудной, школа — в 7 километрах от дома, и я в нее не ходил. Потом была другая эвакуация — в Куйбышевскую область, куда мама с невероятным трудом добралась, а потом, после тяжелого ранения, приехал отец.

Жизнь оставалась очень трудной. В 11 лет я начал работать в колхозе, потом — на заводе, на стройке, служил в армии, а учился урывками, перескакивая через классы. В результате из 10 классов средней школы кончил 1-й, 4-й, 6-й, 7-й и 10-й... К 14 годам я окончил 4 класса и собирался в пятый, но родители предложили мне пойти в ремесленное училище учиться на столяра, потому что содержать меня и мою маленькую сестренку им было трудно.

— Там получишь рабочую специальность, и она всегда тебе пригодится, — говорила мама.

Она считала, что лучше быть хорошим столяром, чем плохим профессором. Я пошел в ремесленное, хотя, если бы жизнь сложилась иначе, у меня было бы больше шансов стать хорошим профессором, чем

хорошим столяром. Мама очень мечтала, чтобы я когда-нибудь получил высшее образование, но при этом шутила, что учиться, жениться и повеситься никогда не поздно. Она сама получила свое высшее образование с большим трудом, но институт окончила с отличием и стала учительницей математики. Очень талантливой, надо сказать. Она умела заинтересовать учеников и охотно дополнительно занималась, готовя их к поступлению в вузы. Она давала знания сверх тех, что должен давать обычный учитель. Многие из ее учеников с первого раза поступали в престижные московские институты, где главенствовала математика. И, что важно, несмотря на то, что мы материально нуждались, денег за репетиторство мама никогда не брала. Она живо интересовалась своим предметом и в свободное время решала задачи. Можно сказать, хобби такое было. Чьи-то мамы вяжут на спицах, чьи-то часами разгадывают кроссворды, а моя — решала математические задачи самого сложного уровня.

Мама была всегда сторонницей справедливости. И папа, кстати, ее в этом поддерживал. Но справедливость эта зачастую склонялась не в мою пользу. К примеру, если во дворе разгоралась драка, что между мальчишками дело обычное, то мама считала зачинщиком меня. И все шишки сыпались на мою голову. Другие родители, выбегая во двор, обычно защищали своих чад, даже если те были действительно виноваты. А мои — наоборот. И это бывало как раз очень несправедливо. Родители меня любили, но не баловали, опасались, что я стану неженкой и не смогу переносить трудности реальной жизни. Но стать неженкой у меня никаких шансов не было.

Многие родители считают, чаще без достаточных оснований, что их дети гениальны. У меня было не так. Мама часто говорила:

— У моих детей (у меня и у моей младшей сестры) никаких особых способностей нет.

Я это принимал как должное и долго был очень в себе не уверен. Я до сих пор удивляюсь, почему она так думала. Ведь она сама была

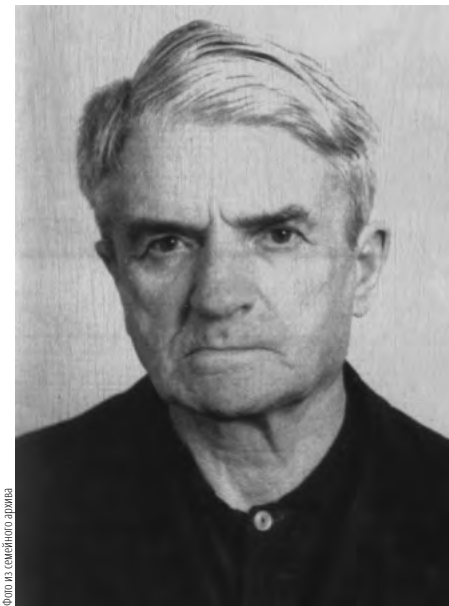

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

▲ *Отец Николай Павлович, журналист, поэт, переводчик сербского эпоса*

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

▲ *Мама Розалия Климентьевна с отличием окончила пединститут, преподавала математику и была заядлым книголюбом*

блестящим математиком, а отец талантливым журналистом и автором очень хороших стихов. При таких генах я был обречен все же иметь какие-то способности.

До сих пор считаю, что родители должны стараться оценивать возможности своих детей реалистично. Не перехваливать без причины, но пытаться понять, к чему ребенок более склонен, и поощрять его, когда есть основания.

Став взрослым, я приехал в Москву, писал стихи, а потом прозу. У меня появились поклонники, которые меня хвалили, иногда даже очень. Мне это голову не вскружило, но помогло приобрести какую-то

▲ Владимир Войнович стал писателем вопреки ожиданиям мамы

уверенность в своих способностях, благодаря чему я стал писателем и даже довольно известным, вопреки ожиданиям моей мамы.

Но, конечно, она была очень рада моим успехам и даже стала гордиться мною. Но сначала все-таки было искреннее удивление. Впрочем, не только у нее. У меня была тетя, которая все время язвила:

— Ха-ха-ха! Наш Вова решил стать писателем.

А когда мое имя стало появляться в газетах и зазвучало по радио, она говорила своему сыну:

— Вот смотри, даже Вова стал писателем, а ты...

Даже Вова! Понимаете?

Однажды мама рассказала мне такой случай. Она ехала в автобусе и повздорила с каким-то молодым человеком. И в сердцах сказала:

— Если б я была молодая, то за такого, как вы, ни за что бы замуж не пошла.

А он ответил:

— Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло.

Это он процитировал мои стихи, ставшие известной песней. И вдруг мама заявила:

— А вы знаете, что эти стихи мой сын написал!

Но ей не поверили.

Разумеется, ни на маму, ни на отца я не держу обиды за то, что они меня мало баловали и хвалили. Может быть, именно их сдержанность в выражении родительских чувств помогла мне понять, что я должен всего добиваться сам.

Мама умерла еще до моего отъезда в Германию. Не знаю, как она к этому отнеслась бы. Но она застала время, когда меня начали травить. Думаю, что именно переживания за меня ускорили ее уход.

Родители мои жили в провинции. Отца однажды вызвали в милицию и сказали, что я пропал, что, вероятно, меня нет уже в живых. Это была просто наглая советская провокация. Я в это время жил в Москве в своей квартире под постоянной слежкой, и милиции это было хорошо известно. Меня регулярно навещал участковый, интересовался, где я работаю, и намекал, что меня могут обвинить в тунеядстве. Сообщение о моей возможной смерти сильно взволновало родителей, мама попала в больницу и через две недели умерла от сердечного приступа.

Моя мама была не только талантливым математиком, но еще и преданной читательницей. Сама прочла огромное количество книг и меня приучила к тому же. Но все-таки мои литературные способности и гражданское восприятие жизни у меня от отца. Он не только писал, но знал наизусть очень много стихов, включая всего «Евгения Онегина». И он же учил меня быть равнодушным к тому, что происходит в стране и мире. Он любил повторять слова Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Вот я и стал в какой-то степени тем и другим.

Владимир Войнович (1932–2018)

Писатель, драматург

Фото на семейного архива

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН

Валерий Гаркалин

Найдите время, чтобы сказать о любви

Моя мама Валентина Вячеславовна Полянская родилась в 1933 году в белорусской деревне Дюдево, которая с первых дней войны попала под оккупацию немцев. По рассказам мамы, годы оккупации были не такими жестокими, как писали в учебниках: жителям не приходилось прятаться по погребам и терпеть унижения, потому что фашисты к мирному населению Белоруссии были лояльны. Но оказалось, что это лишь верхушка айсберга: совсем рядом, под боком, те же фашисты устроили настоящий геноцид в отношении евреев. И вот моя сердобольная бабушка Дуся (мамина мама), рискуя жизнью, принялась спасать евреев, переправляя их партизанской тропой в безопасное место.

К партизанам она переправила и пасынка — четырнадцатилетнего сына своего мужа от первого брака. Его мать была еврейкой, поэтому парню грозила неминуемая смерть, и только благодаря моей бабушке Володя остался жив и даже воевал наравне с остальными партизанами. Но, несмотря на столь отчаянную смелость, бабушка была очень мягким человеком, и мама по характеру — в нее.

Я тоже перенял эту черту, поскольку в нашей семье по женской линии все были мягкие, а по мужской — достаточно жесткие, не терпящие никаких сантиментов. Родился я слабым ребенком — нуждался в нежности, из которой сам состоял. И мама была единственным человеком в мире, который давал мне эту любовь. Она очень многое сделала для моего спасения и для самой жизни, потому что с самого начала отец был против моего рождения, а она, вопреки его запретам, меня родила. А позже она еще не раз спасала мне жизнь. Например, в раннем детстве, когда я болел полиомиелитом и никто не мог его остановить, мама продала все свои вещи, осталась фактически в обносках и, пройдя через множество кабинетов, заведя уйму знакомств в медицинских кругах, раздобыла вакцину, которая приостановила мою болезнь...

Родители мои не были москвичами. Мама, как я уже сказал, приехала из Белоруссии, отец — с Дальнего Востока, где проходил службу в армии шесть лет. Оба оказались в столице, откликнувшись на призыв к молодежи помочь в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Отец получил распределение в гаражные мастерские, а мама была то продавцом, то кассиром в разных гастрономах и столовых.

Первое время мы жили в Ростокино (у истока Яузы) — в большом производственном общежитии. А когда родилась моя сестра, семья переехала в коммунальную квартиру в Сыромятниках, и наш дом стоял на набережной Яузы, напротив Андроньевского монастыря.

Фото из семейного архива

▲ *«В нашей семье по женской линии все были мягкие, а по мужской – достаточно жесткие, не терпящие сантиментов»*

Таким образом, мое детство оказалось тесно связано с московской речушкой. Наверное, поэтому одними из самых теплых воспоминаний тех лет стали наши прогулки с мамой вдоль реки. Запомнилась тональность тех бесед – мама никогда на меня не давила. Каждое мое слово или поступок воспринимались с уважением, и в этом была мамина мудрость, поскольку учился я плохо, порадовать «пятерками» ее не мог, но мама ни разу меня не ругала. Уже потом, когда и сам я стал отцом, я много думал об этом: ну как же так? А потом понял: маме от природы была дана сильнейшая интуиция – она знала, что мои

«двойки», мои прогулы и конфликты с учителями – это все сопротивление тому страшному и подчас глупому диктату, который царил в советской школе. Она понимала, что родился я свободолюбивым человеком, что все мои лучшие качества прорастут во мне, если мне «не мешать». И вот она оказалась фактически единственным человеком, который «не мешал».

То же самое, кстати, получилось и с выбором профессии. Папа, узнав о моем желании, буквально не находил себе места:

– Мужчине нужна серьезная профессия! Мужчина должен производить что-то своими руками. А ты в клоуны идешь – кривляться перед публикой, – говорил он.

Но насколько отец был против, ровно настолько же мама была за:

– Конечно, артист – прекрасная профессия! Вот бы в кино тебя увидеть!

И наконец ее мечта сбылась.

После того как я снялся в главной роли в фильме «Катала», она, приезжая в какой-нибудь дом отдыха, первым делом направлялась в дирекцию:

– Скажите, а у вас есть фильм «Катала»?

Администраторы смотрели перечень картин, находили «Каталу» и спрашивали:

– А почему вас именно «Катала» заинтересовал?

На что мама как бы между прочим отвечала:

– Да как почему... Там в главной роли мой сын.

А когда я снимался в «Белых одеждах» на студии «Беларусьфильм», мама стала все чаще ездить к своей белорусской родне и под этим предлогом навещать меня на съемках.

Однажды режиссер Леонид Белозорович, проходя мимо нас, сказал:

– А вы, наверное, хотите заглянуть на площадку?

Мамину реакцию описать невозможно — со стороны казалось, будто она только что снялась в главной роли и режиссер подошел ее похвалить.

На площадку мама не шла — летела! Съёмочный процесс ее увлекал. И чтобы мама не попала в кадр, ей дали место за печкой (снималась сцена с Эрнстом Романовым и Натальей Егоровой). Теперь всякий раз, когда я смотрю этот фрагмент, понимаю, что вот в эту секунду мама жива.

И еще в том же фильме есть план, где снялась моя жена Катя. Она прогуливается по перрону в зеленой кофточке. Правда, снято это отдаленно, но я все равно Катю вижу. То есть когда я смотрю этот фильм, мои любимые люди еще живы.

“Сыновняя и материнская любовь обладает постоянством, она неизменна. И несмотря на то, что мамы давно уже нет (она умерла в 59 лет от обширного инфаркта), вот эта ниточка, связывающая нас, не порвана, она все равно натянута

Мама никогда меня не критиковала, всегда восхищалась — какую бы роль я ни играл. Отец в этом плане был человеком сдержанным. Но вдруг, когда ушел он из жизни, моя сестра, которая последние годы ухаживала за ним, обнаружила у отца огромную кипу газетных вырезок со статьями обо мне. Оказывается, он бережно собирал их на протяжении многих лет, но делал это втайне — не хотел показать свою сентиментальность.

Есть такое интересное наблюдение — люди, которые обречены и знают об этом, в последний момент просят прощения, объясня-

Фото из семейного архива

▲ В центре: Валерий Гаркалин с женой Екатериной

ются в любви тем, кому не успели объясниться при жизни. Я часто думаю: «Господи, ну неужели им не хватило для этого жизни? Пусть и короткой, пусть маленькой. Но целой жизни, чтобы найти время и сказать эти главные слова». Но, видимо, человек так устроен, что делает это, лишь уходя навсегда, полагая, что жизнь прожита не напрасно.

Любовь вообще чувство непостоянное. А вот сыновняя и материнская любовь обладает постоянством, она неизменна. И несмотря на то, что мамы давно уже нет (она умерла в 59 лет от обширного инфаркта), вот эта ниточка, связывающая нас, не порвана, она все равно

натянута. Я понимаю, что больше никогда не увижу маму, но чувствую эту нить.

Перенес ли я эту любовь на свою дочь и внука? После того как ушла из жизни Катя, я не мог себе даже представить, как жить дальше. Но наша единственная и долгожданная дочь Ника как раз в это время родила сына и этим спасла меня. Разве можно чувствовать себя одиноким, когда у тебя есть внук, который и просыпается, и засыпает с твоим именем на устах?

Валерий Гаркалин

Народный артист РФ, профессор ГИТИСа

АНАСТАСИЯ
ГОЛУБ

Хочется, как раньше: мама рядом, и я счастлива

Первые воспоминания о маме? Они такие отрывочные... Мне три или четыре года. Мама возится со мной, а я знаю, что утром ей на гастроли и потому незаметно привязываю пояс от ее халата к своему пальцу. Потом я просыпаюсь, а мамы уже нет.

Перед сном она рассказывает мне сказки. Сочиняет на ходу просто фантастически. Мы, валяясь в кровати, вместе умираем от смеха. Ни о каком сне не может быть и речи. Мама рядом, я безмерно счастлива.

Чего я только не делала, чтобы она не уезжала! Но актерская профессия жестокая. Маме приходилось уезжать.

Со мной поочередно сидели все члены нашей семьи: прабабушка Настя, бабушка Люда, когда сама не гастролировала и дедушка

Гриша, который всегда был рядом. Вот фактически у них на руках я и росла.

Но чем прекрасна жизнь артистического ребенка? Все испытывают бесконечную вину перед ним и заглаживают ее подарками. Мама меня буквально одаривала самыми невероятными игрушками и нарядами, каких ни у кого не было...

А потом она стала меня брать на гастроли. Ей единственной разрешали это делать, потому что я была очень тихим ребенком: могла часами сидеть молча и рисовать. А иногда начинала странно танцевать. Слышала какую-то музыку внутри и двигалась. Я обожала мыть посуду, как смешно это ни прозвучит. Еще совсем маленькой я могла перемыть всю грязную посуду после огромных застолий. А их в нашем доме случалось огромное множество. Столы накрывали с широтой и легкостью. Мама и бабушка прекрасно готовили и меня научили.

У нас в доме было железное правило: если мама спит — то должна быть гробовая тишина. Я помню, как впервые я смотрела по телевизору балет. А потом увидела балет в Большом театре и пришла в неописуемый восторг.

- Мам, представляешь, они танцевали под музыку!
- Конечно, под музыку. Это же балет.
- А я знаю один балет, который танцевали без музыки.
- Такого не может быть.
- Целый балет, мама, поверь мне.

Мама заулыбалась, поняв, что я просто соблюдала установленный закон — ни звука по утрам. Не дай бог, упадет карандаш! Я поднимала его, оборачиваясь на дверь: а вдруг из-за меня теперь мама не выспится.

Но когда в конце концов мама выходила из своей комнаты, наш дом оживал. А уж если она брала меня с собой в театр... Это было счастье!

Но в театре с мамой нужно было вести себя по-другому. Во время репетиции к маме не подойди, если она повторяет текст — с ней не

Фото из семейного архива

▲ *Марина Голуб с дочерью Анастасией*

заговори, если за кулисами нужно перейти с одного места на другое — иди на цыпочках. И, ни в коем случае, не окажись на пути кого-то из артистов, или костюмера, гримера, реквизитора во время работы.

Но однажды в детстве я все-таки чуть не сорвала маме спектакль. Получилось это случайно: я была в театре с самого утра. Помню, меня покормили, и я сидела тихонечко за кулисами, а потом залезла в какую-то корзину, укрылась и заснула.

Проснулась я оттого, что меня куда-то тащили. В глаза ударил яркий свет, и я поняла, что очутилась на сцене. Затаив дыхание, я ждала, что будет дальше. Через мгновение надо мной склонилась мама и всем сво-

Фото из семейного архива

▲ Слева направо: Людмила Сергеевна (мама), Григорий Ефимович (отец), Анастасия (дочь) и Марина Голуб

им видом дала понять, что если я пошевелюсь или, еще хуже, заговорю, театра мне больше не видать как своих ушей. Все это сразу читалось в мамином выразительном взгляде.

Но мама была настолько свободной и органичной на сцене, что, ни на секунду не растерявшись, она с блеском вышла из положения.

— Чтобы глаза мои эту корзину больше не видели, — грозно сказала мама. Я не поняла, кому были адресованы эти слова, и, на всякий случай, натянула одеяло до самой макушки. Еле сдерживаясь от смеха, артисты потащили меня назад за кулисы.

Выбравшись из корзины, я обреченно поплелась в мамину гримерку — ждать страшного наказания.

Но мама всегда была непредсказуемой. И в тот раз она не сказала мне ни одного строгого слова. Как будто вообще ничего не произошло. Весь остаток дня я обнимала и целовала ее в молчаливой благодарности за то, что меня простили и, кажется, будут продолжать брать в театр.

Что касается школы, у меня, да и у мамы, были непростые с ней отношения. На родительские собрания она никогда не успевала, моими отметками особо не интересовалась и включилась только тогда, когда выяснилось, что у меня очень серьезные проблемы с математикой.

Однажды во время урока открылась дверь, и весь класс услышал: — Здравствуйте, я мама Насти Голуб. Я тут у вас посижу?

И она зашла. И я почувствовала, что все мои проблемы решены. Мама была ослепительно красива. Класс взирал на нее с восторгом. Математик Абрек Петросович Саркисов онемел.

— Абрек, помогите Насте.

И Абрек Петросович стал со мной заниматься. Дважды в неделю, на протяжении четырех лет, бесплатно он учил со мной математику до тех пор, пока не вывел меня в отличницы. Самое удивительное, что я стала получать хорошие отметки и по другим предметам. И вообще полюбила учиться. Так одним своим приходом мама, можно сказать, изменила мою судьбу.

Был, правда, и еще один визит в школу. Только с противоположным эффектом. Я терпеть не могла физика, он же был и директором школы. Видно, в какой-то момент я переборщила с жалобами и ненавистью.

— Когда родительское собрание?

— В следующую среду.

— У меня репетиция, но я отменю.

Я поняла, что добром это не кончится. Мама пошла на собрание, я ждала ее на улице. Вышла она с видом победительницы.

— Мама, ну, что? Про меня говорили?

И она изобразила все в лицах:

— У вашей девочки — проблемы.

— У моей девочки проблем нет. Проблемы есть у вас. Так скучно преподавать физику может только человек без ума и фантазии. Дети ненавидят и вас, и ваш предмет.

Некоторое время мы шли молча. Первой заговорила мама:

— Ты же мне говорила, что он идиот. Я решила ему передать. А вдруг он не знает!

— Мама, а как же мне теперь учиться?

— Абреку скажи. Он что-нибудь придумает.

Абрек Петросович был в ужасе:

— Зачем твоя мама все это устроила, зачем ты ее завела?..

Ответа не было. Больше «тройки» по физике мне уже не светило. Аттестат был безнадежно испорчен. Но маму это не пугало. Она хотела меня защитить. И пусть у нее ничего не получилось, главное, она сказала, что думала. И подобных ситуаций в ее жизни было немало.

Физик-директор невзлюбил меня окончательно. Математик, как мог, меня выгораживал и поддерживал. В итоге все образовалось само собой. Начался девятый класс, школу ждала реорганизация — ее объединили с какой-то другой. Абрек Петросович — а больше вникать в мои школьные проблемы было некому — решил, что мне нужно идти в экстернат, причем с гуманитарным уклоном.

И я нашла такой экстернат. Девятый и десятый класс там заканчивали за год, а одиннадцатый — за полгода. И еще полгода оставалось на подготовку в вуз. Я сказала маме, что перехожу в экстернат. Она сказала:

— Решай сама.

И я решила. Ездил два года через всю Москву и наконец в 16 лет благополучно закончила эту историю со школой.

Как-то само собой было решено, что я после школы должна поступать на юридический факультет. Мне дали денег, чтобы я могла оплатить курсы при юридической академии. Но я сходила на занятия всего лишь три раза и ощутила безграничную тоску: что я тут делаю?

— Никакой ты не юрист, — сказала моя близкая подруга Ника Гаркалина, тоже актерский ребенок...

— А куда идти?

— Как я, на продюсерский. Дети артистов, которые не стали артистами, все идут на продюсерский.

фото из семейного архива

▲ «Закулисный ребенок» Анастасия Голуб стала продюсером

Я поверила, пришла домой и говорю:

— Mam, у меня есть две новости: одна плохая, другая хорошая. Первая: я уже месяц не хожу на юридические курсы, вторая: я хочу поступать на продюсерский факультет.

Мамина реакция меня восхитила:

— Зашибись, мне это нравится! Давай! И, действительно, кто решил, что ты у нас юрист? Это бабушка почему-то вцепилась — пойдешь в юристы и все. Продюсер — мне нравится. И вообще, поближе к театру. Все, давай! Кому звонить?

И я поступила на продюсерский в ГИТИС.

Вообще, у мамы по отношению ко мне было феноменальное чутье. Она всегда говорила:

— Я могу не знать, где Настя сейчас находится, я могу не знать, что с ней в данный момент происходит, но все, что надо, про свою дочь я знаю.

И это было правдой. Наша связь не прерывалась ни на секунду.

Как меня хвалила мама, не хвалил больше никто. То, как мама про меня рассказывала другим людям, я не услышу уже никогда. Она говорила всегда, что я у нее большая молодец, а мне хотелось быть в ее глазах еще лучше.

Хочется, как раньше: мама рядом, и я счастлива

Она воспитывала меня так, что многие важные решения я принимала самостоятельно. Она с детства говорила со мной, как со взрослым человеком. Сейчас я думаю: как это было правильно.

Когда я уже повзрослела и стала работать, мама просила:

— Насть, остановись, я умоляю тебя. Ты ведь всю свою жизнь без остатка подчинила работе. Подумай о себе. Мне ничего доказывать не надо.

Но я не слушалась. Я работала и работала. Работала ради удовольствия, была счастлива, что у меня многое получается, работала и ради денег, мне нравилось быть самостоятельной.

В какой-то момент я задумалась: а зачем я устроила такую гонку? И поняла, что просто-напросто не могла подвести маму и хотела, чтобы она мной бесконечно гордилась. А может быть, мне это кажется теперь, когда мамы не стало.

Хочется, как в детстве: мама рядом, и я счастлива.

Анастасия Голуб
Актриса, продюсер

АННА
ДВОРЖЕЦКАЯ

Меня никогда не ставили в угол

Мне было 9 лет, когда папы не стало. Этот день начинался обычно — утром я ушла в школу. А когда вернулась, увидела зареванную маму. Она увела меня в другую комнату, усадила на кровать, посмотрела в глаза и сказала:

— Папы больше нет, он погиб.

Я уткнулась в нее и заплакала. Потом я старалась держаться. Пыталась не плакать при маме, ведь ей было еще тяжелее. Кроме меня, у нее на руках остался мой шестимесячный брат. Поэтому я уходила к себе в комнату и плакала там. Мы старались не давить на больного — она не плакала при мне, я не плакала при ней. Мы с мамой не то чтобы вычеркнули эту тему, мы просто старались ни к чему не прикасаться: не

не смотрели фильмы с папой, не разглядывали его фотографии. Было очень больно.

Мама у меня герой. Даже представить страшно, как она это пережила. Они с папой почти 20 лет были единым целым. Познакомились в институте, совсем молодыми поженились, работали в одном театре. И вдруг эта нелепая авария... Мама говорит, что она не имела права в тот момент упасть, рыдать в подушку и ничего не делать.

На самом деле она не жила. Она существовала. Бегала с работы на работу — в театр, на съемки, на озвучку. Не отказывалась ни от чего. Мы с ней практически не виделись. Утром я уходила в школу, а вечером, когда она приходила, я уже спала. Однажды, когда они выпускали в театре «Фандорина», у нее выдалась свободная минутка, и она позвонила домой. Я подошла к телефону. Мама спросила:

— Ань, как дела?

Я ответила:

— Все хорошо.

Тогда она быстро закончила:

— Ну, ладно. Пока. Мы репетируем. Приду поздно. Не знаю, во сколько.

И тут я спросила:

— Мам, прости, пожалуйста, а как ты выглядишь?

Думаю, она улыбнулась и оценила эту горькую шутку.

Ни я, ни мой брат никогда не ходили в детский сад. Мама оградила нас от этого. Может быть, потому, что в ее детстве была психологическая травма. Она выросла в интеллигентной московской семье. Ее папа, Игорь Иосифович Горелик, был инженером-электронщиком, мама — гидом-переводчиком в «Интуристе». Но едва маме исполнилось шесть лет, ее родители развелись. И моя бабушка отдала ее в интернат. Это был хороший мидовский интернат. Там учились дети дипломатов, но все равно интернат есть интернат, и мама всегда вспоминала о нем,

как о страшном сне. Ей было там одиноко. Поэтому она убеждена, что ни при каких условиях ребенок в нежном возрасте не должен жить отдельно от родителей. Ему положено засыпать и просыпаться в своей кровати, а не на казенных простынях.

Теперь у меня растет дочка. Я стараюсь воспитывать ее так же, как нас воспитывала мама.

Для мамы семья и дети всегда стояли на первом месте. Она очень мудрая и заботливая мать. Всегда разговаривала со мной, как со взрослым человеком. Даже когда я была маленькой, она общалась со мной точно так же. Никогда не лебезила ни передо мной, ни перед братом. Меня никогда не ставили в угол, не наказывали за «двойки», хотя они тоже бывали.

Они с папой меня так воспитали, что мне самой становилось стыдно, что я получила «двойку». Я знала, если я что-то сделаю хорошо, то обязательно получу какой-то подарок или похвалу — для меня это было очень важно. Маму, конечно же, вызывали на родительские собрания, но она бывала на них всего пару раз. Она не видела в этом смысла, потому что и так знала, как учатся ее дети и какие у них учителя.

Мама всегда повторяет:

— Что бы с вами ни произошло, я прошу только об одном: включайте голову. Думайте! Когда включается голова, можно объяснить, что надо делать, как поступать.

И еще у нее есть одно непереносимое требование: если задерживаешься, обязательно позвони. Если этого не происходит, она впадает в панику. Мама никогда не кричит. Но когда она чем-то недовольна, начинает говорить, как мы это называем, «толстым» голосом. У нее и так-то голос низкий, а тут он становится еще ниже — идет как бы из недр живота. Это очень страшно. Сразу же хочется убежать.

Считается, что все девочки хотят быть артистками. Ко мне это не имеет никакого отношения. Я хотела быть кем угодно, только

фото из семейного архива

◀ *Нину и Евгения Дворжецких всегда отличала элегантность*

не актрисой. Но когда папы не стало, в газетах начали появляться статьи с заголовками: «Династия Дворжецких закончилась». Мне стало так обидно. У меня мама артистка, а еще есть я и мой брат. Мы тоже Дворжецкие. Почему же династия закончилась? И я предложила маме:

— Давай я в кино снимаюсь. Может, получится?

Мама привела меня в актерское агентство и попросила повесить мою фотографию. А скоро действительно раздался звонок, и меня пригласили на пробы к Елене Цыплаковой. Она снимала сериал «По-

“ *Сейчас мы с дочкой живем отдельно. Но мы с мамой без конца созваниваемся. Она знает обо мне абсолютно все. У меня нет от нее секретов. Мы и на расстоянии чувствуем, что происходит друг с другом.*

лосатое лето», и меня утвердили на роль Жени Гурвич. Потом я сыграла дочку главной героини в сериале «Любительница частного сыска Даша Васильева». Сниматься мне было интересно, а кроме всего, это была реальная помощь маме. Все деньги, которые я зарабатывала, отдавала ей. На себя не тратила ничего.

После премьеры «Даши Васильевой» я полезла в Интернет — захотелось почитать отзывы. Еще бы, я ведь уже настоящая артистка, меня снимают, обо мне пишут! Ну, и начиталась о себе такого, что надолго отбило любовь к Интернету. В особенности огорчило распространенное мнение, будто в кино я устроилась по блату.

При моей склонности к рефлексии это действительно было ужасно. Тогда пришла на помощь мама. Она объяснила, что если я собираюсь стать артисткой, то либо не должна это читать никогда, либо относиться к этому снисходительно. Ведь всегда найдутся люди, которым больше нечем заняться, как сказать о ком-нибудь гадость.

Потом были «Веселые похороны», где главную роль должен был играть папа. Вместо него снимался Абдулов, а я играла его дочь. И если в телесериале «Даша Васильева» я играла практически саму себя, то здесь все было иначе. И мне стало интересно находить для своей героини походку, жесты, движения. Одним словом, я вошла во вкус. Конечно, я решила поступать в театральный институт.

Мама понимала, что другого пути нет и отговаривать меня бесполезно, хотя, зная всю подноготную этой профессии, конечно, не была в восторге от моего выбора. Я сама подготовила программу и только тогда показала ей. Возник вопрос, в какой именно вуз поступать. Мама уже преподавала в Щукинском училище (да и папу там помнят) — предложила поступать к ним. Но я испугалась, что опять заговорят про блат. Тогда моя мудрая мама вновь объяснила мне, что блат закончится, как только начнется работа. Актерский труд — это ежедневный экзамен. И ты обязан непрерывно доказывать свое право заниматься этой профессией.

Я ее послушалась и поступила в Щукинское. Мне никто не помогал.

Я очень рада, что сейчас рядом с мамой Леша Колган. Когда он появился в ее жизни — стал приходить к нам в гости, подвозить ее на работу и с работы, ухаживать — мне было 13 лет. Естественно, у меня во дворе была своя бурная жизнь, и я не обращала на это внимания.

А потом мы отдохали в Доме творчества в Рузе. К нам должна была приехать мама, и мы побежали к воротам ее встречать. Помню, я под-

▲ В 1999 году в семье Нины и Евгения Дворжецких родился Михаил

бежала к машине и увидела рядом с мамой Лешу. Мама протянула мне руку, а на пальце — колечко. И только тут до меня дошло, что мама приехала с женихом. Я приняла это в штыки. Была категорически против — у нас же есть папа. И я не хотела, чтобы кто-то занимал его место. Маме пришлось долго убеждать меня, что папу не заменит никто. Просто они полюбили друг друга и хотят дальше строить жизнь вместе. Она больше не может быть одна, и я должна это понять.

Мы с ней обе рыдали. Я повторяла:

— Нет. Этого не может быть. Я не хочу, чтобы у тебя кто-то был.

Потом я взяла себя в руки и сказала:

— Ладно, выходи за него замуж, но я против.

Я была на свадьбе минут 15, после чего демонстративно уехала. Притворялась, что у меня болит то голова, то живот.

Алеша не подлизывался ко мне, не старался чем-то подкупить. Он просто дал понять, что искренне, по-настоящему любит маму и хочет, чтобы она была счастливой и нас хочет сделать счастливыми. Он маленькими-маленькими шажочками шел к моему сердцу, которое расто-

▲ *Бабушка Рива Левите, отец Евгений Дворжецкий и дочь Анна*

пил. Я увидела, что моя мама счастлива. Она посветлела, ожила, стала улыбаться. И тогда я поняла, что была не права.

Сейчас у нас с Лешей замечательные отношения. Он прекрасный человек. Я безумно счастлива, что он появился в маминой жизни. Они так любят друг друга, и это никуда не отодвигает папу. Миша называет его папой, я – отцом. У них прекрасная семья. Они все время шутят, что-то придумывают. Я иногда спрашиваю маму:

– Где ты его нашла? Я тоже так хочу.

Сейчас мы с дочкой живем отдельно. Но мы с мамой без конца созваниваемся. Она знает обо мне абсолютно все. У меня нет от нее секретов. Мы и на расстоянии чувствуем, что происходит друг с другом. Мы не просто мать и дочь. Мы подруги. Моя дочка называет ее Нинулей, хотя мама совсем не против, чтобы она называла ее бабушкой, но для Сони она исключительно Нинуля.

Анна Дворжецкая
Актриса РАМТа

Фотос: Анатолий Маркелов

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Евгений Евтушенко

Мама не хотела, чтобы я стал поэтом

С фронта приехала мама.

Она выглядела очень странно — худенькая-худенькая, с черными, не похожими на прежние светлые — волосами.

Сначала я думал, что она покрасила волосы. Я спросил у нее об этом.

Мама грустно улыбнулась и сняла с себя парик. На ее голове топорщился мальчишеский ежик. Мама заболела на фронте тифом, а в военных госпиталях стригли наголо. У мамы что-то случилось с голосом. Она пела на фронте по нескольку раз в день, стоя то на грузовике, то на танке перед солдатами, которые после этого шли умирать.

Мама рассказывала, что это были самые благодарные слушатели.

Мама пела им и в дождь, и в метель, согреваясь иногда только водкой из чьей-нибудь солдатской фляжки.

И ее голос, такой красивый и сильный, стал слабеть. Голос не выдержал.

По возвращении мама нашла работу; где — она мне не говорила.

Потом мальчишки из нашего класса спросили меня:

— Твоя мама певица?

— Певица, — гордо ответил я.

— А где она выступает?

— Я не знаю, наверно, в театре...

— В театре... — хмыкнули мальчишки. — Она в кино поет, в «Форуме»...

Был День Победы.

Ракеты одна за другой взрывались в небо. Мальчишки бегали по тротуарам, стараясь поймать их ослепительные брызги.

Инвалиды, торгующие папиросами, раздавали свой товар даром.

Какой-то генерал купил у продавщицы целую коляску мороженого и угощал им детей.

Люди обнимали друг друга, плакали и смеялись. Людям казалось, что все испытания остались позади и теперь начнется удивительно безоблачная жизнь.

А я пошел в кинотеатр «Форум».

Фойе было набито битком солдатами и женщинами. Пахло пивом и дешевыми духами. Из рук в руки ходили принесенные с собой бутылки водки. Пили прямо из горлышка, закусывая жадными поцелуями. Официантки закрывали глаза на водку и поцелуи — сегодня разрешалось все.

Никому не было дела до оркестрика, игравшего бравурные марши на крошечной эстраде.

Я вздрогнул.

Фото из семейного архива

▲ *Любовь к поэзии юный Евгений перенял от мамы – актрисы Зинаиды Ермолаевны Евтушенко*

На эстраду вышла женщина в платье, осыпанном блестками, в позолоченных туфлях и с густыми черными волосами, под которыми – я уже знал – был только застенчивый мальчишеский ежик.

Это была мама. Мама подошла к микрофону и стала петь. Голос ее был не уверен, и лишь временами можно было догадаться о его прежней красоте.

Никто не слушал маму.

Предпочитали целоваться и пить, пить и целоваться. Черт побери – ведь была победа! И за эту победу 20 миллионов русских людей отдали свои жизни, а моя мама – свой голос.

Потом мы шли с мамой по ночной Москве сквозь крики, смех и музыку. Я нес мамин чемоданчик, в котором были сложены ее платье с блестками и позолоченные туфли. На маминых ногах снова были солдатские сапоги.

– Я плохо пела? – спросила меня мама.

– Нет, что ты – очень хорошо, – торопливо ответил я.

Мама посмотрела на меня долгим взглядом и грустно погладила по голове.

Вскоре она сошла со сцены и стала работать рядовым концертным администратором. Это была нервная, изнуряющая работа, а денег она приносила очень мало – 700 рублей в месяц. И вот на эту зарплату, жертвуя своими личными интересами, мама воспитывала меня и мою сестренку Елену, появившуюся во время войны.

Маме приходилось трудно со мной.

Фото из семейного архива

▲ *О профессии музыканта Женя Евтушенко никогда не мечтал*

Характер у меня был ужасный – меня прямо-таки разъедало любопытство к жизни; и я из любопытства впутывался в самые невероятные истории.

То я попадал в компании самых настоящих воров, то в компании спекулянтов книгами.

И отовсюду меня выволакивала мама.

Мама хотела от меня, как Ленин, чтобы я учился, учился и учился.

А учился я необыкновенно плохо.

* * *

...Мама не хотела, чтобы я стал поэтом.

Не потому, что она не разбиралась в поэзии, а потому, что твердо знала одно: поэт – это что-то неустroенное, неблагополучное, мятущееся, страдающее. Трагическими были судьбы почти всех русских поэтов: Пушкин и Лермонтов

были убиты на дуэли, жизнь Блока, сжигавшего себя в угарных ночах, по сущности была самоубийством, повесился Есенин, застрелился Маяковский. Мама не говорила мне, но, конечно, знала и о смертях многих поэтов в сталинских лагерях. Все это заставляло ее бояться моего будущего поэтического пути, заставляло рвать мои тетради со стихами и уговаривать меня заняться чем-нибудь, по ее выражению, более серьезным.

Но самым серьезным мне казалось именно это.

И я продолжал писать с упорством маленького сумасшедшего.

* * *

Я сражался в школе с ябедами, подхалимами, любимчиками.

Я быстро снискал себе репутацию хулигана. После седьмого класса меня перевели в новую школу, куда учителя сбывали с рук нерадивых

учеников со всей Москвы. В ней я проучился недолго, ибо я выделялся даже там своими мятежами.

Однажды кто-то, взломав ночью кабинет директора, похитил все классные журналы.

Состоялось общее собрание.

Шесть часов подряд директор пытался узнать то при помощи просьб, то при помощи угроз имя виновника. Но все молчали.

Тогда пухлый палец директора, уже пришедшего в ярость, ткнул в меня:

— Это сделал ты!

Я встал и ответил, что он ошибается.

— Ты! Ты! Ты! — повторял директор.

Я понял, что возражать бесполезно.

На следующий день я был исключен из школы. <...>

Я некоторое время пытался скрыть от мамы факт своего исключения из школы, зная, как это ее огорчит, но мне это не удалось. Мама в слезах настаивала, чтобы я шел к директору просить о снисхождении, сама хотела идти куда-то, но я был горд.

Я поссорился с мамой и бежал в Казахстан, к отцу, на крыше поезда.

Мне было пятнадцать лет.

Я хотел стать самостоятельным человеком.

Отец работал тогда начальником одной из геологоразведочных экспедиций.

Он посмотрел на меня, исхудавшего, оборванного, и сказал: «Ну вот что... Если ты действительно хочешь стать самостоятельным человеком, никто не должен знать, что я твой отец. Иначе тебя вольно или невольно будут жалеть. А жалость мужчин мужчинами не делает».

Я стал рабочим в геологоразведочной экспедиции.

Я научился долбить землю киркой, выкалывать молотком из породы плоские, как ладонь, образцы, расщеплять бритвой на три части оставшуюся единственную спичку и разводить костер во время дождя.

* * *

Я вернулся к маме, загорелый и возмужавший.

После того как она встретила меня на вокзале, мы ехали с ней в трамвае и сбивчиво говорили о чем-то.

Вдруг я увидел, что все пассажиры удивленно смотрят на меня, а мама плачет.

Оказывается, в разговоре с мамой я по инерции употреблял сочные непередаваемые выражения, на которые в моем прежнем кругу никто не обращал внимания.

Но мама плакала.

И с той поры я никогда больше не ругаюсь. Почти никогда...

Когда мы приехали домой, я распорол брюки, в которых были зашиты честно заработанные деньги, и бросил их на стол.

— Как хорошо, что у нас теперь есть деньги, — сказала мама. — Что ты будешь с ними делать? — спросила она, всплеснув руками.

— Прежде всего я куплю пишущую машинку, — ответил я. — Остальное тебе.

1962

Из «Преждевременной автобиографии»

Моя мама была самым твердым орешком. Я и моя сестра Леся, нелегко, но мужественно признавая Машу как историческую неизбежность, продумали целый план, чтобы заполучить мамино благословение.

Не ставя маму в известность о моих заговорщицких намерениях, я пригласил ее на оперу (по иронии судьбы это был «Фауст», несколько смягченный тем, что пел мой старый казанский друг Эдуард Трескин), взяв ей билет между мной и Машей. Маша должна была добраться в театр своим ходом и оказаться рядом с мамой. Я заехал на машине к ничего не подозревавшей маме и на полпути в театр, как бы нечто второстепенное, уронил фразу о том, что хочу ее познакомить в театре с «одним человеком».

Мама встрепенулась, как старый боевой конь, снова почувший запах семейных пожаров.

— Так... И сколько лет этому «человеку»?

— Двадцать три, — ответил я сокрушенно, как будто был в этом лично виноват.

— Но ведь она на тридцать лет тебя моложе! Ты что — рехнулся на старости лет?

— Мы любим друг друга.

— Девушка, которая на тридцать лет тебя моложе, может тебя любить только за деньги или за славу...

— Мама, ты же ее совершенно не знаешь...

— А я и знать не желаю. Останови машину, я сойду, — непререкаемо заявила мама. — Я не хочу участвовать в этом позоре.

Спорить с ней было бесполезно.

Маша восприняла мой разговор с мамой спокойно.

— Я ее понимаю, — сказала она. — Она тебя любит и боится, чтобы тебя не обманули.

Мама все-таки пришла на нашу свадьбу, которую мы отпраздновали в новогоднюю ночь, и с горьким вздохом бывшей профессиональной певицы пожимала плечами, когда ее окончательно рехнувшийся сын, несмотря на полное отсутствие вокальных способностей и слуха, исполнил под оркестр, такой же пьяненький, как он сам, «Шаланды, полные кефали».

(Мог ли я тогда представить, что всего через пять лет моя мама и Маша заключат друг с другом военный союз против всех моих недостатков и мама подарит Маше свое единственное кольцо, которым она так дорожила? «Ты мне Машу не обижай», — вот что я слышу теперь от моей когда-то непримиримой мамы.)

1991–1992

Из романа «Не умирай прежде смерти»

МАМА

Давно не поет моя мама,
да и когда ей петь!
Дел у ней, что ли, мало,
где до всего успеть!

Разве на именинах
под чоканье и разговор
сядет за пианино
друг ее — старый актер.

Шуткой печаль развеет,
и ноты ищет она,
ищет и розовеет
от робости и от вина...

Будут хлопать гуманно
и говорить:
 «Молодцом!» —
но в кухню выбежит мама
с постаревшим лицом.
Были когда-то концерты
с бойцами лицом к лицу
в строгом,
 высоком, как церковь,
прифронтовом лесу.

Мерзли мамины руки.
Была голова тяжела,
но возникали звуки,
чистые, как тишина.

Обозные кони дышали,
от холода поседев,
и, поводя ушами,
думали о себе.

Смутно белели попоны...
Был такой снегопад —
не различишь погоны:
кто офицер, кто солдат...

Мама вино подносит
и расставляет снедь.
Добрые гости просят
маму что-нибудь спеть.

Мама,
 прошу,
 не надо...
Будешь потом пенять.
Ты ведь не виновата —
гости должны понять.

Пусть уж поет радиола
и сходятся рюмки, звеня...
Мама,
 не пой, ради бога!
Мама,
 не мучай меня

10 ноября 1956

Я принадлежу к поколению,
 которое еще помнит,
 что это обозначает...
 Напомню и вам,
 подростки семидесятых,
 меняющие воспаленно
 значок «Ролинг стоунз»
 на «АББА»
 и «АББА»
 на «Элтон Джон»:
 МОПР —
 Международная организация помощи борцам революции.
 Я успел поиграть этим значком,
 когда его перестала носить моя мама.
 Что было на этом значке?
 Я, кажется, помню:
 решетка тюремная,
 руки, вцепившиеся в нее.
 Руки,
 ломающие решетку?
 Или решетка,
 ломающая руки?
 МОПР...
 У этого слова запах той старой кожанки.
 Моей маме —
 Зинаиде Ермолаевне Евтушенко —
 семьдесят два года.
 Мама вышла на пенсию,
 но продолжает работать
 и только поэтому не умирает.

Мама продает газеты
 в киоске у Рижского вокзала,
 и ее окружает
 собственный маленький мир,
 где мясник
 интересуется
 еженедельником «Футбол — хоккей»,
 зеленщик —
 журналом «Америка»,
 а продавщица молочного магазина —
 журналом «Здоровье».
 Эти благодарные читатели
 оставляют для мамы
 в своих магазинах
 то мороженую курицу —
 соотечественницу Мопассана,
 то пару кило апельсинов —
 соотечественников Лопе де Веги,
 то уважительно завернутый
 целый килограмм сыра —
 соотечественника Майн Лассила,
 кстати говоря, прекрасно переведенного
 Михаилом Зощенко.
 Поэтому моя мама,
 как знатная леди социализма,
 говорит
 «мой мясник»,
 «мой зеленщик»,
 «моя молочница»
 и с гордостью чувствует,
 что от нее зависят

* * *

Когда я принес моей маме рукопись «Братской ГЭС»,
мама заплакала и достала из коробки «Ландрин»
одно пожелтевшее фото.

Там юная геологиня —

мама

неловко сидела на шелудивом коне,
подняв накомарник,

словно забрало,

а мой отец —

неисправимо некомсомольский —

галантно поддерживал мамино стремя,
ей помогая спрыгнуть с коня у костра.

Мама перевернула фото
и показала блеклую надпись,
сделанную отцовской рукой:

«На месте изысканий будущей Братской ГЭС. 1932 год».

Мама погладила пальцем
такое далекое пламя костра
и неожиданно отдернула руку,
как будто пламя еще обжигало.

Мама,

запинаясь,

подыскивала слова:

«У этого костра...

ты был...

начат...» —

и покраснела, как девочка.

А почему разошлись моя мама и мой отец,

я не знаю...

Наверно, дело в костре,
у которого пламя просто устало,
хотя иногда еще может обжечь
сфотографированное пламя.

1982

Евгений Евтушенко (1932–2017)

Поэт, номинант Нобелевской премии по литературе

Фото: Анатолий Морозов

МАРК ЗАХАРОВ

Марк Захаров

Не вычеркивай меня из паспорта

Мама мечтала получить актерское образование, занималась в студии у Юрия Завадского, но то чудовищное обвинение, которое выпало на долю моего отца, перечеркнуло все мамины планы. Я остался с бабушкой Софьей Николаевной Бардиной. Она очень хотела скрасить мою разлуку с родителями и окружила такой теплотой и опекой, что мне долгое время казалось, будто тридцатые годы в нашей стране были самыми счастливыми.

Парки, аттракционы, запуск метро, авиационные праздники, спортивные марши и патриотические песни... Все это цвело, громыхало, звучало и шествовало на фоне моих прогулок по городу. А еще был другой мир — мир моей детской с множеством игрушек, хорошим велосипедом

и узкоплечным киноаппаратом... Я крутил кино и мечтал, что однажды мама моя станет актрисой и снимется в приключенческом фильме.

Однако по возвращении в Москву мама восстановиться в студии не смогла, и о театре пришлось забыть.

А отец после ссылки не имел права жить в Москве и потому поселился в Рязанской области. С нами он виделся только по выходным. И на всю жизнь я запомнил свою детскую радость, когда, проснувшись утром, слышал его голос — летел в комнату родителей, бросался к ним в постель, и между нами затевалась веселая возня. Это было состояние абсолютного счастья.

Родители никогда меня не наказывали, хотя, конечно, учили, как надо себя вести, что делать, от чего воздержаться. Но если требовалось как можно строже меня отчитать, мама говорила: «Если ты еще раз так сделаешь, я вычеркну тебя из паспорта!» Для меня эта фраза была абсолютно непонятной, но я ощущал какой-то страшный удар. Просто мучительное наказание! И до сих пор помню, как содрогался и просил: «Мамочка, миленькая, пожалуйста, не вычеркивай меня».

Еще одно воспоминание связано с тем, что папа воспитывал меня по мужской линии, а мама занималась скорее эстетическим развитием. Благодаря ей, кстати, я и полюбил театр. До сих пор помню, какое сильное впечатление на меня, семилетнего ребенка, произвела «Синяя птица» во МХАТе. Наверное, тогда я впервые ощутил мощную энергетику настоящего профессионального театра. А еще я приходил в полный восторг от Театра кукол Сергея Образцова. Он был моим любимым театром.

Вот такая счастливая жизнь была у меня до 1941 года. А потом все изменилось. Началась война.

Я помню первые воздушные тревоги, и они мне очень нравились. Было красиво: по небу лучи прожекторов, трассирующие пули... При этом доносился вой сирен. Все казалось очень интересным. А потом вдруг наступил момент — почти как в фильме «Служили два товарища»,

◀ *Мама Марка Захарова Галина Бардина*

где показывают панику в Крыму. В Москве тоже началась паника, поскольку прошел слух, что в столицу вот-вот вступят немцы, и люди массово побежали из города, захватив с собой все самое необходимое и ценное. Помню это страшное число — 13 октября 1941 года, когда мы с мамой эвакуировались, присоединившись к детскому дому, директором которого была моя бабушка. Мы уплывали на пароходе от Речного вокзала, а на причале оставались домашние собаки, которых запретили брать на борт.

“*Если требовалось как можно строже меня отчитать, мама говорила: «Если ты еще раз так сделаешь, я вычеркну тебя из паспорта!» Для меня эта фраза была как удар. И до сих пор помню, как содрогался и просил: «Мамочка, миленькая, пожалуйста, не вычеркивай меня»*

И когда пароход отшвартовался и поплыл, на берегу поднялся страшный вой. Собаки стали метаться вдоль берега и выть. Что в этот момент творилось с людьми на палубе, какие истерики начались у женщин, я не могу вам передать. Мне стало страшно. И с той самой минуты для меня началась война.

В эвакуации мы пробыли недолго. К несчастью, наша бабушка вскоре умерла от укуса энцефалитного клеща, и мы с мамой решили, что надо возвращаться домой.

Вернувшись в Москву, нам с трудом удалось отвоевать наши две комнаты в коммунальной квартире. Жизнь была тяжелая. Мама очень много работала. Отец какое-то время был на фронте, но потом его комиссовали из-за приступов язвы желудка. А поскольку он так и не полу-

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

чил хорошего образования (мешала судимость) и смог окончить только физкультурный военный техникум, то работал сначала инструктором, а потом служил в охранном батальоне, который стоял в Москве.

После войны я окончил школу — настала пора выбирать вуз. Хотелось связать свою жизнь с чем-то созидательным, масштабным, поэтому документы подал одновременно в строительную академию и в инженерно-строительный институт имени Куйбышева. Но в академии один добрый майор, внимательно изучив мои справки, в которых было написано, что мой отец отбывал срок по 58-й статье, сказал: «Я вам не советую сюда поступать. Даже если вы сдадите все вступительные экзамены, все равно вас не примут».

Не повезло и с институтом. Там я не сумел набрать нужное количество баллов на престижный строительный факультет, и меня готовы были взять на факультет ассенизации и водоснабжения. Но при слове ассенизация я, конечно же, приуныл.

И тут несостоявшаяся в актерстве мамина судьба взяла надо мной верх. Я почему-то решил, что должен непременно связать собственную жизнь с театром. Ей этого не удалось, но уж я-то своей цели добьюсь. Однако маме эта идея не понравилась: она стала отговаривать меня, убеждая, что человек, работающий в театре, связан по рукам и ногам, что он не имеет никаких прав, да и судьба его, по сути, зависит только от режиссера...

Но я не послушался и все равно отправился на консультацию в Школу-студию МХАТ. Это был тот самый курс, на основе которого в 1956 году образовался «Современник».

Правда, меня на него не взяли, поскольку на консультации, послушав, как я читаю «Вересковый мед» в переводе Маршака, мне очень ласково сказали:

— Вам, молодой человек, надо срочно думать о другой профессии, потому что никакого отношения к театру вы иметь не можете.

▲ Мама Марка Захарова по образованию актриса, но вторым ее призванием стала педагогика

Я расстроился и попросил пустить меня хотя бы на первый тур, поскольку все мои друзья-товарищи были уверены, что я непременно стану артистом. Но мне вежливо отказали, сославшись на то, что я своим чтением будут мешать абитуриентам.

Домой я вернулся убитый. Рассказал обо всем маме, и она вдруг вместо «выводов» и порицаний взялась мне помогать — занялась со мной дикцией, научила говорить в тонусе... В итоге две недели упорного труда не прошли бесследно — я был зачислен на первый курс актерского факультета ГИТИСа имени Луначарского. И, откровенно говоря,

был очень удивлен, обрадован и даже изумлен этим обстоятельством. Изумлен настолько, что первое время учился неважно, со свойственной москвичам пассивностью.

Но поскольку от мамы ничего нельзя было скрыть, у нас состоялся серьезный разговор, и она меня убедила, что раз уж я решил посвятить себя этой профессии, то надо прекращать бездельничать и уверенно браться за дело.

И эта уверенность ко мне постепенно пришла.

Мама всегда и во всем меня поддерживала. Когда после института я попал по распределению в Пермский театр, она приезжала ко мне и даже некоторое время жила там, смотрела, как я играю на сцене. А когда мне пришла повестка из военкомата, мама посоветовала взять письмо из театра с просьбой не призывать меня в армию. Я пошел к директору, и он написал письмо, не надеясь на то, что оно поможет. А для меня это был единственный шанс. И не потому, что очень хотелось работать в театре, а потому, что в это время ко мне должна была приехать моя невеста — Нина Лапшинова. Мы собирались пожениться, и Нина маме очень нравилась. Но повестка могла изменить весь мой жизненный путь. Потому что я понимал: если уйду на три года в армию, наш брак, скорее всего, не состоится.

Когда я пришел с этой бумажкой к военкому, он посмотрел на меня так, будто лимон укусил и сказал:

— Что? Артист? Еще и письмо принес.

Далее повисла пауза, которую я запомнил на всю свою жизнь. Он посмотрел на письмо кислым взглядом, потом стал глядеть в окно, на поезд, который шел вдалеке. И я понял: вот сейчас таким образом решается моя судьба.

А потом военком повернулся ко мне и сказал:

— Ступай, будешь приходить на курсы химиков-разведчиков.

Это означало, что работу в театре можно не прекращать. Несколько раз для порядка на курсы я все-таки сходил, но разведчик из меня не получился.

...В Перми я поменял свое естество. Можно сказать, стал человеком. Я что-то писал, рисовал карикатуры, печатался в газетах. Потом меня пригласили режиссером в студенческий театр Пермского университета, и я пошел туда, не предполагая, что впоследствии буду принадлежать этой профессии. Только в процессе постановок двух пьес я понял, что меня слушают и я обладаю лидерскими качествами, которые необходимы в режиссуре.

К сожалению, мама вскоре заболела и ушла из жизни. Она видела только мою студенческую работу в станкоинструментальном институте, так и не узнав, что я стал режиссером.

Марк Захаров (1933–2019)

*Народный артист СССР, режиссер, художественный
руководитель театра «Ленком»*

ФОТО: И. СЕМЕНОВА

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

Людмила Иванова

Почти каждый день стояла в углу

Я благодарна своей маме за то, что она, отказавшись от интересной работы, полностью посвятила себя моему воспитанию. Кто еще так делает? Каждый день недели был у нас детально расписан. Я занималась в детском хоре при Доме ученых, посещала уроки ритмики, но девочкой была неловкой: кидала мячик — он никуда не попадал, шла не в ту сторону, все время задумывалась о чем-то и не слышала музыку, моя мама ужасно стыдилась этого.

Единственное, в чем я блистала, — это импровизация. В конце урока ритмики нам ставили какую-нибудь музыку, под которую надо было импровизировать, и тогда весь мой потенциал проявлялся в полную

силу. Еще у меня был балет в Доме пионеров, вот он мне, в отличие от ритмики, очень нравился.

В общем, мама занималась мною с утра до вечера. Она была очень строгая, и я почти каждый день стояла в углу. Она считала, что шлепать непедагогично, а поставить в угол педагогично. Папа жалел меня, говорил:

— Дочечка, ты опять в углу стоишь? Фаина, выпусти ее.

На что мама отвечала:

— Пожалуйста, не вмешивайся, это непедагогично.

Но все равно я была в нее безумно влюблена. Потому что она была всегда красивая, всегда душистая, нарядная. Все делала быстро, аккуратно, четко, по плану. Наверное, это оттого, что она по образованию экономист и работала плановиком. Составляла план не только на каждый день, но даже на год вперед. Она и меня к этому пыталась приучить, но ничего не получилось.

Любовь к театру мне тоже привила мама. Она была настоящей театралкой, знала всю театральную Москву. Мама безумно любила Аллу Тарасову, Ольгу Андровскую, Ангелину Степанову — интеллигентную, утонченную женщину. Вместе с мамой я пересмотрела в Художественном театре все спектакли, начиная с «Синей птицы». Мама водила меня в Вахтанговский театр на Цецилию Мансурову и Михаила Астангова, в театр Ленинского комсомола и в Театр Ермоловой, где тогда играла Фаина Иорданская. Ей нравилась классика, и мы, конечно, посещали и Большой театр. Я училась тогда в музыкальной школе по классу фортепиано, и мама считала нужным познакомить меня со всеми операми. Билет в Большой стоил 2 рубля 60 копеек. Это была ощутимая сумма, но, во-первых, мой папа прилично зарабатывал, а, во-вторых, я хорошо училась, и посещение театров было своеобразным поощрением. Кстати, в то время попасть в Большой театр было непросто, и маме иногда приходилось стоять в очереди за билетами даже ночью.

Фото из семейного архива

Я все в себя впитывала. То образование, которое дала мне мама, я считаю своим приданым.

И еще, конечно, довоенное время — это мои походы с мамой в кино. Смотрели и наши отечественные картины, может быть, иногда и наивные, но такие патристические, геройские, и фильмы иностранные, взрослые, про любовь, с очень красивыми актрисами. Мы посмотрели все самые знаменитые довоенные фильмы. Ходили утром на десятичасовые сеансы, поскольку вечером ее с ребенком не пустили бы. Мама ходила в кино, как на праздник, всегда надевала красивое платье — она вообще была модной женщиной, одевалась на Кузнецком мосту.

Мама была красивой элегантной женщиной. Новый год они с папой встречали в Доме ученых: там был шикарный праздник. И мама шила себе шикарное платье. Тогда достать хорошую ткань было очень трудно, и мама долго стояла в очереди, чтобы купить белую шерсть. На Кузнецком мосту ей пошили очень красивое платье, но появилась новая проблема — купить к нему туфли. Она с трудом достала туфли нужного фасона и цвета, но они были на размер меньше. Тем не менее она надела их и пошла на праздник. Конечно, ей было ужасно неудобно, но зато выглядела она просто потрясающе.

От мамы часто пахло «Красной Москвой», тогда это были самые модные духи (правда, несколько позже их потеснила рижская «Белая сирень»). Она всегда следила за новинками, хотела быть модницей. И в магазинах ТЭЖЭ тратила время и деньги, а я, затаив дыхание, разглядывала красивые коробки, которые стояли на полках. Все они были очень оригинальные. Например, мыло в форме апельсина, оно, как и сам цитрус раскрывалось на дольки. Один такой магазин располагался на станции «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская». А на станции метро «Аэропорт» была кондитерская, где можно было купить, например, яблоко в тесте, шоколадное печенье и необычные конфеты.

“Когда началась война, я сразу повзрослела и стала понимать многие важные вещи. Например, в первый год войны узнала, что такое паника, одиночество, когда человек беззащитен и закон его не защищает. Это я поняла в теплушке эшелона, который увозил нас на Урал к отцу

На мои дни рождения мама организовывала замечательные праздники. Собирала много детей, они устраивали концерт: кто-то читал стихи, кто-то пел, играл на фортепиано. И елки, когда их разрешили, тоже были у нас замечательные. У меня сохранилась музыкальная шкатулка, в которую ставилась елка до потолка, она крутилась, а из шкатулки доносилась рождественская музыка. Было очень красиво. Дети, которые к нам приходили, выбирали себе игрушку, которая висела на елке, мама ее срезала и дарила ему. А я тихо плакала, потому что мне было жалко отдавать игрушку, но показывать свои чувства я не имела права.

ФОТО ИЗ СЕМЬИ ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВОЙ

▲ «То образование, которое дала мне мама, я считаю своим приданым»

Когда началась война, я сразу повзрослела и стала понимать многие важные вещи. Например, в первый год войны узнала, что такое паника, одиночество, когда человек беззащитен и закон его не защищает. Это я поняла в теплушке эшелона, который увозил нас на Урал к отцу. Он был там в геологической экспедиции, прикомандированный к организации «Миасс-золото», которая в войну перешла на добычу циркония.

Моя крайне дисциплинированная мама сделала все, как полагалось: взяла один чемоданчик, бумазейное одеяло, чайник и мое демисезон-

ное пальто. Но уже ночью где-то на остановке начали влезать люди с перинами, подушками, швейными машинками... Кричали, ругали власть. Мама смотрела на них с ужасом, а мне стало ясно, что кроме моего дома, моей семьи, есть еще страна, государство и люди, совсем по-другому настроенные, чем мы. Она уехала в эвакуацию в летней одежде и у нее была всего одна смена белья, и, приходя в баню, она стирала его и мокрое надевала на себя. Это было в Чкалове (Оренбурге). И дедушка, который работал тогда слесарем на Ярославском вокзале, каким-то чудом смог переслать нам зимние вещи. Среди вещей он положил мою любимую куклу. Мама поняла, что это большая ценность, и убедила меня выменять на нее полкило масла: кукла была очень красивая, и кто-то из местных жителей смог заплатить такую огромную по тем временам цену.

Когда поехали дальше, из Чкалова в Миасс, мы купили билеты в купейный вагон на нижние полки. Но когда мы вошли, оказалось, что наши места заняты, люди нас обругали, проводник не защитил, и нам пришлось ехать на третьих, багажных полках без постельного белья. Но мама никогда не скандалила, сохраняя достоинство.

Сначала папа привез нас в село Кундравы. Это бывшая казачья станица на берегу сказочно красивого озера, недалеко от Миасса. Потом мы переехали в Миасс, где нас приютила солдатка Елена Селиванова. Она отдала нам лучшую комнату со всей мебелью и бельем и снабдила кое-какими припасами.

Тетя Лена научила маму печь хлеб в русской печке. Мама пекла семь хлебов: по одному на каждый день недели. Хлеб хранился в деревянном сундучке, тоже предоставленном тетей Леной, и почему-то не черствел.

Мама начала работать в конструкторском бюро завода, папа почти всегда был в тайге, в геологической партии, и я была предоставлена сама себе.

Папа купил нам козу, но мама была городской женщиной и плакала, когда училась доить. Козу звали Музой – это мама настояла на таком имени. Козье молоко было настоящим спасением. Мама на целый день уходила на работу и оставляла мне маленькую мисочку пшенной каши и кружку молока. Когда мы в первый раз отпустили козу в стадо, то весь день думали, как же мы узнаем ее – ведь они все одинаковые. Но Муза оказалась умнее нас и сама пришла к нашей калитке. Мы были потрясены и очень ее зауважали.

Мама была абсолютно городским человеком, и когда мы были в эвакуации, очень скучала по столице, рыдала: как там Москва? Все эти дома, улицы, театры, метро – все это она очень любила. Человеком она была очень талантливым, и у нее получалось все, за что бы она ни бралась. После смерти отца, а он ушел из жизни в 46 лет, мама очень переживала, болела и решила, что может заниматься только чисто механической работой, поэтому устроилась машинисткой в Издательство иностранной литературы. И была просто гениальной машинисткой, печатала вслепую, знала латинский шрифт и могла печатать под диктовку. Все у нее получалось очень хорошо.

Я с нежностью и любовью ее вспоминаю и не устаю повторять, что всем обязана ей.

Людмила Иванова (1933–2016)

Народная артистка РФ, основательница московского детского театра «Экспромт», актриса «Современника»

Фото: Анатолий Моргункин

Наш дом – территория свободы и счастья

Если бы моя мама только узнала, что наш разговор всецело посвящен ей, то осталась бы недовольна. Вообще она всегда предпочитает находиться в тени, но человек очень сильный. Уже в самом ее имени Аида – гордость и сила. А в переводе с арабского Аида значит польза или вознаграждение. И это действительно так. Любой человек, который находится в сфере маминой опеки, всегда защищен ее заботой, мудростью и вниманием. Но, наверное, лучше рассказывать с самого начала...

Моя мама, Аида Николаевна – перфекционист. За какое бы дело она ни бралась, всегда доводила его до совершенства. И поставленной

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

▲ Студенты Горного института
Аида и Игорь Кабо

▲ Будущей актрисе 2 года.
На руках у мамы

цели добивалась всегда. Окончив школу в городе Жданове (Мариуполь), она мечтала поступить в МГУ. Но, увы, не добрала баллов и вернулась домой. Год проработала в ГИПРОМЕЗе и только на следующий год наконец поступила.

Правда, не в МГУ, а в Горный институт на факультет радиоэлектроники. Наверное, это была судьба. Ведь именно там она познакомилась с Игорем, ставшим вскоре моим отцом. Почему вскоре? Потому что диплом мамочка защищала уже будучи беременной мной. Так что, можно сказать, что свое первое образование я получила в утробе матери.

По распределению мама попала на телевидение. На Телецентре прошла путь от рядового инженера до начальника Отдела техническо-

го контроля. Я очень гордилась, ведь ее портрет занимал центральное место на доске Почета. Ввиду ее высокой должности нам домой привезли цветной телевизор! Это считалось роскошью... И мама даже дома в свой выходной день обязана была смотреть передачи и следить за их техническим качеством. Бывало, что мы завтракали или обедали, и вдруг мама, заметив какие-то неполадки, срочно уезжала на работу.

Первые 5 лет своей жизни я провела у бабушки Маши на Урале. Жили мы в поселке Нейво-Шайтанском Алапаевского района Свердловской области, в деревянном срубе. Вокруг деревни — леса и реки Нейва и Шайтанка... Бабушка очень любила землю и пыталась привить эту любовь мне. До сих пор помню запах уральской земли — терпкий, свежий, влажный... Родители приезжали навестить меня на время отпуска. Когда мне исполнилось пять лет, они забрали меня в Москву. Из моего привычного уютного, маленького, деревенского уединения меня «переместили» в огромный и, как мне казалось, враждебный городской мир.

В Москве поначалу мне было страшно: многоголосый шум столицы, гул транспорта, вспышки иллюминаций, огромное пространство, в котором не оставалось места моим любимым грядкам. К тому же, я сильно окала и была нелюдимою. И тогда мама решила приобщать меня к мегаполису. Это были счастливейшие времена: она посвящала мне любую свободную минуту. Мы с ней читали, играли, учили стихи, путешествовали. Не было ни одной выставки, ни одного музея, которые мы бы не посетили. Никогда не забуду наши прогулки в Нескучном саду, мы собирали осенние листья, и мамочка мне плела из них разноцветные венки. Ходили в кино и в театры, не пропускали премьер.

Каждое лето мы с мамой ездили к морю. В чемоданы обязательно укладывались книжки, учебники и тетрадки, ведь за каникулы требовалось не только повторить школьную программу, но и «убежать вперед», чтобы в сентябре обогнать одноклассников... Конечно, когда светит солнце, рядом шумит море, соблазняют аттракционы на набережной,

режной, а ты вынуждена сидеть в гостиничном номере и зубрить очередной предмет, это не очень радовало. Было пролито немало слез, но, к счастью, на мою строгую маму это никак не действовало. Она была непоколебима:

– Пока не пройдем всей программы, о развлечениях даже не думай! Сейчас я поражаюсь, как ей хватало терпения и выдержки.

“Первые 5 лет своей жизни я провела у бабушки Маши на Урале. Жили мы в поселке Нейво-Шайтанском Алапаевского района Свердловской области, в деревянном срубе. Вокруг деревни – леса и реки Нейва и Шайтанка...

Несмотря на учебу в техническом вузе, мамочка априори всегда была очень творческим человеком. Играла в студии при Народном театре в Жданове, а затем в Москве в Студенческом театре МГУ. Свою любовь к творчеству с лихвой передала мне. Чем только я не занималась в детстве. Училась в специальной английской школе и в музыкальной по классу фортепиано, во Дворце пионеров на Ленинских горах посещала секцию художественной гимнастики, студию балльных танцев, кружок космонавтики. Передо мной была богатая палитра. Но все же свой выбор я сделала в пользу Театра юных москвичей (ТЮМ).

Театральные классы захватили меня целиком: мы занимались режиссурой, актерским мастерством, сценическое движение нам преподавал Виктор Анатольевич Шендерович, мы репетировали, ставили спектакли, ездили на гастроли... После спектакля «До свидания, овраг» про бездомных псов, поставленного Шендеровичем, в котором я играла роль маленького песика, ко мне подошла ассистентка режиссера с Одесской киностудии и задала вопрос, который и определил в дальнейшем весь мой жизненный путь:

Фото из семейного архива

▲ Бабушка – лучший друг

– Девочка, не хочешь ли ты сняться в кино?

После этой судьбоносной встречи я вернулась домой, ошеломив родителей необыкновенной новостью, которая застала их врасплох. В результате на семейном совете было решено:

– Езжай! Попытай счастья! Сама «твори» свою судьбу!

И отправили меня в кинопутешествие длиной в жизнь. За что я им несказанно благодарна! Месяц ожиданий результата кинопроб был для меня адом – я плакала, бросалась к почтовому ящику, к телефону. Через месяц получила телеграмму, что меня утвердили на главную роль в фильме Ярослава Лупия «И повторится все». Какое же это было счастье! Да, эту телеграмму я храню до сих пор...

Фотс. Анатолий Марковкин

В то время я еще не мечтала быть артисткой, но попав впервые на съемочную площадку и вдохнув аромат киношных дымов и услышав стрекот камеры, я навсегда «заболела» кино.

Окончив 8-й класс, перешла из английской школы в школу с театральным уклоном. После уроков к нам приходили педагоги из «Щепки», мы занимались сценической речью, движением, мастерством. И когда я однажды пошла к директору, чтобы отпроситься в киноэкспедицию, мне выдвинули «условие»: мне предстояло самостоятельно пройти всю пропущенную программу, сделать уроки и написать контрольные работы. Список получался внушительный! Но все же я решилась на этот шаг и, положив учебники в чемодан, отправилась на полгода на Украину. А, кстати, когда вернулась и предъявила своим учителям подробный отчет, была приятно удивлена, что их заинтересовали не только мои школьные успехи, но и творческие.

Фильм был о молодежи, я играла студентку педагогического института, хотя мне тогда едва только исполнилось 15 лет. В киногруппе я была самая младшая. А многие мои партнеры являлись уже выпускниками театральных вузов.

Однажды у меня возник конфликт с одним мальчиком. Не привыкшая к подобным ситуациям, я не могла разрешить ситуацию сама. В отчаянии позвонила домой:

— Мне очень плохо. Забери меня. Тут надо мной издеваются. Никто меня не любит и не понимает...

И моя мама немедленно отправилась ко мне в Каменец-Подольский. Она приехала всего на один день, и этот день решил мою судьбу в съемочной группе. Мама привезла огромную сумку со всякими вкусностями. Собрала всех ребят, которые снимались вместе со мной — человек 15, — накрыла в моем гостиничном номере стол и устроила чаепитие. Потом спросила:

— В чем суть недоразумения?

Дебаты продолжались несколько часов. А вечером, когда она уезжала, все ребята дружной гурьбой, с цветами, провожали ее до вагона. Конфликт был исчерпан. Девушки и юноши влюбились в мою маму, а опосредованно и меня взяли в свою компанию.

К окончанию школы я уже твердо знала, что буду поступать в театральный. И мы с мамой вместе готовили программу для творческого конкурса. В тот год во ВГИКе курс набирал Сергей Федорович Бондарчук — любимый режиссер моих родителей. Мама подобрала мне чтецкий репертуар. Я читала стихотворение Тараса Шевченко «Як помру, то поховайте» на украинском языке, а также монолог Наташи Ростовской. Мой показ имел успех: Сергей Федорович взял меня к себе на курс сразу после первого тура.

Мама часто приходит на мои спектакли. Для меня она самый строгий критик и самый желанный гость. Я всегда очень волнуюсь, когда она в зале, мне кажется, что я даже хуже играю от ответственности. После работы, уже по традиции, — разборки полетов, и, увы, не всегда я получаю одобрительную оценку, иногда ужасно обижаюсь и расстраиваюсь, но, остыв, понимаю, что во многом мамочка права. Бывает, после нашего общения даже изменяю внутренний рисунок роли. Удивительно, я, не зная, где она сидит, всегда точно чувствую это... Между нами существует какая-то «пожизненная» связь. Ее присутствие я постоянно ощущаю внутри себя...

А еще мама обладает великим даром выслушать и услышать, она умеет мудро промолчать, она может вдохновить одним словом, объятием, она всегда Настоящая, никогда не экономит себя для родных и близких... Мои дети обожают бабушку Аиду, хотя, признаться, мама совершенно не выглядит бабушкой, она всегда подтянута, стройна, активна, но сама очень любит, когда ее так называют. Для внуков в родительском доме нет слова «нет», они могут делать и говорить все,

что хотят, брать любую вещь, ведь наш дом — это территория свободы и счастья.

В литературном проекте «Я искала тебя», посвященном жизни и творчеству Марины Цветаевой, в котором Марина представлена глазами дочери, Ариадны Эфрон, я читаю выдержки из дневников и воспоминаний Ариадны Сергеевны. Вот что пишет дочь о матери: «Мамина любовь всегда была выше и больше тех, кого она любила. Ее любовь, отдававшая все, мне долгое время была не по силам... Нужно было самой много выстрадать, чтобы явилась эта огромная сила любви».

Подписываюсь под каждым словом. Для меня этот спектакль — посвящение моей маме. Великой, уютной, домашней, уверенной и верящей, любимой и родной.

Ольга Кабо

Заслуженная артистка РФ, актриса Театра им. Моссовета

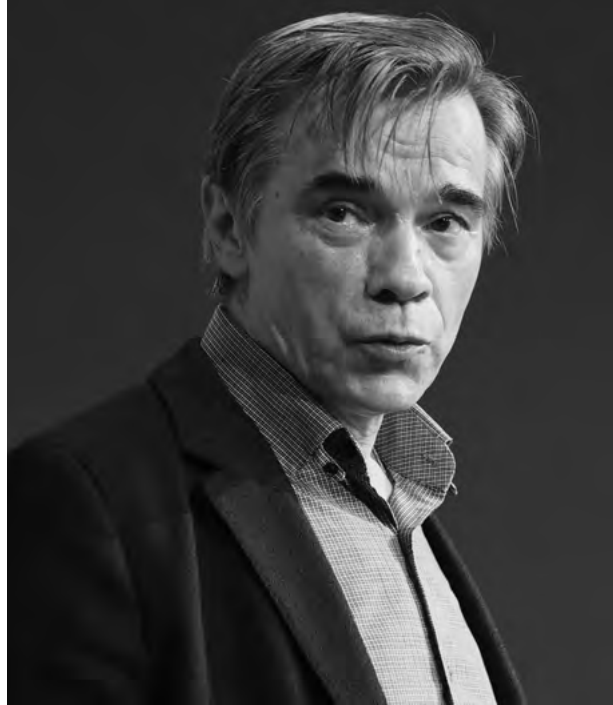

Фото: Михаил Турчанин

АЛЕКСАНДР КОРШУНОВ

Александр Коршунов

Закулисным ребенком я не был

Мама всегда много работала, и я очень скучал по ней. Когда она еще работала актрисой (сначала в Малом театре, потом в Театре им. Маяковского), лето проводила на гастролях. Меня с собой не брали, и я жил на даче. Там было прекрасно, но без мамы отдых казался неполным.

Когда она возвращалась, это был, конечно же, праздник. Собирались вся семья! А вскоре отмечалось еще одно торжество — дедушкин день рождения, 2 августа, Ильин день.

Дедушка, Илья Яковлевич Судаков (тот самый Фома Стриж из «Театрального романа»), все лето жил с нами на даче. И так повелось, что

утром 2 августа мы, дети, отправлялись в поле собирать для него цветы и дарили огромный букет. Поздравляли, гуляли, шутили...

И еще один праздник мы встречали обязательно дома, в Москве, и все вместе — Новый год. Рассказывали, что один-единственный Новый год семья решила встретить на даче — это был 1941 год. И с тех пор Новый год на даче не праздновался никогда.

Главным организатором и режиссером праздника, конечно же, была мама. Она всегда придумывала что-нибудь необыкновенное. Обладала чудесной фантазией. У нас дома есть лапти, настоящие, плетеные. Их когда-то подарили отцу (Виктор Коршунов, народный артист СССР. — *Ред.*). Мама в эти лапти складывала записочки, завернутые вместе с конфетами — такие гостинцы. Все их вынимали по очереди, и надо было выполнить какое-нибудь задание: например, пожать руку «самому мудрому» человеку в этой компании, прочитать стихотворение, придумать рифму, спеть. А еще там было какое-то пожелание или предсказание на будущий год от Деда Мороза и Снегурочки. Сейчас, без нее, я пытаюсь продолжать эту традицию. В этом году все наши дети разъехались кто куда, мы встречали Новый год вдвоем с женой Олей, но лапти с заданиями были. «Надо соблюдать обряды...»

А какие замечательные дни рождения мне устраивала мама! Их обожали все мои одноклассники. Она отменяла свои дела и с упоением занималась подготовкой этого праздника. Покупала кучу разных призов и подарков, придумывала какие-то вопросы, игры, устраивала целые олимпиады. Мы бегали вприпрыжку по квартире, устраивали соревнования. Одним словом, это был веселый, замечательный спектакль для нас.

Как ни странно, имея такие театральные корни, закулисным ребенком я вовсе не был. Конечно, ходил на традиционные елки в Малый театр, а на спектакль первый раз пошел только вместе со своим первым классом. Мы смотрели в ТЮЗе «Два клена» Шварца. Я до сих

фото из семейного архива

▲ *Екатерина Еланская и Виктор Коршунов – продолжатели легендарной династии*

пор прекрасно помню этот спектакль. Он мне очень понравился. И еще одно незабываемое детское впечатление – «Синяя птица» во МХАТе.

Мы очень дружили с семьей Сергея Владимировича Образцова. Его дочка Наталья Сергеевна была лучшей маминой подругой. Они учились в одном классе и дружили всю жизнь. Еще в детстве они дали друг другу слово, что если у них родятся дочери, то мама назовет свою Наташей, а Наташа – Катей.

У тети Наташи родилась дочка, и она, действительно, назвала ее Катей, а у мамы – я. Иногда теперь Катя смеется и говорит, что

мама должна была назвать меня Натаном. Катя Образцова стала подругой моего детства. Когда мою бабушку Клавдию Еланскую ввели на роль Бабушки в «Синюю птицу», мы с Катей пошли на спектакль. И нас посадили на места Станиславского и Немировича-Данченко. Там, на деревянных креслах, были такие таблички прикручены с надписями. Было как-то даже неловко на таких местах сидеть. И бабушку я прекрасно помню, как она говорила:

– Прощайте, прощайте, пора нам уходить.

Красивый был спектакль, завораживающий...

Момент, когда из Москвы приезжаешь на дачу, выскакиваешь из машины на зеленую траву, – это был момент счастья! Маленьким,

фото из семейного архива

▲ *«Мама была удивительно молодым человеком всю свою жизнь»*

я даже зимой жил на даче. А когда начал учиться, на дачу выезжали летом. Дедушка Илюша приезжал раньше всех, в мае, потом бабушка Клавдюша. У нас была огромная семья. На дачу съезжались мамина сестра тетя Ира, замечательный режиссер и педагог с сыном Алешей, папа с мамой, прекрасная наша Марфа Ивановна Кононова – Марфуша, которая всю мою жизнь была и няней, и нашей домработницей, и просто членом нашей семьи, Эсфирь Яковлевна, которая ухаживала за бабушкой, бабушка Настя, Катя Образцова со своей бабушкой Лизой и шофер Анатолий Михайлович со своей женой Верой

Александровной. На даче была бурная и веселая жизнь. Столы порой накрывали на улице. К нам приходили соседи. Мама и папа, совсем молодые, играли в волейбол, гуляли, сражались в теннис. Приобщили к теннису и меня. Года три я занимался теннисом в секции. Мама всю жизнь любила загорать. И на даче с удовольствием принимала солнечные ванны. Даже когда было очень жарко, продолжала загорать. Папа, бывало, говорил ей:

– Катя, нельзя так долго лежать на солнце.

Но мама была дамой с характером:

– Я хочу, – отвечала она решительно. Мама очень любила солнышко. Правда, долго на даче она не выдерживала. До самых последних

Фото из семейного архива

▲ В кадре – артисты Екатерина Еланская и Александр Коршунов

лет старалась куда-то вырваться. В последние годы ездила с нашими детьми, Аленой, Степаном и Клавдией. Они с удовольствием составляли ей компанию.

Мама была удивительно молодым человеком всю свою жизнь. Когда я был маленьким и мы вместе с ней куда-то шли, нас очень часто принимали за брата и сестру. Ей никогда не давали тот возраст, который был на самом деле. Она и одевалась соответственно – ярко, стильно, очень по-своему и молодежно. Любила носить брюки, брючные костюмы, кроссовки. Когда в моду вошли мини, носила мини, открытые сарафаны. Любила элегантные украшения. С удовольствием ходила по магазинам и выбирала какие-то обновки и себе, и папе, и мне.

Мама была человеком эмоциональным и всегда принимала решения безоговорочные, стремительные. Помню, однажды, мне было лет пять, они с папой должны были ехать в за-

граничную поездку. Вечером собрались уезжать с дачи, и вдруг я так разрыдался, что не мог остановиться: очень не хотелось расставаться с родителями. Пошел провожать их на автобусную остановку, и глаза у меня были на мокром месте. Вдруг мама, уже садясь в автобус, сказала папе:

– Все. Мы никуда не едем. Встанем завтра утром и отправимся.

Папа растерялся, стал ее уговаривать:

– Катя, но нам же завтра улетать. Ничего страшного. Все будет хорошо.

– Нет, я так не могу. Пошли домой! – решительно ответила мама.

Как же я был счастлив, что тот вечер смог провести вместе с ними.

И Клавдия Николаевна, и Екатерина Ильинична были женщинами, безусловно, героического склада характера. В Первую мировую Клавдюша, будучи еще гимназисткой, хотела бежать из дома на фронт, потом работала в госпиталях медсестрой. В Великую Отечественную она убедила своего младшего брата Аркадия, у которого было освобождение от призыва в армию (в детстве он потерял глаз), что тот должен пойти добровольцем. Он пошел в московское ополчение. В первые же дни они попали в окружение, потом в немецкий лагерь, откуда он бежал, вышел к своим... Его арестовали и отправили в Сибирь. Клавдюша просто «рвала на себе волосы». Слава Богу, ей удалось добиться его возвращения домой!

Такой же самостоятельной, эмоциональной и решительной была мама. Она всю жизнь принимала крутые резкие решения. В семье это не всегда вызывало поддержку. Она, например, собралась уходить из Малого театра, хотя у нее там хорошо складывались дела, к ней прекрасно относился Царев. Она много играла, и роли у нее были замечательные. Но ей были нужны новые горизонты, и она пошла в Театр Маяковского к Охлопкову. Проработала там несколько сезонов. Но она всю жизнь спорила с режиссерами. Говорила, что надо играть по-другому, по-другому ставить. Она была достаточно конфликтной, и с ней было непросто. И она ушла от Охлопкова. Решила стать режиссером и поступила в аспирантуру к Марии Осиповне Кнебель.

Я помню, что когда она уходила в Театр им. Маяковского, то ее и папа, и бабушка отговаривали:

– Катя, зачем ты это делаешь? У тебя так все хорошо в Малом театре.

Мама возражала:

– Мне это неинтересно. Я хочу что-то поменять.

Когда она училась режиссуре, Мария Осиповна ей однажды сказала: — Катя, мне говорили, что у вас ужасный характер. Где же он? Я его не вижу.

Мама ей ответила:

— Мария Осиповна, с теми, кого я люблю, у меня замечательный характер. А вас я очень люблю.

“В 1981 году она создала театр «Сфера». Его появление стало событием. Маме это стоило огромных сил, нервов, слез, крови. Конечно, она много выстрадала. Папа ее всячески поддерживал и помогал. Можно сказать, у мамы был один-единственный ребенок, единственный сын — это я, но у нее еще была любимая дочь, и имя ее — «Сфера»

И первые постановки режиссера Еланской на сценах московских театров были замечательными! Но постепенно маме наскучило в традиционном театре. Она стала искать естественную сферу существования актеров и зрителей в едином энергетическом поле. Собрала группу актеров, и они играли в музеях, в старинных залах, в музыкальной школе. Потом мама стала работать в Литературном театре ВТО. Наконец, ею целиком овладела идея создания театра «Сфера», где актеры и зрители находятся в едином пространстве, где они не разделены «четвертой стеной», где зрители чувствуют себя участниками происходящего.

В 1981 году она создала театр «Сфера». Его появление стало событием. Маме это стоило огромных сил, нервов, слез, крови. Конечно, она много выстрадала. Папа ее всячески поддерживал и помогал. Мож-

но сказать, у мамы был один-единственный ребенок, единственный сын — это я, но у нее еще была любимая дочь, и имя ее — «Сфера». Все свое сердце, весь талант, всю неистовую энергию, любовь и страсть она отдала ей, своей «Сфере». Не каждому режиссеру удается создать Свой театр. Маме это удалось.

Летом 2013 года мамы не стало, а два года спустя ушел из жизни папа. Теперь в парке «Дружба» мы посадили липовую аллею Екатерины Еланской. А затем вишневый сад Виктора Ивановича Коршунова. Когда мы сажали наш сад, прошел дождь. А потом вдруг вышло солнце и на небе — честное слово! — загорелись две радуги.

Александр Коршунов
Народный артист РФ, главный режиссер театра «Сфера»,
профессор ВТУ им. Щепкина

ЮРИЙ ЛОБИКОВ

Фото на семейного архива

Меня знают как Визбора-младшего

Музыка в моей жизни появилась с двух сторон из двух возможных. И по маминой линии — от дедушки Юрия Визбора и бабушки Ады Якушевой, и по папиной — от прадедушки, руководителя ансамбля самых разных инструментов, которые часто он сам и мастерил.

Кстати, однажды в МХТ ко мне подошел сотрудник театра и спросил: — Вы Лобиков?

Оказывается, когда-то давно на сцене МХАТа каким-то образом выступал Владимир Николаевич Лобиков, тот самый прадед. Вот такой я получил привет. Но все же наш разговор о маме.

Поскольку я родился в семье знаменитого барда, это во многом предопределило мой путь. От папы я узнал, кто такие Deep Purple и Led

Zepplin, от мамы — Стиви Уандер (которого очень любил дед Визбор) и Майкл Джексон. Последний — важная для меня фигура: еще в бессознательном детстве я пытался ему танцевально и голосово подражать, держа в руках маленькую гитару без струн.

Родители много работали, и я проводил время в детском саду-пятинеднеке от маминой работы на «Радио России». Воспоминания — самые светлые. Когда родители приезжали среди недели, мама привозила мне какой-нибудь напевчик. Однажды она привезла Can Touch This рэпера MC Hummer — это надолго стало моим внутренним детсадовским хитом. Так что музыкальное наполнение, музыкальный контекст детства связаны с мамой, а папа помогал в техническом плане. Например, 14 лет назад он купил синтезатор, на котором мы недавно отыграли на Пушкинской площади «Левый концерт» в рамках Дня города. На таком же синтезаторе играл когда-то Scooter, то есть это крутой антиквариат — Roland XP.

Благодаря папе в доме появилось и пианино. Мама не принуждала меня, не усаживала за инструмент, а на занятиях с учителями я в основном тупо «слизывал с руки», не читая нот — это изрядно их раздражало. Та же история повторилась с гитарой. В общем, КПД я выдавал неважнецкий. Но когда все учителя от меня отказались, я вдруг начал петь в школьных походах у костров. Пел то, что нравилось мне самому, но бардовскую песню не трогал — упорно не верил в то, что современных людей могут интересовать эти песни. А сейчас радуюсь и удивляюсь, когда мои плюс-минус-ровесники знают и любят какие-нибудь такие «костровые» песни.

Постепенно от походов я перебрался к маме в аккомпаниаторы: в восьмидесятых она выступала с Адой Якушевой, своей мамой. Варя, моя сестра, тоже потихоньку в этом участвовала. И идея поступать в театральный возникла у меня именно после какого-то загородного концерта. Родителям я об этом не сказал.

ФОТО: ВЕСЕЛОВОГО-ЛЮБИНА

▲ Ада Якушева и Татьяна Визбор – бабушка и мама Юрия Лобикова

Зато Варя должна была узнать одной из первых, поскольку была там уже магистранткой и членом приемной комиссии. И несмотря на родственные связи, на которые я, грешным делом, надеялся, дальше третьего тура меня не пустили.

А потом вдруг появился шанс стать студентом у Кирилла Серебренникова в Школе-студии МХАТ. И когда мама об этом узнала, она единственная из семьи поддержала меня:

– Такой режиссер, такой шанс!

Она у меня заядлая театралка,

видела все спектакли «Седьмой студии» и во многих других театрах бывает. Ее мнение справедливо и аргументированно, но она всегда с радостью относится к результатам творчества, она антикритик от природы. Поэтому понять, что именно ей не понравилось, очень тяжело.

Но если я что-то делаю, то, как правило, сначала показываю это маме — она всегда рядом и у нее стабильный живой интерес к моему творчеству. Так что мама, получается, мой number one цензор и number one fan.

Мама работает на радио. К ней в студию приходят разные гости. И однажды (о, ужас!) была программа со мной и Варей. Еще бабушка позвонила в эфир — вот было позорище! Своячок. Разве что мантра «один раз не контрабас» нас извиняет.

Бывают люди, имеющие способность периодически притворяться стеной. Выглядит это, надо сказать, отвратительно. Мама никогда

такого не делала, она всегда готова к разговору. «Люди-стены» — это страшная вещь и, мне кажется, одна из бед века: человек от неспособности продолжать диалог просто надевает маску I'm cool и перестает быть живым в полном смысле слова, он как будто изнутри наполняется каким-то пенобетоном, раздувается и застывает. А у мамы просто нет железы, которая выделяет этот пенобетон. Надеюсь, в этом плане я буду похож на нее.

Если бы не она, музыкантом я бы не стал. Ведь папа видел меня исключительно как «серьезного человека», и таким образом я чуть

“*Бывают люди, имеющие способность периодически притворяться стеной. Выглядит это, надо сказать, отвратительно. Мама никогда такого не делала, она всегда готова к разговору*”

было не попал в Финансовую академию. В последнее время он вроде смирился, что сын избрал путь музыки как «серьезный», а мама всегда придерживалась философии не мешать мне развиваться. Она как русло реки — направляла поток туда, куда его потянут силы природы. Даже мои первые неуклюжие песенки она одобряла и искренне принимала.

Со временем мама стала чем-то неувлимо походить на своего отца, но она никогда не транслировала культ Юрия Визбора. Культ ей не нужен: ее отец и так всегда с ней. И со мной. И другая фамилия этому не помеха — просто в нашей части света детям принято давать фамилию отца. Сестра Варя к совершеннолетию стала Визбор — это ее дело, мне это не нужно. Но тем не менее в некоторых кругах меня знают исключительно как Юру Визбора-младшего. Началось это в 1996 году с вечера памяти Юрия Визбора в ГЦКЗ «Россия». Восемилетний, я символично

Фото из семейного архива

▲ *«Со временем мама стала чем-то неуловимо походить на своего отца»*

спел песню деда «Я когда-то состарюсь», прямо на сцене мне торжественно вручили новую гитару — после таких вещей уже трудно доказать людям, что у тебя другая фамилия.

После этого в ближайшем выпуске «Комсомольской правды» в рубрике «Люди, которые нас удивили» рядом с заметками про Александра Лукашенко и Виктора Оношко поместили и мою фотографию. Я после непродолжительного раздумья подошел к маме и спросил:

— А сколько людей было в зале?

Мама сказала:

— Тысяч шесть.

— А какой тираж у газеты? — не отставал я.

— Миллионы.

И тогда я в полной мере раскрыл свои амбиции:

— Мам, а я ведь такой же популярный, как Майкл Джексон?

Вот такой вопрос меня занимал в детстве. Теперь я понимаю, что известность — это побочный продукт. Помню фразу деда, которую мне передала последняя его жена и моя крестная, Нина Филимоновна:

— Вершина славы — пустыня Гоби.

Важна не известность, а то, своим ли путем ты идешь. И за свое нынешнее музыкальное местонахождение на этом пути я благодарен композитору Александру Платоновичу Маноцкову. Я бы назвал то, чем

он занимался с нашим курсом в Школе-студии, музыкальной философией. До этого опыта я шел в музыке абсолютно на ощупь. Он открыл мне глаза — теперь я хотя бы понимаю, что передо мной бездна интересного. Без знаний и умений, данных Маноцковым, на оперу «Охота на Снарка» я бы точно не отважился. Кстати, после ее премьеры мама перечислила мне почти все мои детские мотивчики, которые я там использовал. Так что мама сквозь время продолжает не мешать и поддерживать — это прекрасно.

Юрий Лобиков

Актер, музыкант, композитор

Фото: Александр Морозов

**ИРИНА
МАЗУРКЕВИЧ**

Ирина Мазуркевич

Мама посылкой отправляла мне торт

Моя мама Нина Кузьминична Силина родом из глухой белорусской деревни Нижев в Гомельской области. Настолько глухой, что ее мама (бабушка Мотя) была неграмотная до конца жизни. Мама родилась в 1928 году, в школу ходила за много километров пешком. Каждый день туда и обратно. Никакого транспорта. Но мама не жаловалась.

У нее характер всегда был деятельный, боевой — привыкла все делать сама. Ей ведь по окончании школы предлагали остаться в селе: можно было жить и работать. Но она уехала в Мозырь, поступила в педагогическое училище. Работала пионервожатой, была заводилой, а потом поступила в пединститут на вечернее отделение. С папой они познакомились на комсомольской конференции. Мама стояла на

посту у знамени, папа ее заметил, а когда она вернулась в зал, сел позади нее и, заигрывая, подергивал за косички. А поскольку мама всегда пользовалась успехом у мужского пола, то папу несколько парней с курса собирались побить, но потом пожалели — поняли, что он действительно влюблен.

Он не терял маму из виду, даже когда учился в фельдшерско-акушерской школе и позже, когда служил на флоте. Была у них горячая переписка — дошло до того, что папа из своего пайка стал откладывать мыло, одеколон и сахар, чтобы отправить своей возлюбленной. А однажды он приехал на побывку, взял маму за руку и предложил расписаться. И все бы хорошо, но в те времена заявление о бракосочетании следовало подавать заранее, а ждать так долго родители не могли. Тогда мама обратилась к своей ученице, у которой отец работал начальником милиции. Он помог им «обойти» порядок, и совсем скоро мои родители, обреченные и счастливые, вышли из загса.

На улице они захотели полюбоваться штампами в паспортах. Папа взял свой документ и с удивлением прочитал: «Брак с гражданкой Силиной расторгнут». Пришлось бежать обратно в загс — просить, чтобы исправили ошибку. С этого курьеза началась их семейная жизнь. Правда, папа вернулся на флот, но служба, к счастью, продлилась недолго. Дело в том, что он вылечил какого-то крупного начальника, и папу демобилизовали на год раньше. К маме он вернулся «сюрпризом» — пришел на комсомольскую конференцию, незаметно сел в последнем ряду и попросил, чтобы депутату Силиной передали записку. Спустя мгновение она развернула листочек и прочла: «Я вернулся». Это был счастливый момент в ее жизни! С тех пор они не расставались.

Папа, любивший скрупулезность и точность во всем, приносил зарплату домой со словами:

— Вот я получил сегодня 48 рублей 64 копейки. 36 копеек потратил на продукты.

И это не потому, что мама требовала отчетности, а просто для папы такое поведение было естественным. Все деньги семьи хранились в одном месте, и никаких записок и угаиваний не было никогда. Также потом было и в моей семье с Равиковичем.

Мама заканчивала пединститут, будучи на восьмом месяце беременности. Я первенец. У меня два младших брата потом появились. Так вот, мама сшила себе юбку с запахом, которую можно было увеличивать по мере роста живота, и так ходила на госэкзамены и защиту диплома. Удобство состояло в том, что запах позволял оголить под столом ногу, на которой были написаны шпаргалки. На этот мамин трюк смотрели сквозь пальцы, потому что студентка была хорошая, обаятельная, к тому же — в положении.

В те времена — а это был 1958 год — женщины после рождения ребенка должны были выходить на работу через 56 дней. Мама работала в школе-интернате, и мне взяли няню, которая прожила с нами два года. Для меня делалось все. Тогда ведь не было никаких книжек с подсказками, детей растили по наитию. Мы жили в коммунальной квартире (комната 18 метров), рядом с нами еще две семьи. И родители грели воду на плите, чтобы меня искупать, но если я в это время уже спала, то они ждали, когда я проснусь. Но проспав я могла и до трех часов ночи, а им утром на работу. Но они все равно ждали и снова грели воду вместо того, чтобы разбудить меня. Жалели.

А чего стоит зимняя история, когда мама, бегая по морозу из школы домой, заработала мастит. Ее оперировали, а когда она бежала на очередную перевязку, поскользнулась и сломала руку. Представляете, грудничка кормить, пеленать, купать, стирать и гладить пеленки с одной рукой!

Но вдруг совершенно неожиданно выход был найден. Смех сквозь слезы! Папе, который к этому времени работал прорабом на стройке, уронили на ногу двухсоткилограммовую бетонную плиту. Сломан

Фото из семейного архива

▲ «У нее характер всегда был деятельный»

большой палец. Гипс, больничный. Зато — помощь маме на дому! И чтобы пролонгировать этот больничный, пока мама не вылечится, он периодически постукивал молоточком по гипсу. Палец заживал долго, зато я росла в окружении своих любимых родителей.

В этой 18-метровой комнате в 1961 году появился мой брат Витя, потом в деревне умер дедушка, и бабушку Мотю тоже забрали к нам. Стало нас пятеро, и родителям предложили — либо двухкомнатную квартиру в нашем же доме, либо взять половину щитового финского домика — три комнаты с кухней, но с паровым отоплением на угле. Они выбрали

домик. Зимой надо было все время подбрасывать в топку уголь, чтобы вода в батареях была горячая. Мама ночью бормотала сквозь сон:

— Степа, иди пошевели уголь...

Теперь я знаю, что это такое, столкнувшись с подобной ситуацией на даче. Папа выбрал жизнь в этом домике, потому что рядом был кусочек земли, где можно было выращивать овощи, цветы. Любовь к земле, к разведению цветов у меня вот оттуда.

Впрочем, вернемся к комнате в коммуналке. Наша ребячья жизнь проходила во дворе. Никто не боялся выпускать детей во двор, только кричали потом из окошек:

— Ира, обедать! Маша, иди уроки делать!

Я в пять лет ходила одна на рынок за творогом, а это было неблизко, и дороги надо было переходить. Дом наш был сталинской постройки, 18-квартирный, все — коммуналки, поэтому детей было очень много. И мама организовывала нашу дворовую жизнь, занималась с нами художественной самодеятельностью, устраивала концерты. Даже когда мы переехали, я туда приходила играть к своим подругам. Мы поддерживаем дружеские связи до сих пор, несмотря на то, что многие живут теперь в других странах.

Сейчас я понимаю, что родители совершали ежедневный подвиг, чтобы растить нас троих, кормить семью. В магазинах Мозыря не было ведь ни-че-го. Все пусто. Где доставали продукты — загадка. Помню, мама делала очень вкусные пельмени, и когда шел этот процесс — крутить пельмени — я всегда сидела рядом, и по одному — сырыми! — забрасывала себе в рот. Сейчас это представить себе невозможно. Именно в это время — за производством пельменей — мы с мамой общались, она рассказывала истории из своей жизни, я делилась своими проблемами. Это были те немногие часы общения, потому что — сколько я себя помню — родители все время работали. Я никогда не видела их праздными, лежащими на диване.

Мама много лет работала в школе-интернате, и когда дежурила, часто брала меня с собой на ночь. Есть фотография, где я в этом интернате на концерте читаю стихи на фоне портрета Ленина. Потом мама стала работать завучем младших классов в школе № 4, где училась я, преподавала русский и литературу моим подружкам из параллельного класса. А поскольку я была отличницей, она доверяла мне проверять тетрадки, и я, бывало, исправляла синей ручкой ошибки друзей, чтобы оценка была повыше.

В Мозыре в те годы открылось музыкальное училище, и родители, вышедшие из глухих деревень, представляли себе мое счастливое буду-

▲ На сцене Ирина Мазуркевич — с ранних лет

щее примерно так: я, ухоженная, в аккуратном костюмчике и с прической, за пианино. Не надо «пахать», а вот только сиди и по клавишам пальцами води. Верх благополучия в их представлении! И хотя я музшколу тихо не любила, музыкальное образование мне потом в жизни помогло. И когда я училась в театральном училище, и когда запела на экране. Мама все делала правильно, выбирая за меня, чем заниматься.

Но мое решение ехать с группой подружек поступать в Горьковское театральное училище было воспринято родителями с недоумением. Они ведь понятия не имели, что я, например, записывалась в драмкружок, откуда по-

сле первого же сбора коллектива ушла, потому что роль Женьки из «Тимура и его команды», на которую меня назначили вместе с другой девочкой, дали в этот день читать именно этой девочке, а не мне. Мне сразу стало неинтересно! Так вот, мама предложила мне позвать кого-нибудь из учителей, чтобы они послушали, как я читаю стихи и могли претендовать на поступление в артистки. Но я отказалась, все решила делать сама (мамина черта). Наверное, родители могли запретить уезжать, ведь мне в июне и пятнадцати не исполнилось. Но они этого не сделали: знали, что я ответственный человек. Дважды в месяц мне присылали по 15 рублей переводом — немаленькие деньги, между

прочим, если учесть, что еще два младших брата оставались дома, и их тоже надо было выучить, поднять.

Семья моя в то время уже перебралась в Минск (папу перевели), и мама высылала мне оттуда посылки с едой. Ведь в Горьком не было ничего в магазинах, только кости, на которых можно было сварить хоть какой-то бульончик. Мама пекла мой любимый торт-сметанник, запаковывала в посылку и — на почту. Удивительное дело — качество продуктов было такое, и почта работала так, что торт приходил ко мне в прекрасном состоянии, без всяких консервантов, и я его еще потом несколько дней ела. Когда я начала еще студенткой сниматься в кино, стало полегче, ведь мой съемочный день стоил 10 рублей.

Сейчас я понимаю, что мама в моем выборе профессии увидела, наверное, свою нереализованную мечту об актерстве. Она ведь прекрасно поет, глубоким, красивым грудным голосом, от природы поставленным контральто. Хор при мозырском Доме культуры, где она пела, был знаменитый. Они даже на смотре в Москве на ВДНХ выступали, мама и сейчас вспоминает об этом с гордостью. Они до сих пор с соседками-подружками собираются на вечерний чай и поют. Если бы у меня был ее голос! Когда я уже стала сниматься в кино, когда получила приглашение в ленинградский театр, мама переживала, что у меня не такая фамилия, как у нее. И просила всегда:

— Ты уж, когда в интервью говоришь про маму, называй мою фамилию — Силина.

Ей всегда хотелось мной гордиться, чтобы все знакомые знали, что я ее дочка.

Ирина Мазуркевич

*Народная артистка РФ, актриса Санкт-Петербургского
Театра комедии им. Акимова*

Фотс: Анатолий Морозкин

Мое самоедство — от мамы

Мои детские впечатления — достаточно отрывочные, эпизодические, они не складываются в целостную картину. Безмятежного детства у меня не было, потому что оно пришлось на военное и послевоенное время, хотя я и не понимала в полной мере всей ситуации, в которой мы пребывали вместе со всей страной. Когда мы вернулись из эвакуации, то в наших Снегирях под Москвой застали абсолютно сгоревшую дачу (одна только труба не сгорела, потому что была каменная). Все в этих местах было сожжено войной, там шли страшные бои, там же погибли двадцать восемь панфиловцев.

Мама решила построить дачу заново. Пока строился каменный дом (лет двенадцать), из американских щитов и деревянных ящиков сколотили времянку, в которой все жили. Она до сих пор существует. Жили просто на грани нищеты. Если я вырастала из сандалий (а это

случалось каждый год), мне просто вырезали дырку для пальцев, если школьный фартук становился короток, мне просто надшивали лямки, и таким образом он удлинялся. Никаких обновок.

Мама привезла из Астрахани свою тетку, я ее называла баба Каля. Все хозяйство баба Каля держала в своих руках, и это был пример героического трудового подвига. На маму баба Каля просто молилась, а нас всех гоняла. В одной комнатухе с печкой и терраской жили бабушка, я, двоюродные сестра и брат, француженка Марианна Францевна и Клава, помогавшая нам по хозяйству. Мама приезжала на дачу редко, лишь посмотреть на меня, привозила коробку с нежным зефиром, и все затихало, разглядывая маму во все глаза. Для нее в этом «курятнике» (временной сторожке) не оставалось места, да и некогда, надо было зарабатывать деньги на строительство.

В детстве я видела маму на сцене всего два раза: в роли Весны в опере «Снегурочка», (она была прекрасна, именно весна, тут уж ничего не скажешь), и в спектакле «Майская ночь», который шел в филиале Большого театра (сейчас это — Театр оперетты). Мама считала, что ребенка нельзя перегружать эмоциями, чужими впечатлениями. Один раз меня повели на «Синюю птицу», но когда на сцену вышел «Огонь», мне сделалось дурно, я закричала:

— Огонь, огонь, горим! — и меня вывели из зала.

Мама была совершенно самостоятельным человеком, она с детства так привыкла, потому как рано поняла, что вся ее семья может надеяться только на нее, девятилетнего ребенка. Петь мама начала в астраханском церковном хоре. И даже получала зарплату, помогая своей большой осиротевшей без отца семье. Потом мама поступила в музыкальное училище, пела в опере и довольно рано вышла замуж за Максимилиана Карловича Максакова — знаменитого баритона и антрепренера. Они прожили вместе шестнадцать лет и очень любили друг друга, несмотря на огромную разницу в возрасте. Он называл

▲ Народная артистка СССР Мария Максакова — прима Большого театра

маму Мура, был ее учителем, строгим и беспощадным. На мамином столе всегда стоял перекидной календарь со списком дел и забот на каждый день. Разбирая мамины бумаги, я нашла листок из такого календаря, в день смерти Максима Карловича карандашом была сделана одна неровная строчка: «Умер мой дорогой...»

Наш дом был строго управляемый и настроенный, как единый оркестр. Дом наполняли женские персонажи, то есть это был дом без мужчин и дом людей пожилых. Мужчины казались мне инопланетянами, во всяком случае, людьми из какой-то другой жизни. Мама была воспитана в патриархальном духе, и меня никуда не пускали, ко мне домой тоже никто не приходил, я жила в мире взрослых и

общалась в основном с бабушкой. Воспитывали меня крайне странно, литературно, ориентировались на «Войну и мир» Толстого, и также странно, никак не соотносясь с современным миром, одевали. Из высоких побуждений меня не пускали ни в кино, ни в театры, стараясь оградить от дурного. Приоритетами были музыка и иностранные языки.

Отдали меня учиться в ЦМШ (Центральную музыкальную школу) по классу виолончели, и я была абсолютно погружена в учебу, в эту атмосферу. Мама никогда не ходила в школу, не спрашивала, как я учусь,

ничем со мной не занималась, не проверяла уроки, считала, что я все должна делать сама. Меня сразу отдали во второй класс, первый класс я прошла дома. У мамы была своя точка зрения:

— Нельзя отнимать у ребенка детство, — но все это было далеко от жизни.

В школе я оказалась абсолютно белой вороной и не смогла найти общего языка со своими сверстниками, которые подружились еще в первом классе. Единственным моим другом оставалась книга, всю русскую литературу я знала наизусть. Это книжное восприятие мира отозвалось романтически: однажды (мне было тогда 17 лет) на экране нашего малюсенького телевизора с огромной линзой я увидела красивого молодого человека в черном бархатном костюме, читающего что-то по-французски. Шла передача из Щукинского училища, и Василий Лановой просто показывал учебный отрывок. Этого оказалось достаточно, чтобы я отправилась туда, ничего не зная ни о Вахтангове, ни о его театре.

Когда я поступала в театральное училище, боялась, что, не дай Бог, узнают о том, что моя мама — известная певица. Все надо было завоевывать самостоятельно. Мама отнеслась к моему шагу сдержанно, лишь решила посоветоваться с Цецилией Львовной Мансуровой, стоит ли мне поступать, есть ли данные? Но тут выяснилось, что меня, оказывается, уже приняли в училище. С той поры меня больше дома не видели, я возвращалась домой поздно ночью, беря пример с мамы, подражая ее безоглядному служению искусству.

Когда меня приняли в Театр им. Вахтангова, она не пропускала почти ни одного спектакля, этот язык, в отличие от бытового языка, ей был понятен и интересен. Сохранились мамины рецензии на все мои спектакли. Мама покупала программку и на ней всегда писала замечания — как, по ее мнению, прошел спектакль, чем один спектакль отличался от другого. Она относилась к моему драматическому спектаклю

как к своему оперному, то есть считала каждый спектакль событием, считала, что этому надо посвятить свою жизнь. У нее всегда была завышенная планка, и мое самоедство — от мамы: внутри всегда сидит самокритичный человек, который говорит: все, что ты делаешь, это только стремление к совершенству, оно еще очень далеко впереди. К обыкновенным людям мама всегда была снисходительна, но к творческим у нее были высокие требования.

Мама себя полностью посвятила искусству. И я запомнила только, что она была безмерно знаменита и любима. Она уверилась, что все люди могут и должны сами взлететь. Наверно, так оно и есть, только не каждому дается так себя проявить. Вся наша жизнь протекала вне маминого присутствия, а когда мама приезжала — это был небожитель. Ее приезды — редкость, праздники, счастье. И всем было понятно, что она — человек другого, не нашего мира, нездешняя, сказочная фея. Граница, отделяющая ее от мира, была столь ощутимой, что никто и никогда не смел нарушить ее. Лишь музыке она поверяла свое сокровенное. Все романсы в исполнении мамы звучали как исповедь.

Я ведь так до сих пор не знаю, кто мой отец. После того, как ее второго мужа, дипломата Якова Давтяна расстреляли, она всю жизнь провела замкнуто, в молчании и недоговоренностях. Пережив такое страшное время, все старались говорить на нейтральные темы, и откровенности никакой не было.

С мамой я общалась редко, помню лишь одну прогулку, когда мы вышли в соседний переулок, и мама стала играть со мной в какую-то игру.

— Вот сейчас мы с тобой пойдем и попадем в пещеру...

Она стала мне рассказывать какую-то сказку, мы тихонько, на цыпочках идем, идем, открываем дверь, а оттуда вдруг выходит какой-то господин в шляпе и радостно восклицает:

— Марья Петровна, здравствуйте, какими судьбами?!

Раньше все друг друга знали, он и решил, что она просто идет к кому-то в гости. Москва была не такой, как сейчас, сейчас с этим покончено: москвичей практически не встретишь, особенно в центре. Наш дом в Брюсовом переулке, построенный специально для артистов Большого театра в 1935 году, с годами стал мемориальным. Голованов, Нежданова, Катульская, Козловский, Обухова, Шадр — все были соседями. Почти рядом — дом артистов Художественного театра, где жили Москвин, Качалов, Леонидов, потом по улице — дом композиторов, дом, где жил Мейерхольд...

Наша квартира была заполнена книгами. Мама очень любила Пушкина, Толстого, Диккенса, которого часто перечитывала, приговаривая:

— Какая прелесть эти диккенсовские тетушки!

Завтрак и обед всегда проходили в столовой за большим овальным столом, покрытым белой кружевной скатертью, но еда была простой: кофе с молоком, бутерброд с сыром. Когда мама возвращалась домой, она первым делом бросалась к радиорозетке и выдергивала шнур (телевизора у нас не было), потом отключала телефон и уходила к себе. Она не терпела шума. Единственное, что она любила: часы. В столовой стояли напольные часы с маятником. К нам раз в неделю приходил часовщик Исаак Исаакович и заводил эти часы (надо было поднимать гири маятника). Были куранты, которые стояли на шкафу и каждые пятнадцать минут отбивали коротенькую мелодию. Были разные часы и часики на столе и подоконнике от больших каретных до малюсеньких, с наперсток, все они ходили, тикали и отбивали, вероятно, это как-то маму успокаивало.

В маминой комнате стоял большой шкаф красного дерева, в котором было много запретного и чудесного. На полках — идеально выглаженное белье, накрахмаленные платочки, невероятно изящные сумочки ручной работы и мешочки с воротничками. Воротнички всех фасонов и размеров, белые, бисерные, кружевные. Мама одевалась строго и продуманно: туфли и сумка всегда одного тона и стиля, обяза-

тельно шляпка и перчатки. У мамы была своя портниха, бывшая балерина. Платье не шилось, не кроилось, а накалывалось по фигуре. Нужно было иметь мамино терпение, чтобы стоять по два-три часа живым манекеном, держать прямо спину и не жаловаться на усталость. Помоему, у этой портнихи мама осталась единственной клиенткой. Платьев и костюмов было немного, но зато постоянно добавлялись новые детали (воротнички и отвороты), и мама всегда выглядела изящно и по-новому. Прямая спина, гордо посаженная голова, «летающая» походка — над этим она работала всегда.

Как земную женщину, представить мою маму невозможно! Сегодняшнее лекало к ней не приставить. Это особенный человек. Она была скрытной вполне сознательно. Она хотела остаться в памяти актрисой и певицей, и все. Никаких обсуждений.

В 1953 году случилась огромная неприятность: маме прислали конверт с папиросной бумагой следующего содержания: «С такого-то числа такого-то месяца сего года вы переводитесь на пенсию...» А маме был всего пятьдесят один год! Вот это был удар, это был кошмар! Она прослужила 35 лет в Большом театре, отдав все силы, всю душу.

Были еще живы принципы Станиславского и Немировича-Данченко, они существовали не только в драматических, но и оперных театрах, это было какое-то духовное наставление: как вести себя в искусстве. Это действительно было служение, так жили абсолютно все великие артисты Большого. Тогда был железный занавес, никто никуда не уезжал, все лучшие силы находились здесь, и был золотой век Большого театра. У нас в квартире на стене всегда висела афиша с грифом «Большой ордена Ленина академический театр Советского Союза», которая все определяла, и в день спектакля все ходили на цыпочках, комната была закрыта, окно зашторено, спектакль был центральным событием жизни. Вся театральная Москва рвалась на спектакли, билетов было не достать, после спектакля маму встречали толпы поклонников, а я спала

Фото из семейного архива

и только на следующий день видела квартиру, заставленную корзинами с цветами. Утро начиналось с благоговейной тишины, затем душ и зарядка, даже когда маме было за семьдесят. Мы существовали в разных «часовых поясах»: мама спала до двенадцати, потому что ее спектакли начинались в восемь вечера и заканчивались в полночь, а потом еще шел разбор, подробный анализ каждой фразы, каждой ноты с близкими друзьями и сестрой. Маму больше всего волновал звук. Безупречному звуку посвящалось 3–4 часа каждое утро.

У мамы было такое выражение:

— Надо разобрать событие, успокоиться и поставить точку.

Видимо, она именно так решила поставить точку: преодолела себя, встала и отправилась в череду изнурительных долгих поездок. Конечно, они доставляли ей огромную радость. После того как она стала петь русские народные песни с оркестром Осипова, она вошла в любой дом с помощью черной тарелки. Тогда ведь телевидения не было, только радио, зато оно было повсеместно, и передавали ее часто. «Концерт по заявкам» слушала вся страна, и когда люди воочию видели ту самую Максакову, которую слышали по радио — «Помню, я еще молодухой была...» или «Что ты жадно глядишь на дорогу...», — встречали ее с восторгом. Она была действительно народной артисткой.

▲ «Она навсегда осталась для меня блоковской «Незнакомкой»»

Пока маме не исполнилось шестьдесят три года, я ее практически дома не видела. Она разъезжала по стране с гастрольями, а мне только шли телеграммы, письма и записочки из Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Норильска, Ташкента. То есть присутствовала вся география Советского Союза. В год она пела около ста пятидесяти концертов.

Когда мама закончила свою гастрольную деятельность, она какое-то время преподавала в ГИТИСе на отделении музыкальной комедии и организовала народную певческую школу. Она была человеком, живущим для других. Она жила для русского народа, для Родины, для Отечества. Тогда ведь были народные школы, народные университеты, всех хоте-

“Когда меня приняли в Театр им. Вахтангова, она не пропускала ни одного спектакля, этот язык, в отличие от бытового языка, ей был понятен и интересен. Мама покупала программку и на ней всегда писала замечания — как, по ее мнению, прошел спектакль, чем один спектакль отличался от другого

ли обучить, образовать, а поскольку мама сама прошла через тяжелое детство, она это не воспринимала как какую-то позу или моду, она действительно искренне была убеждена, что людям из народа, неспособным организовать свое музыкальное обучение, надо всячески помогать. Мама была человеком идеи. Как и многие педагоги того времени, мама с ученицами занималась дома. У нас жил Тобик, крохотный коричневый тойтерьер, который во время занятий лежал на подстилке под батареей. Когда он слышал неверные ноты, то поднимал недовольную мордочку и шел, стуча коготками по паркету. Открывал дверь и, выходя, закрывал ее лапками. Мама подшучивала:

— Даже собака не выдержала такого пения...

Через три года после того, как маму перевели на пенсию, состоялся ее прощальный спектакль «Кармен». Мама долго сомневалась, петь или не петь, хотя и была в прекрасной форме: трудно было переступить порог театра, который ее так больно ударил. Она долго думала, но решила все же попрощаться со своей публикой. Я ходила на тот спектакль: уже от Центрального телеграфа спрашивали лишние билеты, это было событие, у сквера Большого театра собралась огромная толпа, люди волновались:

— Максакова поет, Максакова поет...

Мы с маминной сестрой еле пробрались к театру. Когда мама вышла на сцену, начались овации, весь зал встал, это длилось минут десять, и я не знаю, как она потом смогла запеть.

Лет через десять позвонила Фурцева, сказала, что маме присвоили звание народной артистки СССР. Я тут же перезвонила маме. На даче у нас не было телефона, он стоял только в сторожке. Я попросила позвать маму, за ней сбегали, позвали, кричу в трубку:

— Мама! Позвонила Екатерина Алексеевна! Тебе дали звание народной СССР!

А мама мне спокойно отвечает:

— Людочка, это все поздно. Поздно и неинтересно...

Она была больше, чем народная. Она была любимая.

Марии Петровне Максаковой приходили мешки писем. Иногда вечером я заставляла ее за таким занятием: перед ней стояла корзина и мешок с письмами, а она ножницами отрезала боковую сторону конверта, аккуратно вынимала письмо, читала, а потом надписывала конверт: «ответила», «сохранить», «помочь» и т.д. Такой удивительный у нее был характер. Ни одно письмо не оставалось без ответа, ни один человек — без внимания. Ее воспринимали как родственницу, как близкого человека, ведь она была вхожа благодаря радио в каждый

дом, ведь она не просто пела, а открывала сердце, то было сердечное пение, а не просто классическое оперное. К ней часто шли ходоки, все больше старушки и старички, в основном астраханские земляки. Это была одна из главных тем маминной жизни: помогать своим землякам.

Мама родилась в Астрахани, считала себя волжанкой. У нее были особые словечки: чердак — «подловка», пойти на улицу — «выйти на волю», баклажаны — «синенькие» и так далее. Мама всю жизнь была предана родному городу. И это была взаимная любовь. Она без конца хлопотала о филармонии, разыскивала таланты, например, привезла в Москву Тамару Милашкину. Она в Астрахани — национальная героиня. Сегодня в городе есть улица Марии Максаковой, на которой выстроили совершенно необыкновенный, весь какой-то ажурный оперный театр. Концертный зал филармонии тоже носит имя Максаковой, перед концертным залом — Звезда Максаковой. Ее внучка и моя дочь Маша организовала в Астрахани фонд им. Максаковой, который устраивает конкурсы, помогает малышам, юным дарованиям.

Мама всегда была неприступной, недоступной. Она навсегда осталась для меня блоковской «Незнакомкой». Мамино наследие — письма, записочки, ее дневник, который она начала вести незадолго до моего рождения — с каждым годом становятся для меня все ценнее. Мама подарила мне высокую интонацию, и я не хочу понижать этот порог. Мама ушла с ощущением выполненного долга и не зря прожитой жизни. Мама пыталась втолковать мне самое существенное — необходимость вопреки всем приговорам судьбы «нести свой крест и верить». Я всю жизнь благодарна ей за эти уроки.

Людмила Максакова

Народная артистка РФ, актриса Театра им. Вахтангова

ЮЛИЯ
МЕНЬШОВА

Юлия Меньшова

Мои дети называют ее Верой

Одно из первых воспоминаний о маме: мы жили рядом со «Щербаковской» (ныне станция метро «Алексеевская»), мама выходит из подъезда и бежит на работу, а я стою на подоконнике и смотрю ей вслед. С раннего детства я уже знала, что моя мама актриса. У нее по тридцать спектаклей в месяц плюс репетиции. Такой летящей она мне и запомнилась.

Перед выходом на сцену ее облачали в какие-то невероятные костюмы, делали удивительные прически, и не было никого прекраснее на свете. Поэтому я обожала, когда мама брала меня с собой на спектакли: сидела в гримерке и тихонечко наблюдала за ней, ощущая свою причастность к спектаклю. Я знала наизусть все ее роли. И однажды произошел такой случай: шел спектакль «Шоколадный солдатик», на

котором ее партнер (актер Агрий Аугшккап) забыл текст, а я сидела в ложе и подсказывала слова. Но вместо благодарности меня тут же вывели из зала, а потом и мама сказала мне, что так в театре себя не ведут. А откуда мне знать, я ведь была всего-навсего пятилетним несмышленьким.

С тех пор мама строго обучала меня правилам поведения в театре. Например, ни в коем случае нельзя проходить через сцену, когда собирают декорации, и это было не только заботой обо мне, как о ребенке, на которого что-то может упасть, но и о монтировщиках, чтобы не мешать им и не заставлять их нервничать. Это — уважение к чужой работе.

Еще правило: знакомые и родственники артиста не должны сидеть ближе восьмого ряда, потому что это может выбить из колеи (до седьмого ряда хватает софитов, чтобы со сцены разглядеть лицо). Нельзя также заходить к актерам в антракте и говорить что-то о спектакле — не важно, хорошее или плохое, — потому что это сбивает настрой. После окончания спектакля тоже нужно выдержать время, чтобы дать возможность актеру прийти в себя, разгримироваться, переодеться. А то некоторые разгоряченные зрители приходят поделиться своей радостью, и актеры вынуждены принимать поздравления, даже если закованы в корсет или на них жаркий парик. Вообще, внутренняя зона театра — запретная. Кулисы — святая святых, там артисты могут ходить в халатах и домашних тапочках, изнанку театральной жизни никому не нужно видеть, это разрушает некую тайну театра.

Один из любимых моих спектаклей в детстве — «Квадратура круга». Во-первых, мама там выступала в острохарактерной роли и была не похожа на своих привычных романтических героинь. А во-вторых, по ходу действия мамина героиня Милочка все время кормила своего мужа, предлагая ему, в том числе, стакан молока и кусок черного хлеба на блюдечке. Артист этого никогда не ел, поэтому в антракте мне

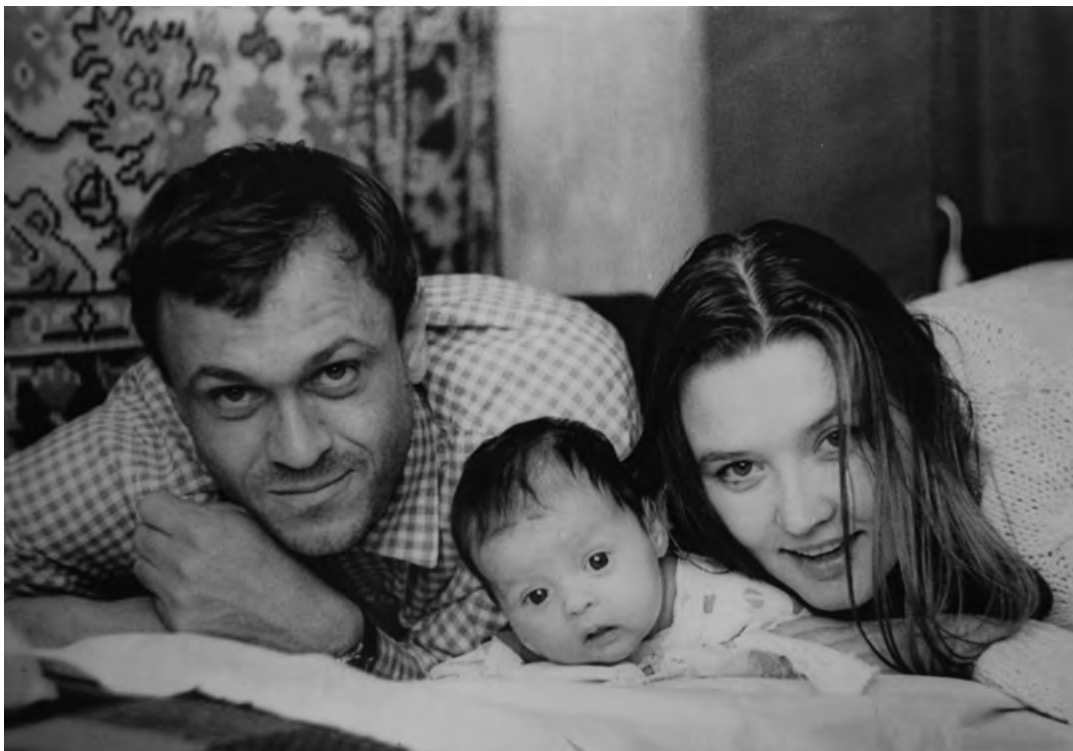

фото из семейного архива

▲ Родители познакомились и поженились еще в институте.
На фото: Владимир Меньшов, Юлия Меньшова и Вера Алентова

разрешали пройти на сцену (занавес закрыт), подойти к старинному буфету и перекусить. Ничего вкуснее в жизни не ела! Особенный восторг у меня вызывало то, что это — не просто еда, а театральный реквизит.

Правила поведения касались и нашей семьи. Например, с раннего детства мама привила мне уважение к бабушке. Она ведь прожила очень тяжелую жизнь (на ее долю пришлось и революция, и голод, и война, к тому же бабушка рано потеряла мужа), поэтому мы старались дать ей как можно больше тепла.

Бабушка была актрисой, мама пошла по ее стопам. Но судьба бабушки на театральных подмостках не складывалась, поскольку в годы вой-

фото из семейного архива

ны ей пришлось искать другую работу, чтобы кормить себя и ребенка. Она ведь родила мою маму в северном городе Котласе, под Архангельском, в самый разгар войны, потом семья переехала в Архангельск. Там не было бомбежек и взрывов, но был страшный голод, и ребенок рос болезненный.

Из-за войны и жуткого быта отношения между ними были строгими. Северные люди в принципе более прямолинейные, спокойные, вдумчивые. Например, когда мама в четырехлетнем возрасте заболела малярией и бабушка, уходя на спектакль, оставляла ей хинин (очень горькую, противную гадость), мама послушно выпивала лекарство. Она и в последующие годы старалась ничем ее не огорчать.

А еще маленькая мама очень боялась мышей, которых в домах той поры было немало. Бабушка учила, что когда мышка придет, нужно топнуть ногой, она испугается и убежит. Мама топала ножкой, но мышь, прекрасно понимая, что силы не равны и девочка ее боится, нагло оставалась на месте. В отсутствие бабушки, мышь чувствовала себя хозяйкой, ела, что хотела, не видя для себя никакой угрозы. Но мама не жаловалась, хотя мышей ужасно боялась.

Несмотря на то, что мама очень красива и могла бы кружить голову многим мужчинам, она по природе своей однолюб. И для меня не удивительно, что в этом году мама с папой отмечают пятьдесят лет совместной жизни.

Они познакомились и поженились еще в институте. Свадьба была скромнейшая, денег не было никаких, расписались в своей обычной одежде. В загсе был накрыт столик (конфеты и шампанское) и работал фотограф. Родители понимали, что со стола ничего не возьмут и фотографии заказывать не будут, но когда они обменялись одним-единственным кольцом, ради которого переплавили старинную бабушкину брошку, то работник загса, не понимая деликатности положения, лихо разлил по бокалам шампанское. Тут-то они поняли, что им «кранты», поскольку платить нечем. Но, слава Богу, деньги нашлись у свидетеля, и он оплатил злосчастную бутылку. А дальше всем курсом гуляли в общаге (стол накрыли вскладчину).

Позже родители помогли молодоженам снять комнату, и мама стала наводить уют. У нас и по нынешний день в доме вся забота о семейном очаге лежит на маме. Из нее получился бы отличный дизайнер, поскольку украшать жилье — ее любимое занятие.

Однажды в магазине она попросила взвесить двести граммов мяса с косточкой. Мясник с трудом изловчился и рубанул. Потом в пятилитровой кастрюле, которую им подарили на свадьбу, мама умудрилась сварить из этой косточки щи, и папа ел каждые полчаса, но не мог на-

Фото из семейного архива

▲ *«Мы долгое время жили крайне скромно»*

сытиться. Стало понятно, что мама не сильна в кулинарии. Это легко объяснить, ведь все свое детство она с бабушкой скиталась по углам, часто без кухонь, и питалась в столовых.

В результате готовить в нашей семье стал папа. Так они распределили обязанности. Причем папе это доставляет удовольствия не меньше, чем снимать кино. Например, он прекрасно готовит плов в казане, уху, борщи, котлеты. Главное, чтоб еды хватило надолго, поскольку каждый день стоять у плиты нет времени.

Мы долгое время жили крайне скромно, иногда даже на грани бедности. Когда к фильму «Москва слезам не верит» пришел успех, мама

начала ездить за рубеж и получать «суточные». Поездки за рубеж в капстраны — в советские времена чудо небывалое. «Суточные» ни в коем случае никем не проедались, их копили, стараясь привезти близким и родным подарки. Все что мама доставала по приезде из чемодана, начиная с круглых разноцветных жвачек, заложенных в прозрачную трубочку-тросточку, пахучих ластиков и кончая ручками с плавающими внутри фигурками, было ослепительным фейерверком. Мои дети не могут представить, какое это счастье, ведь сегодня подобные мелочи — на каждом шагу.

“Мои дети называют маму Верой. Я еще не знаю, как меня будут называть внуки, но понимаю, что слово «бабушка» мне не нравится. Говорят «бабушка» — и сразу представляешь старушку в очках и платочке. Возможно, поэтому многие женщины его избегают

А один подарок мне запомнился особенно: мама привезла из Франции лифчик, на котором было написано pour les débutants (для дебютанток). В девять моих лет лифчик, скажем прямо, был еще совершенно не нужен, но в таком возрасте важна иллюзия. Ничего более крутого, чем такой подарок для девочки, в те годы у нас, представить было невозможно. Я не знала, как дожить до утра: первым уроком в тот день была физкультура. Я всю ночь представляла, как надену его, а потом в раздевалке так небрежно сниму школьную форму и начну медленно надевать физкультурную, и все девчонки онемеют. Так оно и было, один в один.

И вот что интересно, моей дочери сейчас десять лет, захожу недавно в магазин и вижу: висят комплекты девчачьего белья, кружевные, нарядные. И я вдруг вспомнила тот свой восторг и немедленно купила

подарок своему ребенку. Удивительно, но на нее это произвело такое же неизгладимое впечатление. Казалось бы, сейчас все есть, но это сочетание возраста и собственного комплекта нижнего белья (не купальника!) дало тот же эффект. Моя Тася пошла на физкультуру, и история повторилась. Я подумала, что, если бы мама мне не сделала в детстве такой подарок, возможно, сегодня я бы не обратила внимания на эту продукцию, которая детям вроде бы ни к чему. Порыв купить эту вещь, безусловно, был связан с той детской радостью, которую мне доставила мама.

Мои дети называют маму Верой. Я еще не знаю, как меня будут называть внуки, но понимаю, что слово «бабушка» мне не нравится. Говорят «бабушка» — и сразу представляешь старушку в очках и платочке. Возможно, поэтому многие женщины его избегают.

Мама внуков видит редко, так что никаких нотаций им не читает, но очень за них беспокоится. Она вообще такая тревожная, так волнуется и переживает, что иногда я думаю даже какую-то часть промежуточной информации лучше ей не говорить, потому что она себя измучает. Я понимаю это, потому что тоже унаследовала от нее повышенную тревожность. И тоже часто бегаю по потолку, терзая себя кошмарными фантазиями, если ребенок задерживается или не берет трубку.

Мы с мамой однажды обсуждали эту тему. Я у нее ее спросила:

— Ну понятно, сейчас дети маленькие и потому я схожу с ума, но вот когда я выросла и стала жить самостоятельно, ты же успокоилась насчет меня, да?

Но мама сказала:

— Знаешь, я тебя не утешу, это — навсегда!

Юлия Меньшова,
Актриса, телеведущая, продюсер

Фото из семейного архива

ОКСАНА МЫСИНА

Оксана Мысина

Она была командиром

Если пользоваться музыкальными терминами, то моя мама Лидия — абсолютная доминанта. Доминанта — это сильный аккорд, двигатель музыкальной мысли. По характеру она тоже такая — яркая, меняющая вокруг себя настроение. Она излучала кипучие заряды и, думаю, не случайно стала физиком. Ее юмор бывал перченым. Она не боялась острых углов ни в речи, ни в поступках.

В юности поспорила, что переплывет Днепр. И переплыла. А на пенсии удивляла моих друзей тем, что бегала, как на работу, в тренажерный зал, при том что перенесла операцию на открытом сердце. Но и операция стала поводом для резвости, ведь оперировал ее не кто-нибудь, а сам синьор Рипоссини, крутой итальянский кардиолог, который к тому же играет джаз и пишет стихи. Да еще под самый Новый год, когда только такие, как моя маман, рвутся на операционный стол!

И в результате Лидочка написала развеселую книжку под названием «Реанимация», где главными героями стали ее кумиры Ельцин и Гайдар и где она сама вела политические диспуты со своими соседями в палате реанимации. Но это пересказывать бесполезно, нужно читать!

С папой они поженились на третьем курсе горного института в Днепропетровске. А познакомились, когда маме было... 6 лет. Уже тогда она была лидером своего двора. Капитаном футбольной команды, вратарем. А мой будущий папа Анатолий жил в соседнем дворе и был у нее в команде рядовым.

Потом прошли годы. Они вместе окончили Днепропетровский горный институт и отправились осваивать Донбасс. Там маман с головой окунулась в работу сейсмоакустической лаборатории, а папа стал горным инженером на шахте. Родители работали дни и ночи, но думали о нас непрерывно.

Из московских командировок мама привозила пластинки. Мы обожали концерты Ойстрахов. Помню, как, потрясенная их игрой, сестра однажды спросила:

— Мама, а где моя скрипка?

Скрипка появилась, и Марина стала ездить в музыкальную школу в ближайший к нам город Енакиево. Два часа туда, два часа обратно.

А еще у нас дома собирались молодые ученые — читали стихи, танцевали рок-н-ролл, слушали джаз, пили шампанское. Мама была душой компании и много лет спустя написала о том времени повесть «Недоучки». Эти «недоучки» познакомили маму с импрессионистами, и она в них просто влюбилась. Вешала над нашими с Мариной кроватками репродукции картин. Меняла их каждую неделю. Так она открывала для нас мир искусства. Причем делала это совершенно естественно.

У мамы всегда были свои способы воспитания. Когда я училась в школе, она заявила, что каждое задание я должна делать за полчаса и ни секундой больше. Сколько успела — столько успела. И ставила

передо мной будильник. В первых классах все шло прекрасно — я была отличницей, но вдруг в четвертом классе, уже в Москве, математичка вызвала маму в школу.

— Ваша дочь тупая. Она совершенно не понимает математику, — заявила учительница с порога.

Мама была потрясена:

— Моя дочь — и тупая? Никогда не говорите про мою дочь таких слов!

“У нас дома собирались молодые ученые — читали стихи, танцевали рок-н-ролл, слушали джаз, пили шампанское. Мама была душой компании и много лет спустя написала о том времени повесть «Недоучки»

Я стояла за дверью и слышала, как меня защищает моя мамочка. Она выходит, берет меня за руку, и мы с ней убегаем от этой страшной училки. Приходим домой. Она садится и спрашивает:

— Что ты не можешь понять? Сейчас мы с тобой быстро разберемся.

А я не могла понять, какой знак означает «больше», а какой «меньше». Она стала мне объяснять, но через полчаса не выдержала и закричала:

— Боже, учительница права!

И в этот момент от досады я все поняла.

Однажды преподаватель по скрипке сказал моей сестре:

— Передай маме, что таких талантливых учеников у меня в жизни не было. Тебя надо срочно везти в Москву.

Надо знать мою маму. В Москву так в Москву. У нас в Донбассе был большой дом с садом из роз, машина «Волга» и два мотоцикла с гара-

▲ Оксана Мысина — поющая с детства

жом. Все это родители оставили нашей любимой няне, которая к тому времени вышла замуж и родила детей. А мы отправились в Москву и стали снимать квартиру в Новогиреево. Маму сразу же пригласили в Институт физики Земли. Она уже была кандидатом наук — самой молодой женщиной, имевшей в те годы ученую степень. Папа тоже занялся наукой, хотя раньше считал, что это ему абсолютно несвойственно. Он был гениальным инженером на шахте, и шахтеры его очень любили.

В ту пору мама уже трудилась над докторской диссертацией. Но произошел ужасный случай — ее научный руководитель, профессор, в приступе ревности ударил

жену, но не рассчитал свои силы, и от полученной травмы она скончалась. Весь институт ополчился против него, а он был выдающимся ученым, невероятно талантливым человеком. И мама оказалась единственной, кто встал на его защиту. В суде она выступала на его стороне и говорила, что надо понять: с прекрасным человеком случилась трагедия — это не было преднамеренным убийством. После этого ей в институте сказали:

— Лидия Григорьевна, можете не заканчивать диссертацию.

Так завершилась ее научная карьера.

Фото из семейного архива

▲ «С папой они поженились на третьем курсе и не расставались всю жизнь»

Потом у них с папой началась новая жизнь: они занялись бизнесом. Мама открыла небольшой магазинчик, а папа изображал ее телохранителя. Они стали путешествовать. Посмотрели Европу. Но чаще всего бывали в Испании, где живет моя сестра. Она играет в прекрасных оркестрах. Сын ее Иван Якут (он, кстати, внук великого актера Всеволода Семеновича Якута), тоже музыкант.

К окончанию школы я твердо знала, что хочу стать актрисой. Мама возражала:

— Занимайся музыкой. Ты пока не сформировалась, еще не знаешь, что с собой делать. Потом разберешься.

Я маме всегда доверяла — она была командиром. Но тут настояла на своем. Тогда мама заявила:

— Иди к Цареву!

Честно говоря, я не хотела поступать в Щепкинское училище. Плакала, говорила, что там, наверное, ретрограды, они меня не поймут: я же по природе авангардистка. Мама твердила:

— Успеешь со своим авангардизмом. Получи сначала классическую школу.

И я поступила в Щепкинское.

Все важные события в моей жизни происходили с одобрения мамы. Когда мы начали встречаться с Джоном, она сразу почувствовала, что такого со мной никогда еще не было. Впервые в жизни стала расспрашивать меня, и я призналась, что в моей жизни появился такой необыкновенный человек. Инопланетянин. Она сразу же сказала:

— Я всегда знала, твой человек именно инопланетянин. Уже когда кормила тебя грудью под открытым небом и изучала астрологию. Срочно вези его к нам знакомиться.

И немедленно отдала приказ папе:

— Сейчас же езжай за Джоном!

Джона до этого она не видела, но он сразу же стал «нашим мальчиком».

Как-то у нас был один неприятный случай: Джона неожиданно посадили в черную машину и отвезли в КГБ. Сказали, что есть претензии по поводу его пребывания в нашей стране. Мама в это время была на работе. Мы с папой немедленно отправились к ней. У мамы на рабочем столе лежали книги Джона, газеты с его статьями. Она взяла все это, и мы поехали в ОВИР. У кабинета сидело множество людей в ожидании приема, но моя бесстрашная и решительная мама ногой открыла дверь и спросила:

— Где мой сын? Куда вы дели Джона? Немедленно отвечайте.

Ей ответили:

— Во-первых, он вам не сын, Лидия Григорьевна, а зять.

— Это не ваше дело. Где наш мальчик? Ни одной волосинки не упадет с его головы. Если вы думаете, что вас здесь кто-нибудь боится, то вы глубоко ошибаетесь.

Через пять минут нам сообщили, что Джона уже отпустили, он вышел и сидит возле дома на стопке книг, которые купил в ближайшем магазине, потому что я забрала ключи. Когда мы приехали, Джон действительно сидел на стопке книг и читал.

Мама, конечно, всегда смотрела мои спектакли. Некоторые обожала и принимала, а некоторые — нет. Своего мнения никогда не скрывала. Например, после премьеры «Дорогой Елены Сергеевны» пришла в гримерку, демонстративно бросила цветы в урну и сказала:

— Еще один день в этом театре, и ты мне больше не дочь.

Я на месяц ушла из дома. Потом мама приходила на этот спектакль несколько раз. Не могу сказать, что она его полюбила, но все-таки приняла.

Оксана Мысина

Актриса, певица

Фотс Анастасий Морозов

Мы с мамой – подруги

Первое воспоминание о маме связано со съемками кинокартины. Мне был всего год. Это был фильм Алова и Наумова «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Меня, малышку, бабушка принесла к родителям на площадку. Все говорят, что я этого помнить не могу, но у меня полное ощущение, что помню: снимали сцену гадания Неле, маму с развевающимися волосами и огромный ветродуй.

Кино с раннего детства вошло в мою жизнь. Потому что мама и папа — это кино круглые сутки! Бесконечные обсуждения, бесконечные выдумки. И если родители пришли со съемки, то постоянно говорят о том, как это было и что будет завтра. Даже больше скажу: если мы едем куда-то отдыхать, то у нас идет выбор природы и обсуждение, что там будет происходить. В таком мире я выросла. До какого-то момента мне вообще казалось, что другого мира просто не существует. Только когда

в школу пошла, я поняла, что разные люди по-разному живут.

Я же с младенчества на съемочной площадке. Я всегда приходила к маме на съемки в фильмах отца, но не только. Помню съемки «Принцессы цирка» у Светланы Дружининой: там мамуля была в потрясающих нарядах, невероятно красивая, с разными прическами. Меня, маленькую девочку, это невероятно восхищало — очень красивая и всегда разная мама.

А когда мне было пять лет, я снялась в картине «Тегеран-43», где играла мамину героиню Мари в детстве. Наверно, это было мое первое ощущение взрослости. Понимание, что все это очень серьезно и нельзя подвести. Там по сюжету девочка спит в антикварной лавке, и врываются грабители, которые стреляют. За меня,

конечно, все волновались, потому что там была настоящая пиротехника. Помню, пахло серой и от грохота уши закладывало. Но мне не делали поблажек, и было чувство, что вот это и есть взрослая жизнь.

А потом были роли в фильме «Берег», «Законный брак», где я снималась, будучи девочкой. И уже повзрослев, окончив ВГИК (мастерскую Армена Джигарханяна и Альберта Филозова), я снялась в главной роли в фильме «Белый праздник» по сценарию выдающе-

гося итальянского драматурга Тонино Гуэрры в паре с великим Иннокентием Смоктуновским, я играла его дочь. А мама сыграла жену героя Смоктуновского, невероятно ранимую, с надломленной судьбой, понимающую, что прощается с мужем навсегда, дошедшую до полного отчаяния женщину. Это одна из лучших маминых ролей, на мой взгляд.

“Когда мне было пять лет, я снялась в картине «Тегеран-43», где играла мамину героиню Мари в детстве. Наверно, это было мое первое ощущение взрослости. Понимание, что все это очень серьезно и нельзя подвести

Съемочный день длится 12 часов, мама полностью погружается в работу. У нее вообще принцип: она никогда не ест на съемке. Она считает, что это расхолаживает, а нужна полная концентрация. И такое отношение к профессии, как к самому важному в жизни, было и остается у нее всегда. Она очень самоотверженная актриса. В дальнейшем я была свидетелем и даже участником многих событий, когда мама, можно сказать, рисковала здоровьем во время работы.

Когда снимался фильм «Десять лет без права переписки», мама в платице с открытой спиной играла певичку Нинку. По сценарию ее героиню забывает герой Бориса Щербакова на крыше дома правительства. И как всегда бывает в кино, летние сцены доснимают зимой, был жуткий мороз и шел снег. На нее между дублями набрасывали какие-то тулупы, чтобы согреть, а потом опять — в кадр. Для мамы главное, чтобы все получилось как надо, и она стойко без единой жалобы несколько часов отснялась на морозе.

► *«Мы с мамой — очень близкие люди, подруги. И так было всегда»*

Потом, когда я стала режиссером и сама сняла несколько фильмов, я поняла, как это ценно в актере. И, конечно, во всех моих художественных фильмах снималась мама.

В моей первой картине «Год Лошади — созвездие Скорпиона» она играла в тандеме с Иваром Калныньшем и с прекрасным серым в яблоках конем. Это история бывшей цирковой наездницы, которая понимает, что конь, с которым она всю жизнь выступала, уже стар и его сдадут на мясо. Она его крадет из цирка, чтобы спасти, и уходит с ним в город, в никуда.

А в последний съемочный день у нас произошла неприятная история. Наш смелый и отважный конь за время съемок очень подружился с мамой, они прекрасно общались. В каких только ситуациях они не оказывались, даже ехали в трамвае, поднимались на третий этаж в квартиру, он ей бесконечно доверял и любил. Но вдруг, как нам потом объяснили, он приревновал маму к Ивару.

Мы снимаем счастливый финал картины — героиня Белохвостиковой и герой Калныньша наконец встречаются. Снимаем общий план: вот стоит мама, герои машут друг другу. Это происходило на Яузе, а там булыжная мостовая. Мы стоим далеко, и вдруг я из-за камеры вижу, что конь хватается маму за плечо, толкает ее, и она летит под копыта. Мы все бежим к ней. Слава Богу, конь не наступил на нее. Но мама встает и говорит:

— Все хорошо, ничего страшного.

А у нас впереди еще 12 часов съемок! Я говорю:

— Мамульчик, давай на всякий случай к врачу съездим, ты же ушиблась!

— Нет-нет, все прекрасно, будем работать.

фото из семейного архива

И она настояла на своем. Мы снимали целый день, а потом ей пришлось долго лечиться, потому что оказалось, что травма была серьезная. Я потом ругала и себя, и ее. Но вот такое у нее невероятное отношение к делу, которое превалирует над всем! Она очень часто идет наперекор всему, чтобы достичь результата. Для актрисы это, конечно, здорово, но я считаю, что нет ничего важнее здоровья.

Но на этом история не закончилась. И ее продолжение — важное дополнение к характеру моей мамы. После съемок фильма, пока мама лечила спину после падения, мы на время упустили из виду судьбу коня. А через некоторое время — месяца через полтора решили его повидать, потому что привыкли к нему и уже заскучали, несмотря на его ревнивую выходку. Ведь он стал за время работы для нас родным, несмотря ни на что. И мы с мамой попросили директора картины связаться с его хозяйкой и узнать, как он поживает. Выяснилось, что у его хозяйки возникли проблемы и коня у нее отобрали. Мы с мамой стали этого коня искать. А когда нашли, были в шоке. Он был исхудавшим и измученным, над ним издевались его новые владельцы. В итоге мы этого коня выкупили, и это теперь мамин конь, белый красавчик с большими ресницами. С тех пор он живет в конюшне на ипподроме на Беговой. На бегах, конечно, не выступает, просто живет там, гуляет и ждет нас, а мы его навещаем с гостинцами — с яблоками и морковкой. Когда мы к нему приезжаем, мама всегда его обнимает, говорит, что от него она заряжается энергией. Он ее все время облизывает, это было и на съемках, есть и сейчас. Продюсер спрашивал, чем вы мажете Белохвостикову, почему он ее все время лижет. Ответ прост — это любовь.

Мы с мамой — очень близкие люди, подруги. И так было всегда. Но в режиссуру она никогда не вмешивается, она полностью погружается в свою роль и даже не любит, когда приходится одновременно сниматься в нескольких картинах. Если она погружается в какой-то материал, то как бы вся им пропитывается.

Но при том что мама всегда так погружена в работу, в роли, она никогда не забывает о доме и семье. Она потрясающе готовит! Вкуснейшие блюда! Например, запекает индейку с брусничным вареньем, готовит тоненькие блинчики, делает очень вкусные пельмени. Сейчас, конечно, нечасто — времени не всегда хватает. Но даже если она что-то делает на скорую руку, то все у нее как-то вкусно получается.

Я с раннего детства помню ощущение: где мама, там — дом. Она как солнышко. От нее такое тепло идет! Она вокруг себя может создать какую-то невероятно комфортную ауру, уютную. Для нее очень важна семья, ощущение какой-то особой атмосферы дома.

Даже когда я была еще маленькая и часто оставалась с бабушкой, когда мама уезжала на съемки, у меня никогда не было чувства оторванности, потому что мы постоянно созванивались. То есть ощущение присутствия какого-то мамино тепла меня никогда не покидало.

Когда мама сама была маленькая, бабушка с дедушкой уехали работать в Швецию на несколько лет, и у мамули была возможность их видеть только в каникулы. И зная по собственному опыту, как это тяжело для ребенка, она все силы прикладывала к тому, чтобы у меня не было этого чувства оторванности. Таких долгих командировок, как у ее родителей, у мамы, конечно, не было, но бывали экспедиции на две-три недели, а то и на месяц. Но мы постоянно созванивались. У нас вообще такая «телефонная» семья. Еще до того, как появились все эти мобильные, мы всегда, каждый день, в какой бы части мира ни оказывались, все время друг с другом на связи. Не бывает дня, чтобы мы не разговаривали.

А еще мама потрясающе вяжет! Когда я была маленькая, она для меня вязала детские пальто — с капюшончиками, с помпончиками! Настоящие произведения искусства! Я, к сожалению, этот талант от нее не унаследовала. А мамаина мама, Антонина Романовна, совершенно замечательно шила. Это были советские годы, когда купить что-то красивое было трудно. И хотя дедушка был послем, и они ча-

фото из семейного архива

▲ *«При том что мама всегда так погружена в работу, в роли, она никогда не забывает о доме и семье»*

сто жили за границей, когда была возможность, бабушка покупала очень много тканей и шила даже вечерние платья невероятной красоты! Они до сих пор есть у нас. Бабушка сама придумывала фасоны. Сейчас, наверное, была бы модельером. Однажды, когда мама в Америке на премьере фильма была одета в одно из этих платьев, к ней подошла женщина и спросила:

— Где вы купили такое платье? Дайте мне контакты этого модельера!

А мама не шьет, но зато вяжет. Одна я в этой области от клана отбилась. Нужно и мне срочно начинать!

Мама — нежный, мягкий, улыбкачливый человек, но если дело касается чего-то принципиального, она всегда будет действовать в соответствии с тем, что ей велит душа. Вот такой характер. А папа — это наш локомотив и фейерверк.

Он очень энергичный, активный, взрывной. Совсем другой тип характера. Поэтому они с мамой успешно дополняют друг друга.

Одно удовольствие наблюдать за тем, как мама с папой обсуждают сценарии, как пишут вместе книгу. Одна книжка уже лет десять назад

вышла, называется «В кадре». А сейчас они готовят вторую часть, потому что в первую много чего не вошло. У родителей замечательный союз — им все время интересно друг с другом, они все время что-то обсуждают. И все время происходит какое-то сочинение того, что будет происходить дальше. Нет, это не «бытовые люди». Невозможно себе представить, чтоб они тихо-спокойно поехали на море и полежали на пляже. Это не про нашу семью. Обязательно у нас будет с собой камера, и мы будем постоянно снимать. И папа, и я, и мама, и мой муж Алекс (сценарист и актер), и мой младший брат Кирилл.

Как-то меня как актрису пригласили провести фестиваль «Взрослые — детям». Кстати, президентом этого фестиваля был Пьер Ришар. Это был 1997 год. И мне предложили вместе с профессиональными монтажерами смонтировать материал про фестиваль. В общем, так одно за другим и пошло. Однажды я встретила Аллу Ильиничну Сурикову, бывшую папину ученицу, и рассказала ей о своем новом увлечении, а она меня позвала к себе — учиться на Высших режиссерских курсах. И с этого началась моя режиссерская история.

Наталья Наумова
Кинорежиссер, актриса

Фото: Анатолий Марьянин

СВЕТЛАНА НЕМОЛЯЕВА

Светлана Немоляева

У меня были «двойки» по всем предметам

Без улыбки о маме вспоминать нельзя, хотя она была дама меланхоличная. Могла очень долго страдать, переживать, уходить в себя. Этакая бомба замедленного действия. У нее был острый ироничный ум и очень своеобразные взгляды на жизнь. Например, могла заявить:

— Зачем я буду заниматься воспитанием Коли и Светы, если сам Толстой утверждал, что дети должны расти, как в поле трава.

Мы так и росли. Брали мамины бутерброды и спускались во двор. Время было трудное, послевоенное, но бутерброды мы ели с красной икрой. Как ни странно, тогда она стоила столько же, сколько и сыр — 29 копеек за сто граммов и была вполне доступна. А вот за мукой выстраивались длинные очереди и приходилось записывать номер на

ладошке. Стояли поочередно всей семьей: бабушка, мама, мы с братом и папа. С отцом я была в детстве очень близка, а потом в моей жизни произошел какой-то перевертыш, и мама стала мне ближе, у нас обнаружилось очень много общего. Я любила наблюдать за родителями, и когда, уже будучи актрисой, стала играть в театре, то комедийные образы брала от папы, а драматические — от мамы.

Мама рано осталась без своего отца (он, талантливый художник, умер от скоротечной чахотки). И воспитывал ее второй муж бабушки Николай Федорович Седых. В прошлом офицер царской армии, горный инженер, получивший образование в Сорбонне и Лейпцигском университете, он в совершенстве знал несколько иностранных языков. Бабушка тоже владела французским и английским, а вот маме языки не дались. Зато обожала она музыку и, узнав, что из-за дворянского происхождения не может учиться в университете, особенно не страдала, а поступила на музыкальный рабфак. Там она училась вместе с Николаем Крюковым, ставшим впоследствии известным композитором. Они с мамой продолжали общаться, и он часто бывал у нас в доме, как и другие замечательные люди, с которыми дружили мои родители: Михаил Жаров, Людмила Целиковская, Вера Орлова, Всеволод Пудовкин и его жена Анна Николаевна. А самой близкой маминей подругой стала Марина Ладынина. С ней мама дружила всю жизнь. Даже один из Новых годов мы встречали все вместе: Саша (Александр Лазарев. — *Ред.*), я, папа, мама и Марина Алексеевна.

Ладынина шила у мамы какие-то вещи, платья. Мама ведь прекрасно шила и в свое время даже брала уроки кроя у знаменитой Надежды Ламановой. И когда «Мосфильм» эвакуировали в Алма-Ату, мама, работая на студии звукооформителем, подрабатывала в свободное время шитьем. И это ее спасало. Я, например, очень хорошо помню, как Марина Алексеевна в благодарность за обновления приносила нам хлеб и цветной сахар: желтый, зеленый, розовый. И это было счастье. Мы же

голодали, как и все. Нам выдавали какие-то пайки, но этого не хватало. Я постоянно хотела есть и была для мамы просто мучительницей. Брат Колька от слабости засыпал, а я ждала маминого возвращения, и как только она появлялась, бросалась к ней со словами:

— Мама, дай мне хлеба.

Ей было тяжело это слышать и она, приходя со студии, до ночи играла с хозяйским Рексом, надеясь, что я засну. А я не спала и ждала ее. Вот такой был ужас.

“Эта сумасшедшая любовь к животным стала для нее истинным наказанием: когда пропал ее любимчик Джибсик, она настолько сильно переживала, что слегла в больницу

Швейное дело выручало нас и после войны. В магазинах тогда был жуткий дефицит, и купить что-то приличное было невозможно, а я была та еще кокетка, и мне очень хотелось пофорсить в красивой одежде. И мама шила для меня все наряды, которые сидели на мне просто превосходно. Но несмотря на потрясающий крой, у мамы порой не хватало терпения на техническую работу. Она могла оставить платье с булавками, наметкой белыми нитками, не подшитое. Это становилось предметом домашних шуток.

Нас с братом она никогда не наказывала. Даже когда в четвертом классе мне в табеле поставили «двойки» по всем предметам, она жалела и утешала:

— Топочка, нашла из-за чего расстраиваться! Жизнь не кончается. Ничего страшного.

Я, откровенно говоря, своим учителям должна поставить памятник за то, что они позволили мне окончить школу. Потому что училась

фото из семейного архива

▲ Мама Светланы Немольевой обожала прогулки. В этой коляске будущая народная артистка исколесила половину Москвы

я отвратительно. Единственными предметами, которые я знала, были литература и русский язык, писала без ошибок, потому что читала все ночи напролет. Но в точных науках совершенно ничего не понимала. И мама не ругала меня за это, не заставляла зубрить, не мучила меня. В этом отношении она была грандиозная женщина. Она не могла даже как следует отругать своих детей, потому что очень нас любила. Когда я сломала руку на физкультуре

мама очень страдала вместе со мной. Не отходила от меня. Боль была такая сильная, до сих пор помню. А маме, кажется, было еще больнее, глядя на меня.

Однажды я услышала, как мама с бабушкой обсуждают какой-то ужасный яд под названием «каустик». Говорили, что купили целую бутылку этого очень нужного в хозяйстве яда и что теперь надо спрятать бутылку подальше от детей, чтобы не отравились. Я решила сыграть на этом, пришла в школу и возле дверей класса сделала вид, будто бы грохнулась в обморок. Пролежала весь урок, а когда все вышли и увидели меня, то я приоткрыла один глаз и сказала: «Я выпила каустик и теперь умираю».

Меня тут же потащили к врачам. И хотя я говорила, что пошутила, никто мне уже не верил и заставляли выпить восемь пиал воды.

Впрочем, актерские замашки проступали еще не раз. Так, например, перед поступлением в театральный я бесконечно повторяла: «Если провалю экзамены, то ищите мой труп в Москве-реке». И бабуш-

Фото из семейного архива

▲ «Родители души не чаяли в нашем Шурике»

ка восприняла эту угрозу всерьез. В день испытаний она пошла вместе со мной. На всякий случай.

Мама безумно любила собак. И когда она умерла (а мы похоронили ее вместе с папой), все кладбищенские собаки, которых она подкармливала, когда мы навещали папу, понеслись на ее могилу и легли там.

Эта сумасшедшая любовь к животным стала для нее истинным наказанием: когда пропал ее любимчик Джибсик, она настолько

сильно переживала, что слегла в больницу. Я, опасаясь за мамино здоровье, даже ругала ее, говорила, что так нельзя.

Но исправить маму было невозможно. Все у нее было чрезмерно. И невероятная любовь к собакам лишь одно из звеньев этой цепи.

Когда мой папа ушел из жизни, все стало очень страшно. Мама заявила, что не знает, как дальше жить без него. Я надеялась, что она с этим как-то справится, но, увы, ничего не помогло. Она абсолютно утратила интерес к жизни и просто угасла в короткое время.

Светлана Немоляева

Народная артистка РФ, актриса Театра им. Маяковского

Фото: Анатолий Морозов

Родители для меня одно целое

В детстве я очень мало видел своих родителей. Да и во взрослой жизни тоже... Когда был маленький, они постоянно были на гастролях, а я с бабушкой рос. Приезжали они на месяц-два в году, и общение получалось «конвульсивно-интенсивное». Я так понимаю, что они хотели как-то компенсировать свое долгое отсутствие...

Папа к моему воспитанию вообще «никак не приближался». Это была не его тема — воспитывать кого-то, а мама старалась вникать в разные вопросы — в учебу, в мое поведение в школе, чего, на мой взгляд, делать было не нужно. Но тем не менее... Она бывала в эти моменты достаточно строгой. Внешне, по крайней мере. И если я получал какие-то подзатыльники или по заднице, то только от мамы. Папа от «всего этого» был далек.

А мама, когда бывала в Москве, даже иногда посещала родительские собрания в школе, ни здоровья, ни оптимизма это ей не прибавляло. Но, тем не менее, отношений между нами это все равно не портило. На словах она могла быть строгой и «дидактичной», но то огромное количество любви, причем, не до конца высказанной, я всегда ощущал. И, собственно, это мне и помогало мое «сиротство» переживать. У меня не было ощущения обездоленности, что рядом нет родителей. Они всегда были рядом — в силу этой любви. Маминой, прежде всего, ну и отцовской, естественно.

Когда они стали жить в Москве более или менее постоянно, то я уже жил своей, отдельной жизнью. Так что снова было некоторое «несовпадение». Поэтому вместо первых ярких впечатлений есть воспоминание о какой-то безграничной любви ко мне, о нежности, о сочувствии. Наверное, в какой-то мере, у родителей было чувство вины передо мной, но с этим ничего нельзя было поделать...

Когда они работали в Москве, я регулярно бывал в цирке. Раз в два дня — точно. После школы просто садился на троллейбус и приезжал сюда. Но желания вовлечь меня в профессию у них не было. Вернее, может, желание и было, но оно никогда не высказывалось, потому что никто никогда на меня не давил. Даже такого не было: «А не попробовать ли? Не подумать ли тебе?»

Наверное, даже подсознательно они считали, что я должен сам свой путь выбрать. Так оно и получилось в конце концов. Я вернулся в цирк — не потому, что меня в этом кто-то убеждал или заставлял, просто так жизнь сложилась.

Моя мама ведь тоже никогда не думала, что будет работать в цирке, даже когда вышла замуж за отца. Она училась в «Тимирязевке» на факультете декоративного цветоводства, а тогдашний министр сельского хозяйства товарищ Лысенко решил, что все это никому не нужно, и факультет упразднил. И мама осталась не удел, потому что другие сельскохозяйственные направления ее не интересовали. И так

Фото из семейного архива

сложилось, что вскоре папе понадобился в номер ассистент. Даже не ассистент, а персонаж в клоунаду — мальчик, а мама была худенькая, с короткой стрижкой. Так что в жизни часто цепочка плетется порой из звеньев очень случайных. Просто вдруг совпадает одно с другим...

У нас в семье было не богемно, и в тусовках, как сейчас говорят, мои родители не участвовали. Хотя, когда они бывали в Москве, я помню, что у нас всегда собирались люди. Мы тогда жили в замечательной коммуналке в арбатских переулках. И когда они вечером после спектакля приезжали, к ним приходили их коллеги, друзья, знакомые. Я прекрасно помню этих замечательных людей. Это сейчас мы их имена с придыханием произносим, а тогда мы с двоюродным братом были маленькие, и для нас это были дяди и тети. Дядя Женя Евтушенко, тетя Белла Ахмадулина, дядя Булат Окуджава, дядя Витя Некрасов... Они пели, говорили, спорили, читали стихи, пили... Они все были так увлечены общением друг с другом, что о нас, детях, периодически забывали, и можно было допоздна не ложиться спать! Это были еще шестидесятые годы, оттепель, совсем другой настрой... Поэтому, когда мне говорят, что я — «семидесятник», я отвечаю, что скорее, «шестидесятник». Я родом оттуда.

Отец был «коммуникативной» стороной семьи, а мама и бабушка «держали» дом. Маму я сначала называл «мама», а когда вырос, стал называть Таней. Не знаю, почему, но как-то так само собой сложилось, когда мне было уже лет 25. А отца я называл «Ю.В.», его все так называли. Это Алексей Герман придумал на съемках фильма «Двадцать дней без войны». Его и до сих пор так все в цирке называют.

Летом с родителями, конечно, удавалось побольше пообщаться. Обычно они работали «на югах»: либо в Ялте, либо в Сочи. Там было сначала «Шапито», а уж потом построили «стационар». А мы с бабушкой приезжали к ним на гастроли или на съемки. «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука»...

фото из семейного архива

▲ «Она никогда не думала, что будет работать в цирке»

Мама все время была с отцом. Я себе не представляю ситуацию, когда она могла не быть рядом с ним! Пару раз, когда тяжело болела бабушка, мама оставалась в Москве, но для нее это было просто невыносимо. Она очень переживала: «Как он там?» Потому что в быту отец был человеком, если не беспомощным, то мало приспособленным, а мама о нем заботилась, и он к этому привык. Правда, у отца была одна домашняя «повинность». Он сам ее себе придумал: он вставал раньше всех и на всю семью варил кофе и яйца.

Помню, мне было лет 18, и как-то мама разбирала фотографии. У нас не было как такового архива, все фото лежали в каких-то чемоданах, разложенные по конвертам с надписями: «Кино», «Цирк», «Максим. Детство». Не было семейных альбомов, которые можно было перелистывать, что-то вспоминать. Хотя фотографий было много:

и родители снимали, и самый близкий отцовский друг Семен Мишин никогда с фотоаппаратом не расставался — был, можно сказать, летописцем нашей семьи. Так вот, мама разбирала фотографии, я подошел, вижу две мои карточки и спрашиваю:

— А где это меня снимали?

А мама отвечает:

— Это не ты, а — я!

Сейчас мне говорят, что я с возрастом все больше становлюсь похож на отца, а вот в 16–20 лет — был абсолютной копией мамы. И черты лица, и движения...

На кого я больше похож по характеру — не знаю, мне никогда не придет в голову разделять: что от мамы, что от папы. Они для меня одно целое. Я никогда даже мысленно не мог их разделить. Когда не стало отца, то жизнь разделила... Но все равно отец не перестал в моей жизни присутствовать, даже после своего ухода. Как и мама. Я иногда себя ловлю на мысли: надо маме позвонить...

У нас ни с мамой, ни с отцом никогда не было душеспасительных, проникновенных, философских бесед на тему о «скитаньях вечных и о Земле». Все разговоры, которые происходили, были достаточно простые, но в то же время в результате этих разговоров я и получился таким, каким получился.

Помню всего лишь один раз, как отец с матерью ссорились. Это было вечером. Я был совсем маленький, еще лежал в детской кроватке. Я уже спал, и меня разбудил их разговор на повышенных тонах. Я жутко испугался и заплакал. Они оба прибежали, стали меня успокаивать, утешать. Я заснул, и больше я ни разу не слышал, чтоб они ругались или ссорились. Да, разногласия бывали, как и у всех, но всегда кто-то из них уступал. Реже мама. Она всегда была определяющим началом. А отец — человек изначально очень мудрый, поэтому всегда понимал, что можно уступить, можно даже чем-то поступиться во имя

▲ *«Постепенно мама начала входить в рефизы и стала партнером. Не «клоунессой», а именно партнером Никулина и Шуйдина»*

чего-то, что дороже любого спора. Гармонию, которая существует, очень легко разрушить.

Для меня взаимоотношения мамы с отцом всегда будут, если не примером, то мерилем. От чего отталкиваться, к чему стремиться.

Когда я сказал, что отец со всем соглашался, это не совсем так. Однажды, когда у мамы вдруг возникло желание сниматься в кино, отец твердо сказал: «нет». Когда человек говорит тебе «нет», прежде всего возникает обида. Но он это сказал только от большой любви, чтобы оградить ее от разочарований.

В отце сплелось два актерских таланта: драматическое дарование и комедийное. Поэтому он в кино мог играть в совершенно разных жанрах. А в цирке артистизм, хотя и нужен, но в жанре коверной клоунады, больше нужно другое — чувствовать темпоритм, зал, партнера.

Это все зарабатывается с опытом. Мама шла к этому довольно долго. Достаточно вспомнить первые ее юношеские репризы – «Маленький Пьер», с которого началась ее цирковая карьера, и пантомиму «Черный Том». Обе сценки были «политические». В первой французский мальчик расклеивал листовки, а полицейские его травили, а в следующей черный мальчик выступал против жестокого режима. После этих ролей мама долго была просто ассистентом у отца. Следила за костюмами, реквизитом, составляла расписание репетиций, держала в порядке багаж, паковалась, распаковывалась... Это работа достаточно серьезная. И она очень нужна, потому что ни один артист, тем более клоун, без толкового ассистента не может. А потом постепенно мама начала входить в репризы и как бы стала партнером. Не «клоунессой», а именно партнером Никулина и Шуйдина.

Когда я стал работать ведущим программы «Утро», тогда она еще называлась «90 минут», потом «120 минут» на ОРТ. Когда создали эту программу, нас, достаточно молодых, поставили ведущими. Это первый был такой прорыв, потому что все информационные программы до этого вели дикторы. А это получилось что-то типа «Гуд мониторинг, Америка!» И когда я стал вести эфир, отец вставал в 6 утра и смотрел, а потом мне звонил и рассказывал, что ему понравилось, что не понравилось. И мама, конечно, наблюдала. Наверное, им было приятно, что есть какая-то «движуха», что я развиваюсь, что-то получается, что-то не получается...

Дома у мамы всегда цвели разные фиалки, которые мы периодически забывали поливать... И на даче она очень любила выращивать цветы, это же было частью ее профессии, которой ее в юности лишили...

А вот культура еды у нас никогда не было. Отец был крайне неприхотлив в еде. У него самыми любимыми блюдами были котлеты с макаронами, макароны по-флотски и борщ. В основном у нас бабушка готовила. У нее была старинная книга Молоховец, и она там что-то

вычитывала. А мама – нет. Она уже потом стала вкусно готовить: ей от бабушки передались по наследству способности.

Они с отцом оба были книгочеи. У них была очень большая библиотека. Мама все время что-то читала, а потом даже увлеклась переводами с английского. У нее вышло три книги переводные детективы Гарднера. Потому что у нас в семье любили детективы. Вернее, сначала было увлечение фантастикой. Брэдбери, Азимов, Гаррисон, Стругацкие, Абрамов. А потом все увлеклись детективами.

“Да, разногласия бывали, как и у всех, но всегда кто-то из них уступал. Реже мама. Она всегда была определяющим началом. А отец – человек изначально очень мудрый, поэтому всегда понимал, что можно уступить

А еще был период, когда стали раскладывать пасьянсы, тоже всей семьей. Даже я «подсел» на это. У нас бабушка всегда раскладывала пасьянсы, это у нее еще с дореволюционных времен осталось, и все к этому привыкли. А однажды отцу позвонил Владимир Басов, который тогда начинал снимать фильм «Дни Турбиных». И там по сценарию должны были раскладывать пасьянс «Могила Наполеона». Я даже не знаю, вошло ли это потом в фильм или нет. И вот Басов говорит:

– Спроси у своей тещи, не знает ли она такой?

Папа говорит:

– А какая тебе разница, какой будет пасьянс?

Но тот завелся, что раз у Булгакова так написано, то так и надо, хоть ты тресни. Но бабушка знала только три или четыре варианта, и среди них никакой «Могила Наполеона»! Но у нас нашлась какая-то дальняя родственница, которая работала в Ленинской библиотеке, и она из-под полы вынесла на один день книжку пасьянсов, которую мы всю ночь

Фото из семейного архива

◀ *«Для меня взаимоотношения мамы с отцом всегда будут, если не примером, то мерилом»*

переписывали по очереди, потому что утром надо было вернуть. И после этого все заразились этим. Сначала мама, потом папа, а за ними и я. Тогда это все вручную раскладывалось, сейчас проще — все это есть в компьютере. А вот книжки электронные я читать не могу. Честно пробовал, не пошло. И в преферанс тоже не могу в компьютере играть — мне люди живые нужны. Потому что преферанс — это общение. Мама достаточно азартным человеком была. И бабушка была очень куражливая! Мы с ними иногда играли в преферанс, а отец не умел.

Как-то мы были в отпуске в Молдавии, в Дубоссарах. Мне было лет двадцать. Сели вечером за пультку втроем с мамой и бабушкой. А потом уже глубокой ночью, я помню, бабушка — на мизере, мы с мамой ее ловим, повисает многозначительная пауза, как вдруг раздается голос разбуженного отца:

— Брысь все отсюда!

А еще мы в кости играли на орехи.

Разное вспоминается. Я считаю, что жизнь моя с родителями была позитивной. И если какие-то были расстройства, обиды, они все равно со временем стираются — остается только хорошее.

Помню такой роскошный момент из последних лет, когда мама выехала на манеж в свой 80-летний юбилей верхом на лошади. Рядом, конечно же, шла дрессировщица. Но мама выехала сама в специально сшитом для этого концертном костюме! Она, я так понимаю, для этого мобилизовала все свои силы.

Максим Никулин

*Генеральный директор и художественный руководитель
Московского цирка на Цветном бульваре*

Фото из семейного архива

ЕВГЕНИЙ ПИСАРЕВ

Евгений Писарев

Я приезжаю к маме – там культ меня!

В детстве я засыпал и просыпался под стук пишущей машинки. Поскольку мама воспитывала меня и моего старшего брата одна, денег не хватало – она работала в медицинской библиотеке. Зарплата у библиотекарей, как известно, копеечная. И чтобы иметь дополнительный заработок, маме приходилось брать на дом халтуру – ночами перепечатывала на машинке диссертации. Но при этом я никогда не чувствовал, что расту в небогатой семье. А мама никогда не подчеркивала, что ради меня она вынуждена чем-то жертвовать, недосыпать и так далее. Мама меня родила уже после сорока лет, когда у нее закончилась семейная жизнь – в советское время очень смелый поступок, в чем-то даже вызывающий. Я был для мамы абсолютной любовью, возведенной в неимоверно превосходную степень.

Вообще, поздний ребенок – это предмет особой любви, которую я испытывал и испытываю до сих пор. Дистанцироваться от этой лавины любви, не утонуть в ней, мне всегда помогало чувство самоиронии. Мамина любовь и восхищение порой зашкаливали, перехлестывая некую допустимую «санитарную норму». И когда это чувствовалось уже слишком, я делал какие-то знаки окружающим – подмигивал, чтобы не попадали под чрезмерное очарование. А восхищалась мама мной абсолютно по любому поводу – для этого не надо было приносить «пятёрку» в дневнике или мыть посуду. Тем более что от быта я всегда был далек. Она меня хвалила за то, что я просто есть.

Когда к нам в дом приходили гости – взрослые люди – друзья, родственники, я заставлял их рассаживаться за столом так, как я это себе придумал, просил взять вилки каким-то определенным образом и говорил, например, представьте, что вы поругались... И наблюдал, как будет разворачиваться действие. Я ненавидел игры, в которых есть правила – какие-нибудь классики или прятки, никогда не любил условности. Меня притягивало: «я – король, а вы – свита». Или «я – повар, а вы пришли в мой ресторан». Сейчас я иногда общаюсь с людьми, которые помнят те мои детские опыты, и они говорят, что это и был театр Евгения Писарева.

Маму все мои импровизации и инициативы невероятно восхищали. Она никогда не делала мне замечаний по этому поводу. Думаю, ей это даже в голову не приходило. Из меня вполне мог вырасти какой-то крошка Цахес, поскольку при всеобщем восхищении и умилении я вел себя довольно своенравно.

Когда я смотрю фильм Висконти «Самая красивая», где Анна Маньяни таскает по всевозможным кастингам свою маленькую дочку, то у меня возникают некие ассоциации с моей мамой. Конечно, она меня по кастингам не водила, но любила так же фанатично и ревностно, считая, что ее сын – самый лучший на свете, почти как у

фото из семейного архива

Висконти. И если мой лучший друг, допустим, в первом классе меня толкнул, то я на следующий день об этом забывал, а мама и через двадцать лет помнила: «Ах, это тот паршивец, который тебя толкнул, и ты упал».

Я не знаю, какие отношения могут быть между детьми и молодыми родителями. Не знаю, как это — когда родители и дети общаются, как друзья, когда могут рассказать друг другу какой-то экстравагантный анекдот, когда дети называют родителей по имени: панибратское отношение сейчас можно наблюдать сплошь и рядом. И зачем мне это знать? Я приезжаю к маме — там культ меня!

“Маму все мои импровизации и инициативы невероятно восхищали. Она никогда не делала мне замечаний по этому поводу. Думаю, ей это даже в голову не приходило

У нее в доме все стены увешаны моими фотографиями: я в детстве, я в ролях, я с известными коллегами, а также живописные портреты и подаренные мне картины. В этом есть, конечно, что-то прекрасное и великое, и в то же время что-то нездоровое и одновременно болезненное. Любовь? Да, безусловно. Но в проявлении эмоций я очень сдержанный человек. Думаю, как раз потому, что вырос в атмосфере абсолютной любви. Это касалось не только мамы, но и бабушки, и всех дядей, тетей, даже двоюродных братьев и сестер. Я был для всех самый веселый, самый любимый, самый музыкальный.

— Сейчас я буду для вас танцевать, — объявлял я. — А сейчас я буду петь. А вот сейчас вы будете делать то-то и то-то.

И все послушно делали. Если честно, такие артистичные и активные дети меня, уже взрослого человека, очень раздражают.

Фото из семейного архива

▲ «Я был ребенок, который любил не себя в театре, а любил Театр»

Мама была заядлой театралкой. Она и меня с детства водила по разным московским театрам. Потом я стал ходить самостоятельно и пересмотрел все возможные спектакли. Сейчас, когда я начинаю разговаривать со своими ровесниками, они удивляются, как я успел все это увидеть. А вот так! Я как-то уговаривал билетерш, администраторов, и меня пропускали на взрослые спектакли. Журнал «Театральная Москва», который продавался тогда в театрах, я изучал от «А» до «Я» и мог совершенно точно сказать, кто из артистов в каком составе игра-

ет и в какой день. И в какой-то момент мне захотелось идентифицировать этих людей: например, кто такой артист Иванов из Театра им. Вахтангова, а кто такой артист Александров из Театра сатиры. Я ходил и смотрел их в ролях. Возможно, это такой странный интерес, но ничего не попишешь: что было, то было.

Когда я решил поступать в Школу-студию МХАТ на актерский, это даже не обсуждалось и не могло подвергаться вообще никаким сомнениям. То, что я стану артистом, было как нечто само собой разумеющееся. И если мама начинала вдруг выспрашивать, куда собираюсь поступать, я всегда обрывал ее:

– Не знаю! – и тема была закрыта.

О чем еще можно было говорить, о какой профессии, если с 3-го класса она отвела меня в театральную студию, потому что я этого сам захотел. Я был ребенок, который любил не себя в театре, а любил Театр.

Раньше мама посещала все мои спектакли, даже по многу раз. Сейчас у нее уже возраст солидный, и здоровье не всегда позволяет. Но, надеюсь, она еще выберется ко мне в театр. Мама, конечно, очень хочет в Большой на «Свадьбу Фигаро». Даже если бы я там поставил что-то очень плохо, а в другом театре прекрасно, то все равно она предпочла Большой, потому что статусно: «Мой сын поставил оперу в Большом театре».

Поскольку сейчас мама привязана к дому, то смотрит все выпуски канала «Культура» – вдруг там скажут обо мне. Я регулярно звоню, чтобы справиться о ее здоровье, но, едва услышав мой голос, она кричит в трубку:

– Гениально ты поставил то-то и то-то! Ты гений!

Я сразу прощаюсь, понимаю, что разговора не получится. А если сообщу ей, что буду сегодня вечером в такой-то телепередаче, то знаю точно – она обзвонит всех родственников и знакомых и велит включать телевизор. А после передачи непременно перезвонит мне:

Я приезжаю к маме – там культ меня!

– Почему так мало – всего пять минут?! И что он у тебя такую глупость спрашивал? Но как остроумно ты ответил! Как ты выглядел! Какая у тебя рубашка!

Конечно, у меня с детства выработался некий иммунитет и здоровое чувство иронии по отношению к маминым дифирамбам. Но, признаться, когда мне бывает плохо, я звоню ей, заранее зная, что она обрушит на меня лавину своего восхищения.

Мама всегда переживала, что я мало рассказываю ей о своей жизни, но со временем нашла выход – она звонит моим друзьям и спрашивает их. Так сложилось. Но мне иногда легче поделиться чем-то сокровенным с чужими людьми, чем с родными. Грузить своих близких проблемами – лишнее. Их надо беречь.

Евгений Писарев

*Заслуженный артист РФ, режиссер, художественный
руководитель Московского драматического театра им. Пушкина,
педагог Школы-студии МХАТ*

МИХАИЛ
ПОЛИЦЕЙМАКО

В чем-то я повторил судьбу мамы

Мама не может жить без театра. Стоит мне появиться дома, как тут же сыплются вопросы:

– Как спектакль? Что было интересного? Расскажи.

И хотя мне иногда хочется помолчать, я начинаю ей рассказывать.

Когда я появился на свет, маме было 38 лет, а папе 42 года. У папы до меня детей не было. Он мечтал о ребенке и не мог на меня надыхаться. Сам говорил:

– В первые годы я не выпускал Мишу из губ.

А маме он дал прозвище Марья-искусственница. Я родился здоровым кабаном, весил больше четырех килограмм, и отличался прекрасным аппетитом. Стал кусать маму, и у нее начался мастит – воспаление

фото из семейного архива

▲ *«У меня было счастливое и бесшабашное детство.
И в нем всегда веселая и улыбающаяся мама»*

молочных желез. Кормить она меня не смогла. Папа бегал за молоком на молочную кухню. Когда о нашей проблеме узнал Владимир Высоцкий, он привез из валютного магазина огромную банку датской сухой смеси — в 1976 году в СССР о такой диковине мало кто слышал. Более того, он привозил мне памперсы из Франции. У нас тогда и слова-то такого не знали. Я, конечно, этого не помню, но мама рассказывает, что он держал меня на руках. Они с Высоцким были друзьями. Как-то поссорились и какое-то время не общались. Но буквально за полгода до смерти он к ней подошел и сказал:

— Маш, давай помиримся. Я же скоро умру.

И они помирились. Успели.

Мама фанатично предана Театру на Таганке. Она посвятила ему всю свою жизнь. Иногда в ущерб себе — она часто отказывалась от съемок в кино, потому что была очень занята в театре. Наверное, в ущерб своему старшему сыну, Юре, который сейчас с семьей живет в ЮАР. Юра родился в первом мамином браке. Этот брак быстро распался, и маленького Юрочку мама отправила к бабушке и дедушке в Ленинград. Когда же у бабушки прямо на сцене случился инсульт, она привезла его в Москву. Юра очень рано женился. В 18 лет стал мужем. У него родилась дочь. Теперь мама часто звонит ему и даже съездила к нему в гости. Конечно, мама очень любила и его, и свою семью. Когда папа болел, помогала ему во всем, поддерживала. Но главным в ее жизни всегда был и остается Театр на Таганке.

Можно сказать, я вырос за кулисами этого театра — меня туда впервые принесли в месячном возрасте. Практически все легендарные артисты «Таганки» меня нянчили, баюкали, кормили, развлекали. Для меня все они до сих пор «дяди» и «тети». Смехов — дядя Веня, Бортник — дядя Ваня, Иваненко — тетя Таня. Несколько лет назад мы снимались в одном фильме с Феликсом Антиповым — он играл моего папу. Увидел его и радостно поприветствовал:

— Привет, дядя Феликс.

На что он резонно ответил:

— Какой я тебе дядя!

Когда я в детстве приходил в театр, то побаивался разве что Юрия Любимова, а к Валерию Золотухину, Леониду Филатову, Ивану Бортнику заходил в гримерку запросто. Я сидел на репетициях у Любимова и подсознательно учился у этого великого человека. Ездил с родителями на гастроли. Смотрел по многу раз все спектакли Театра на Таганке. Когда мама играла Лизу Бричкину в спектакле «А зори здесь тихие», рыдал навзрыд. Я даже пробежал по сцене в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир»

У меня было счастливое и бесшабашное детство. И в нем всегда веселая и улыбающаяся мама. Лет с двенадцати я был предоставлен сам себе. А до этого мною дружно занимались бабушки и няня, которые воспитывали меня, как Лебедь, Рак и Щука из басни Крылова.

Бабушки были антиподами во всем. Папина мама, Ида Давыдовна, всю жизнь проработала в аптеке — была фармацевтом. Она вела здоровый образ жизни. Ложилась спать в 9 часов вечера и вставала в 6 утра. А мамина мама, Евгения Михайловна Фиш, актриса Ленконцерта, вдова народного артиста СССР Виталия Полицеймако, была дама богемная. Она курила, раскладывала пасьянс и пела романсы. Получалось так, что частенько к бабе Жене кто-то приезжал из Питера, и они сидели до двух часов ночи, а к бабе Иде постоянно приходили соседи и просили сделать мертвую или живую воду. Она опускала в ванну электроды и делала нужную воду. Лечила весь двор. Все скандалы в нашем доме случались из-за того, что бабушки по-разному пытались меня воспитывать. Папа практически не бывал дома — беспрерывно снимался, мама пропадала в театре, но стоило им переступить порог нашей квартиры, как их втягивали в конфликт. Бабушка Женя в гневе кричала папе:

— Молодой человек, я ударю вас палкой!

Баба Ида считала, что я должен после школы сидеть и делать уроки, а гулять — самое позднее до семи вечера. Но с двух часов дня и до двенадцати ночи я играл в футбол, что абсолютно устраивало бабу Женю. Другим камнем преткновения было мое питание. Я был не худым мальчиком, и все детство бабушки спорили, есть или не есть Мише колбасу. По мнению бабы Иды, после шести вечера мне можно было только кефир, зато баба Женя была уверена, что пара бутербродов еще никому не повредила. Я действительно после футбола умирал от голода. И няня Варя, доставшаяся мне по наследству от брата Юры, украдкой носила мне в постель колбасу.

Я очень благодарен своим бабушкам. Они многое мне дали. Баба Женя занималась со мной музыкой, образованием, а баба Ида пыталась внести хоть какую-то организованность в мою жизнь.

Папа меня обожал. В детстве у нас в ходу была такая шутка. Папа спрашивал:

— Где мое солнце? — я в ответ показывал на себя пальцем.

Он был страшно доволен. Он меня никогда не ругал. Не помню, чтобы он проводил со мной воспитательные беседы. Пока я рос, у нас не было ни одного отцовско-родительского конфликта. Мама меня больше контролировала. Один раз сильно отругала. Мне было лет 13, и на Новый год я выпил бокал шампанского у соседа. Вот за это мне от нее и влетело. А так тотального контроля у меня не было. Ей было некогда: репетиция с одиннадцати до двух, а в семь вечера спектакль. Она прибегала домой на два-три часа, успевала что-то приготовить, пообедать и убежать. Мама брала в театр мои школьные тетради, и в спектакле «Три сестры», где мама играла Ольгу, она проверяла именно их.

Первая школа, в которую они меня с папой непонятно зачем отдали, была математическая. Я в этой школе доучился до 8-го класса. У меня с натяжкой были «тройки» по алгебре, по геометрии, по черчению, физике и химии. Два последних класса я учился уже в школе рабочей молодежи на дневном отделении. Может быть, другие родители наказывали бы меня за плохую успеваемость, но мои — нет. В начальную школу мама ходила, а когда я подрос, и она увидела, что я двоечник, она ее посещать перестала. Наверное, немного этого стыдилась, к тому же была безумно занята в театре. Кроме того, что играла почти во всех спектаклях, мама была еще и членом месткома. Общественная жизнь бурлила. Конечно, она порой интересовалась:

— Ты сделал уроки?

Я быстро отвечал:

— Да.

Она не проверяла. Можно было и соврать. Сейчас я за своими детьми слежу значительно строже. Особенно за сыном.

В чем-то я повторил судьбу мамы. В свое время ее папа, народный артист СССР, лауреат Сталинской и Ленинской премии, Виталий Полицеймако заявил ей:

— Будешь, Маша, работать в БДТ.

Она отказалась наотрез. Год проработала на электроламповом заводе «Светлана» и еще год в Ленинградском зоопарке — убирала за животными. Доказала свою самостоятельность. Потом уехала в Москву. Поступила в Щукинское училище. Я вначале хотел быть рок-певцом, но после школы все-таки решил поступать в театральный институт. Пришел в «Щуку». И уже на первом туре мне сказали, что меня берут. Но я, как и все абитуриенты, поступал в 7 институтов. Из них в 4 меня брали. Я выбрал ГИТИС. Мне там больше понравилось. А в том году маму как раз пригласили преподавать в Щукинское. И, естественно, ей хотелось, чтобы я учился именно там. Но я забрал оттуда документы и твердо заявил, что буду учиться в ГИТИСе. Конечно же, она огорчилась. Но я, как и она в свое время, доказал свою самостоятельность. Маме хотелось, чтобы я работал в Театре на Таганке, потому что ей всю жизнь кажется, что это очень почетно и лучше этого театра ничего нет. А я пошел в Молодежный театр, начал сниматься, потом заболел папа, и я вообще забыл про репертуарный театр.

Мама — человек удивительной преданности. Она фанатично любит свой театр, в котором проработала всю жизнь. Несмотря на то, какие у них были взаимоотношения, она всегда боготворила, любила Юрия Петровича Любимова. Все, что происходило, происходит и будет происходить в ее родном театре — это и есть ее жизнь.

Михаил Полицеймако

Актер

Фотос: Анатолий Морозов

ОЛЬГА
ПРОКОФЬЕВА

Ее силе мог позавидовать любой мужчина

Как и многие девочки, классе в пятом-шестом я вдруг поняла, что мне очень хочется сниматься в кино. Сказала об этом маме, и она предложила: «А давай напишем на киностудию». Мы сочинили текст, вложили в конверт мою фотокарточку, и отправили письмо. И все ждали, что нам ответят: «Боже мой, мы столько времени ждали ваше письмо, везите скорее вашу девочку, весь мир будет у ее ног». Но, конечно, нам никто не ответил, и мама меня успокаивала, говорила, что на студию приходит очень много писем, и они не успевают всем отвечать. Ну, а я, поскольку в кино меня пока не приглашали, решила стать театральной актрисой. И оказалось, что у маминой приятельницы есть подруга — Наталья Примак, которая у нас в Одинцово руководит театральной

Фото из семейного архива

▲ «Моя мама – Софья Прохоровна, из поколения довоенных детей, познавших голод, страх, утраты»

студией. Она пригласила нас с мамой к себе домой, чтобы прослушать меня. И я помню, как у меня тряслись руки и как я промямлила какую-то басню и стишок, от которых Наталья Валерьевна восторга явно не испытала. Но она такой человек, который любому протянет руку помощи, а потому приняла меня в студию.

А когда я на экзаменах в ГИТИС вылетела после третьего тура, совершенно не понимая, почему меня, уже готовую Джульетту, не берут в театральный вуз, мама нашла нужные слова, чтобы поддержать меня.

Самое главное, в ней есть правильное ощущение жизни, интерес ко всему, что происходит. Я никогда не видела маму сидящей без дела. Только созидающей. Это человек энергии, человек работы. Человек трудоспособности такой, что крайне необходима и очень ценится

Фото из семейного архива

▲ Сестры Прокофьевы

в актерской профессии. Для меня мамины поступки – это прививка трудом. Она настоящая труженица, начавшая работать, будучи совсем девчонкой, поскольку ее юность пришлось пережить на трудные послевоенные годы.

В своей книге «Суперпрофессия» Марк Анатольевич Захаров, которого я всем сердцем уважаю, говорил, что биография во многом зависит от тех людей, с которыми ты встретишься в своей жизни.

Я могу сказать, что моя биография – это мама. Она вела меня по жизни интуитивно, не опираясь на труды философов, хотя читать обожала и буквально «глотала» все подряд. Но у нее есть какой-то природный дар, который помогает ей ориентироваться в жизненных ситуациях. Поэтому все свои проблемы, все свои слезы, симпатии, антипатии, все

свои возрастные вопросы и сомнения мы с сестрой несли в основном к маме.

Моя мама – Софья Прохоровна, из поколения довоенных детей, познавших голод, страх, утраты. Родилась она на Украине, но войну встретила в Белоруссии, куда вскоре переехала их семья. А поскольку село, в котором они жили, являлось какой-то важной высотой, и его занимали то немцы, то русские, оставаться в нем было небезопасно, и бабушку с мамой эвакуировали вглубь страны. На одной железнодорожной станции бабушка пошла за водой, оставив на платформе маленькую дочку, и пока искала, где набрать воды, маму забрали и отвезли в детский дом, потому что в то время считалось, если ребенок один, значит родители погибли. Так они потерялись.

После войны бабушка нашла ее, и они уехали на Урал, где мама, отучившись в ремесленном училище на токаря, стала работать на Челябинском тракторном заводе. За работу платили копейки, которых не хватало даже на обед. Поэтому в обеденный перерыв, когда все направлялись в столовую, они с подружкой прятались под станком, потому что им было стыдно признаться в том, что у них нет денег. Однажды какой-то мастер заметил их, вытащил из-под станка, а поняв причину, отвел в столовую и накормил. И после этого все время кормил их, несмотря на бурные протесты со стороны девочек.

“Самое главное, в ней есть правильное ощущение жизни, интерес ко всему, что происходит. Я никогда не видела маму сидящей без дела. Только создающей. Это человек энергии, человек работы

С моим папой (его звали Евгением Александровичем) мама познакомилась в Челябинске, куда он приехал в командировку. Вскоре они поженились, и мама переехала в Подмосковье, захватив свое приданое — резиновые сапоги, которые носила даже зимой, поддев шерстяные носки. Вот в этих резиновых сапогах она и вышла в жизнь.

Это были безумно тяжелые времена, когда продукты давали по талонам, а зарплаты не хватало на то, чтобы нормально питаться и покупать одежду. Поэтому мама работала на трех работах, а по ночам подрабатывала в котельной, которую тогда топили углем. Позже, когда от усталости маму уже начал сносить ветер, одна знакомая предложила ей работу в торговле, где можно было не только купить продукты, но и перекусить в обед. И мама немного пришла в чувство и даже слегка набрала вес. А потом и у папы на работе стало полегче: их организация развернулась, открыла свои спецмагазины, построила дома для

сотрудников, и у нас появилась двухкомнатная квартира в пятиэтажном доме на улице Садовой. Но все это было гораздо позже, а поначалу нашей семье жилось очень трудно.

Поскольку из-за командировок папа часто отсутствовал, все дела по дому, если надо было что-то приколотить, повесить, переставить, делала мама. Она умела абсолютно все, ее силе и энергии мог позавидовать любой мужчина. Я не люблю в этом признаваться, но, как и моя мама, тоже умею все делать — розетки поменять, карниз повесить, дюбеля вбить, дрелью сверлить. Могу и колесо на машине поменять в случае необходимости. Но рядом с сильным мужчиной я с удовольствием становлюсь слабой женщиной.

Не помню, модно ли мама одевалась. В то время я как-то не особо обращала внимание на ее внешность. И только когда стала взрослее, вдруг заметила в маме женщину. У нее появилась модная сумка через плечо, она стала делать стрижку с завивкой, поменяла цвет волос: перекрасилась из брюнетки в более светлый тон. Возможно, в нашей семье стало чуть легче с финансами, и у мамы появилась возможность тратить немного и на себя. Да и мы с сестрой уже стали школьницами и не доставляли много хлопот. Мама рано уходила на работу, в семь утра уже садилась в электричку. А поскольку нам вставать было еще рано, она нам спящим заплетала косички. Мы с сестрой, не просыпаясь, по очереди садились в постели, она нас заплетала, а потом снова укладывала на подушку. И через час мы вставали уже с заплетенными косичками.

Тогда было такое время, когда родители не боялись оставить детей одних дома. Потому что соседка снизу могла накормить ребенка тарелкой супа, соседка сверху отвести в какой-нибудь кружок, присмотреть во дворе или проверить уроки. Тогда были очень дружные дворы. И родители могли не беспокоиться о детях, все было под контролем.

Сейчас мама для меня — женщина-цветочек, потому что наш дачный участок похож на сад Тимирязевской академии, где все благоухает.

Фото из семейного архива

▲ *«Смыслом ее жизни всегда были дети»*

В мамином саду растет какая-то фантастическая черешня, есть малина, яблони, груши, несколько абрикосовых деревьев. И везде цветы, особенно много разнообразных сортов роз, вплоть до вьющихся. Маме нравится творить.

Смыслом ее жизни всегда были дети, а теперь внуки. Это истинная женщина, которая, все испытав в детстве: разлуку с мамой, голод бесконечный, одиночество, потерю близких, стала тем человеком, который всегда тебе поможет. После всего пережитого у нее возникло обостренное желание, чтобы дети не повторяли ее жизнь, чтобы у них все было — квартира, дом, музыкальная школа, хорошая библиотека, машина. Кстати, в нашей семье мама первая села за руль, и потом

научила водить машину нас с сестрой, и мы с Ларисой соперничали в борьбе за руль. А в детстве у нас с ней случались даже драки. Но мама как-то сказала нам:

— Девочки, вы сестры, вы самые близкие люди на этой земле, и первый, кто тебе поможет, это твоя сестра. Поэтому вам нельзя ссориться.

И эта мамина фраза — та капля, которая выточила камень. Она дала свой результат. Мы с сестрой патологические подруги, делимся всем, что у нас есть, ездим вместе отдыхать. А четыре года назад с нами стала ездить и мама. И мы каждый год все вместе отдыхаем в Болгарии, и я радуюсь, видя какой восторг испытывает мама от того, что она на море, что рядом близкие ей люди.

Честно говоря, я не ощущаю свой возраст, а рядом с мамой чувствую себя бесконечно счастливым ребенком. А она, посчитав, что уделяла нам с сестрой недостаточно времени, теперь активно включилась в жизнь своих внуков — моего сына Саши и дочки Ларисы Анечки. Глядя на нее, всегда хочу понять, кто же ей подсказал, когда-то совсем юной, кто шепнул на ушко ответы на самые простые, главные, важные вопросы земного бытия?

Ольга Прокофьева

Заслуженная артистка РФ, актриса Театра им. Маяковского

ЕКАТЕРИНА
РАЙКИНА

Екатерина Райкина

Родные называли ее Ромочка

Мама родилась на Украине в городе Ромны в 1915 году 18 января в семье врача Марка Львовича Иоффе. Мать ее, Екатерина Романовна Бродская, умерла в 36 лет, оставив мужу трех девочек. Старшей было четырнадцать, младшей год, а Ромочке пять. Вскоре по совету своей тещи, известной в Ромнах акушерки, он женился на подруге жены — Рахили Моисеевне Руттенберг («Как ты будешь растить трех девочек, ты должен жениться на Рахили», — сказала теща), которая родила ему еще двух девочек и мальчика.

Ромочка очень полюбила мачеху и всегда называла ее мамой (Рахиль Моисеевна была организатором и директором Ленинградского дома для трудновоспитуемых и беспризорных детей, и, будучи умной,

властной и доброй, она вывела в жизнь многих и многих несчастных детей).

Ромочка росла веселой, пытливающей и умной девочкой. Много читала, рисовала, писала стихи, помогала растить младших в семье. Любила театр. Окончив школу, решила поступать в Ленинградский театральный институт, но родители сочли профессию актрисы недостаточно серьезной.

Дочь настаивала. Тогда Рахиль Моисеевна послала ее в Москву — к Марии Федоровне Андреевой, актрисе МХАТа, с которой был близко знаком ее брат Петр Руттенберг — с просьбой прослушать девушку на предмет поступления в театр. Стройная смуглянка, большеглазая, обаятельная и темпераментная, Ромочка понравилась Марии Федоровне. Но родители решили, что сначала надо приобрести более солидную профессию, и Рома в 1933 году оканчивает полиграфический техникум (издательское отделение) и в этом же году поступает в Ленинградский театральный институт, где и знакомится со студентом выпускного курса Аркадием Райкиным.

С тех пор они не расставались.

Мама обладала той яркой, притягательной красотой, какой награждает природа только очень одаренных людей. Все думали, что у нее черные глаза — они казались такими, поскольку были обрамлены черными ресницами, черными бровями «домиком» и черными волосами, а на самом деле они были зелеными — яркими, живыми, светящимися умом и добротой.

Человек энциклопедических знаний, она всегда готова была дать ответ на наши детские, а потом и взрослые вопросы. А еще она в любую свободную минуту читала. Чаще это были ночные и предутренние часы.

— Мамочка, уже пять утра, когда же ты будешь спать?

— Да, да, еще страничка, и все.

► *«Сколько смешных, трагических и трогательных историй слышали мы от нее»*

Она была прекрасная актриса, которая могла бы украсить своей индивидуальностью труппу любого драматического театра. С низким, от природы поставленным голосом, с очень точными выразительными интонациями, редкого сценического и человеческого обаяния.

Располнев в 35 лет после рождения сына, она не ушла со сцены — поменяла амплу и ничуть в этом не потеряла. Она сама писала себе монологи (а иногда и папе), находя животрепещущие темы. Разные характеры, профессии, акценты, говоры — все это было ей подвластно. Занимая свое почетно-скромное место в «театре одного актера», она была по праву его (театра) стержнем в этическом и вкусовом смысле. Все кто ее знал, все уважали и любили ее.

“Все родные, вся наша дружная большая семья Иоффе-Райкиных держалась на маме. Всем она помогала, чем могла: словом, делом, деньгами, вещами, подарками. Все это было от души, от сердца. От сердца, которое надо было лечить, но времени на себя не хватало

А какая она была рассказчица! За нашим круглым столом, часто превращаемом в овальный, собирались друзья, родные, коллеги, и как она блистательно вела стол. Сколько смешных, трагических и трогательных историй слышали мы от нее. Папа всегда отдавал ей в это время пальму первенства, явно гордясь, радуясь ее застольному успеху. А потом... потом многие из этих рассказов легли на бумагу и стали уже литературой.

Она была внимательной и нежной дочерью, сестрой, матерью и бабушкой. Она писала письма подругам, родителям, сестрам, де-

Фото из семейного архива

тям, внуку. Умные, добрые, они учили нас быть внимательными, уметь видеть и не переставать удивляться окружающему миру, жалеть и любить людей.

Если бы не ее повседневные заботы о папе, который всегда был очень больным человеком, не тревоги о родителях, о детях, не ежедневное выступление на сцене — в труппе Ленинградского театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина, она бы оставила нам помимо очаровательных рассказов, очерков и повести о детстве, биографию своего великого мужа. Она начала ее. Исподволь, с далекой родни, с деда, родителей, с детства. И в 1975 году в возрасте шестидесяти лет чуть не умерла. Обширный глубокий инсульт головного мозга. Пятнадцать лет после этого ей было подарено Владимиром Львовичем Кассилем, который буквально на руках отвез ее в свое отделение реанимации Боткинской больницы.

Она жила. Мужественно переносила свой страшный недуг. Была абсолютно адекватна. Реагировала на шутки, смеялась от радости. Плакала, смотря телевизор, читая книгу. Радовалась приходу гостей, печалилась расставанием. Папа был бесконечно к ней внимателен, терпелив, ласков, помогал ей за столом, шутил и старался ее веселить. Мы ее очень любили и продлевали жизнь, как могли.

А сколько она успела сделать добрых дел за свою недолгую (или же долгую?) сознательную жизнь. Она была связующей нитью, звеном между папой и миром: секретарь, не отходящий от телефона часами, как «коза на веревочке», по ее выражению. Она отвечала на вопросы, давала интервью за папу, писала за него статьи, писала множество писем, которые приходили мешками на адрес Ленинградского театра эстрады или просто: «Ленинград. Аркадию Райкину» или «Москва. Аркадию Райкину». И письма доходили до адресата. Она записывала просьбы, старалась их исполнить и исполняла. У нее был блокнот, куда на каждый спектакль записывалось 5–7 пар (бронь Райкина).

Иногда людей было больше — нельзя было отказать — приезжие, иностранцы, VIP-персоны, и тогда администратор «стоял на ушах», чтобы рассадить всю эту толпу.

Все родные, вся наша дружная большая семья Иоффе–Райкиных держалась на маме. Всем она помогала, чем могла: словом, делом, деньгами, вещами, подарками. Все это было от души, от сердца. От сердца, которое надо было лечить, но времени на себя не хватало. По большому счету, она посвятила свою жизнь, свои многочисленные таланты единственному обожаемому мужу. Она много ему дала в интеллектуальном смысле. Она воспитала его вкус. Она ограждала его от ошибок, от необдуманных поступков. Она облагораживала его просто своим присутствием. Она огранила этот алмаз, превратив его в бриллиант чистой воды. И он это знал, ценил, любил и уважала ее — свою жену — мать его детей, актрису, друга, прекрасного, доброго и талантливого Человека.

...Мамы не стало 30 ноября 1989 года, через два года после смерти папы. Мы осиротели.

Екатерина Райкина
Заслуженная артистка РФ

Фотосъемка: Юрий

ИОСИФ РАЙХЕЛЬГАУЗ

Иосиф Райхельгауз

«Йося, ты не прав!»

Довольно долго мне казалось, что моя мама (Фаина Иосифовна Райхельгауз) очень взрослая. Она много работала, вела домашнее хозяйство и была идеологом семьи. Лично для меня она совершила несколько фантастических поступков, и если бы не мама, то я не стал бы тем, кем стал. Потому что в свое время она поверила в меня, несмотря на то, что за профнепригодность меня выгнали из Ленинградского театрального института.

Она прилетела за мной из Одессы, и я представляю, как тяжело у нее было на душе, потому что все соседи и знакомые знали, что я поступил на режиссерский факультет и вдруг вернулся... Это такой позор. Я стал объяснять маме, что меня выгнали не потому, что я ленивый студент, а потому, что хочу заниматься совершенно другим театром. Тогда мама пошла к художественному руководителю курса Борису Вульфовичу Зону и спросила:

— Скажите, мой мальчик действительно непригоден к этой профессии?

И Зон ответил, что мальчик у нее непростой, и на курсе сложилась такая ситуация, что надо было либо его выгнать и учить всех остальных, либо отчислить всех студентов и учить только этого мальчика.

— Поэтому я выбрал первое, — подытожил профессор.

Я стал уговаривать маму оставить меня в Ленинграде, потому что профессор не прав, я обязательно добьюсь успеха, и через несколько лет в этом институте будет встреча со мной, как с известным режиссером. В итоге мама согласилась и оставила меня, семнадцатилетнего юношу, в чужом городе. Для того чтобы выжить и заниматься театром, я рисовал что-то в художественной мастерской, таскал декорации и реквизит в БДТ и в конце концов получил служебное жилье. А потом поступил в университет на факультет журналистики и стал руководить студенческим театром. То есть вот эти несколько лет в Ленинграде, после которых я приехал и поступил в ГИТИС, были определены мамой и стали для меня важнейшими в становлении профессии, идеологии и мировоззрения.

Даже в глубоко пожилом возрасте мама оставалась самостоятельным человеком и вела активный образ жизни. Каждое утро плавала в бассейне, ходила пешком, несмотря на больные ноги. Она очень много читала и с удовольствием посещала театры. Мама знала, какие у нас в стране партии и какой закон принимают в парламенте. Пыталась давать мне советы и комментировала все мои выступления на телевидении: как я выступил, что неверно сказал и как не нужно обижать людей. Например, когда у меня на передаче Соловьева возникла жаркая полемика с Прохановым, мама при встрече сказала:

— Да, он, конечно, не прав, но ты не должен был выступать в такой резкой форме.

Она не могла смириться с тем, что ей очень много лет, и в душе оставалась молодой. Шутила с внуками, подтрунивала над ними, но

Фото из семейного архива

▲ Иосиф Райхельгауз с мамой

сила яркие наряды, привезенные из-за границы внучкой Машей (художник-модельер Мария Трегубова. — *Ред.*). Считала, что раз Маша с ее художественным вкусом это выбрала, значит, надо носить.

А недавно, когда в ее доме делали ремонт, по совету Маши выложила пол ярко-синей плиткой. Я бы никогда не сделал полы такими яркими, но мама сказала, что это современно.

Она азартный человек. И очень коммуникабельный. Когда ко мне приезжали друзья и коллеги, мама садилась с нами за стол — побеседовать. А потом все они, начиная с моих студентов и заканчивая знаменитым Иосифом Кобзоном, передавали маме приветы и справлялись о ее здоровье.

Мама любила цитировать Пушкина. Причем не хрестоматийные стихи из школьных учебников. Я, например, говорю:

— Ну, все мама, мне пора...

А она отвечает:

— Пора, мой друг, пора. Покоя сердце просит....

И продолжала читать стихотворение. А ведь за плечами у нее только один курс медицинского училища, оконченого еще до войны.

Родители моей мамы Иосиф и Бина Каршенбойм жили в одесской области в маленьком местечке Балта. Бина была из семьи педагогов, поэто-

му с раннего детства много читала, что потом передалось и детям. После того, как семья Каршенбойм попала под еврейский погром, они переехали на новое место и стали строить еврейский социалистический колхоз, который почему-то носил имя Андрея Иванова. Причем, кто такой этот товарищ Иванов, никто так и не узнал. Иосиф окончил экономическое училище, но работал на ферме, что-то возил на телеге, пахал. А Бина работала в детском саду воспитателем и заодно мыла там посуду и полы. В семье было четверо детей, три сестры и брат. По тем временам получить профессиональное образование считалось большим достижением, но тем не менее старшая сестра Этель окончила педагогический техникум, а затем институт и к началу войны работала учительницей в Виннице.

Брат Миша окончил Харьковский машиностроительный техникум, отслужил армию, но домой так и не вернулся — началась война, и он погиб в первые дни. А мама мечтала о профессии врача и поступила в медицинское училище. Отучилась год и готовилась к экзамену, который назначили на 23 июня 1941 года. На выходные приехала в деревню и здесь узнала о начале войны. Не понимая всего ужаса, была рада тому, что не надо сдавать экзамен. И ее можно понять — девчонке было всего 15 лет. А вскоре нашелся еще один повод для «праздника» — ей разрешили надеть в эвакуацию праздничные туфли.

Вот такой трагифарс.

Мама часто вспоминала, как они уезжали в эвакуацию. Был конец октября, и старые груши клонились вниз под тяжестью плодов — убирать их было уже некому. Посреди двора лежали окровавленные тушки животных — отцу пришлось зарезать всю домашнюю живность, поскольку без присмотра она все равно бы погибла.

Моя мама и ее младшая сестра Броня, которой только исполнилось двенадцать лет, сидели на подводе и тихо плакали, понимая, что происходит что-то ужасное. В какой-то момент праздничная туфелька вдруг слетела с маминой ноги, и мама, боясь, что за это ее будут ругать,

промолчала. Так и доехала в одной туфле до станции Армавир, где семье предложили сдать подводу и ехать дальше на открытой площадке товарного поезда. Ехали недолго. Неожиданно эшелон остановился посреди поля, а в небе показались вражеские самолеты. Люди в ужасе стали спрыгивать с поезда и отбегать подальше от состава. И мой будущий дед, схватив дочек за руки, тоже отбежал с ними метров на сто. Но у его жены были больные ноги, поэтому она легла прямо возле вагона. Немецкие летчики, увидев, что люди в страшной суматохе покидают поезд, начали строчить из пулеметов, и папа накрыл девочек своим пиджаком, он думал, что так спасет их от пуль.

А когда самолеты улетели, оставив сотни убитых, Иосиф увидел, что его жена лежит с рассеченной головой и оторванными ногами. Он побежал к ней, убедился в том, что она не дышит, прошептал:

— Они убили мою Биночку.

Обнял ее и умер. У него случился разрыв сердца. Моя мама от переживаний потеряла сознание, а очнувшись, увидела огромную братскую могилу. И еще мародеров, набежавших из соседних деревень. Они забирали все, что было в карманах убитых, выносили вещи из уцелевшего состава. Один из них, человек в военной форме, подошел к Иосифу Каршенбойму, обшарил карманы, вынул из них документы и деньги.

— Когда закончится война, тебе вернут эти деньги в Махачкале, — с ехидцей сказал он, обращаясь к маленькой Броне.

Этим же эшелонам голодные, осиротевшие и совершенно подавленные девочки поехали дальше, навсегда оставив в памяти станцию Нескучную.

С тех пор мама не была там, но очень хотела съездить, чтобы отдать дань памяти родителям.

Судьба испытывала людей на прочность. Мама и ее сестра скитались по стране, трудились на подсобных работах, и однажды оказались

Фото из семейного архива

▲ *«Даже в глубоко пожилом возрасте мама оставалась самостоятельным человеком и вела активный образ жизни»*

в Чкалове, ныне Оренбург, где мама устроилась санитаркой в эвакогоспиталь. Это было специализированное учреждение для тех, кто остался без конечностей, и хрупкой девочке приходилось на себе перетаскивать взрослых мужчин. Как-то начальник госпиталя отправил ее сопровождать раненого солдата домой в Молдавию. Прямого поезда не было, и в Одессе предстояло сделать пересадку.

И все бы ничего, но в Одессе жила дочь дальних родственников, которые тоже были эвакуированы в Чкалов. Едва родственники узнали, что Фаина будет ехать через Одессу, — попросили передать для нее золотые часики и кусок сливочного масла.

Передачку мама положила в узелок и, когда приехали в Одессу, оставила его возле солдата, а сама отправилась в кассу компостировать ему билет.

А когда поезд тронулся и боец уехал, она пошла по указанному адресу и только там обнаружила, что ни масла, ни золотых часов в узелке нет — раненый солдат их украл. Девочка заплакала, а хозяйка выгнала ее, посчитав воровкой. Это случилось 10 мая 1945 года. А в 1990-х та же семья уехала жить в Америку и, поскольку вывозить золото было нельзя, снова оставила золотые часы маме на временное хранение. Так случилось, что и эти часы тоже были украдены из родительского дома. Написав о случившемся в Америку, мама получила ответ, в котором ее просили не беспокоиться, поскольку часы не такие уж и дорогие. Однако через некоторое время, словно забыв о предыдущем письме, маму попроси-

ли все же часики вернуть. Пришлось отправить свои золотые часы, подаренные на день рождения.

Жизнь моей мамы была полна невероятных событий. Одно из самых из них — встреча с моим отцом Леонидом Райхельгаузом.

“Мои родители прожили долгую счастливую жизнь, и когда отец ушел из жизни, мама с трудом перенесла это печальное событие. Она бережно хранила память об отце, и в его комнате все осталось, как было при жизни, и у портрета папы всегда стояли свежие цветы

Отец во время войны был танкистом, разведчиком, дошел до Берлина и, расписавшись на Рейхстаге, вернулся с двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды и многочисленными медалями. Он был лихим мотоциклистом, и после взятия Берлина принимал участие в гонках, придя к финишу первым. Проезжая перед трибуной, на которой стоял Георгий Жуков, ухитрился встать на ноги и отдать ему честь. За победу на этих соревнованиях отца отпустили на несколько дней в отпуск, а полководец подарил ему мотоцикл с именной табличкой. Вот такой герой-фронтовик стал мужем моей мамы.

Жили сначала у его родителей, и легким это время не назовешь — мой дед по папиной линии имел крутой характер. Постоянно ворчал и придирался к молодым. Дело дошло до того, что однажды выгнал маму из дома. А случилось это после того, как мама, в отсутствие стариков, угостила зашедшую в гости беременную соседку солеными огурцами, которые стояли на столе. Только женщина надкусила огурчик, как в дверях показался мамин свекор и заревел на весь колхоз:

— Вон з моей хаты, воровка! Вот хто мое добро раздае!

И хотя мама выросла в этом колхозе, и все знали, что она честная девушка и никогда не возьмет чужого, соседи останавливались у окна и с любопытством смотрели за скандалом. Не выдержав позора, мама, кстати, уже в то время беременная, быстро собрала вещи и убежала из дома. Прodelав до станции путь в восемь километров, села в поезд и отправилась в Одессу, где жила ее старшая сестра. На следующий день, узнав о случившемся, к ней приехал муж. Так они стали жить и работать в Одессе. Сначала снимали проходную комнату в коммунальной квартире, а со временем купили свою. Для этого отцу пришлось три года отработать шофером в Магадане. Казалось бы, после пережитого она и слышать не захочет о своих обидчиках. Но мама — человек не злопамятный. И все равно поддерживала отношения с родителями отца, а когда они состарились, и им стало тяжело справляться с хозяйством, забрала их к себе в Одессу.

Мои родители прожили долгую счастливую жизнь, и когда отец ушел из жизни, мама с трудом перенесла это печальное событие. Она бережно хранила память об отце, и в его комнате все осталось, как было при жизни, и у портрета папы всегда стояли свежие цветы.

И я очень благодарен своей маме, потому что, всему, что я умею в жизни, я научился именно у нее.

Иосиф Райхельгауз

Народный артист РФ, основатель и художественный руководитель театра «Школа современной пьесы», профессор ГИТИСа

МАРК РОЗОВСКИЙ

Марк Розовский

«*Мальчик, не болей!*»

ПАМЯТИ МАМЫ

Висит фальшивый ламбрекен
Хоть криво, но пускай.
Держи меня в своей руке,
Прошу — не отпускай!

Казалось, в жизни все ажур
У мамы и меня,
Но тускло светит абажур
Без должного огня.

Она красива и стройна.
Ей вовсе не под стать
Моя угрюмая страна,
Уставшая рыдать.

Мне шепчет: «Мальчик, не болей!» —
Родной полуподвал.
И к полу низостью своей
Нас потолок прижал.

У керосинки сдох фитиль.
Отсюда нет пути.
За «Синей птицею» Тиль-Тиль
Бойтся в ночь идти.

Ее продуманный вопрос:
«Сънишка, как тебе?» —
Уже тогда меня понес
К Театру и судьбе.

Нет лучше маминых колен.
О, дивный детский сон! —
Таиров, Румнев, Коонен,
Хмельницкий, Кенигсон...

Мяучит коммунальный кот.
Крыс полон тихий дом.
А завтра новый культпоход.
К Михоэлсу идем!

«Мальчик, не болей!»

► *Марк Розовский с мамой*

У мамы свой на все расчет:
Открыть ребенку мир...
А с ложки в горло мне течет
Тягучий рыбий жир.

Таков послевоенный быт.
Мы с мамой одни.
Отец в тюрьме давно сидит.
Считает дни да дни.

Мы все под серым палачом.
У мамы бледный вид,
И нету музыки ни в чем.
Наш патефон молчит.

И волочится по щеке
По маминой слеза.
Держи! Держи меня в руке!
На улице гроза.

Год 1946-й

Марк Розовский
*Народный артист РФ,
основатель и художественный руководитель
театра «У Никитских ворот»*

Фото из семейного архива

Фото из семейного архива

Фотос Анастасии Морозовой

ЮЛИЯ
РУТБЕРГ

Юлия Рутберг

Васенька, Васюля, Василёк

Моя мама родилась в 1938 году и в детстве испытала все тяготы войны. Семья не уезжала в эвакуацию, все мужчины были на фронте, а женщины — в Москве. Помнит и бомбежки, когда приходилось прятаться в подвалах и метро, и неустроенность быта, и жуткий вой сирен, и дикое скопление людей, колонны пленных немцев, которых вели по Русаковской улице, — все это в течение четырех лет сопровождало маленькое существо. Поэтому маме известно, что такое тяжелая жизнь и что такое голод, когда жмых из подсолнечника и картофельные очистки кажутся настоящим лакомством. Но никогда из этого не делалось проблемы. Мамина бабушка Лидия Ивановна потрясающе шила, и во время войны она обшивала жен военачальников, чем и спасала от голода детей. А их было пятеро — моя мама и еще дети бабушкиной сестры Марии, спортсменки, которая вынуждена была корчевать пни и топить ими печь, чтобы

малыши не замерзли. А мамина мама (бабушка Лена) ездила с фронтовыми концертными бригадами на передовую под обстрелом немцев. И выступала перед бойцами на сцене, сооруженной на грузовике. Удивительно, но они все успевали делать. Мне кажется, что это вообще черта нашей семьи — уметь так жить, чтобы все успевать.

В 1960-е годы Илья Рутберг был одним из руководителей студии «Наш дом». И так случилось, что сразу две девушки у них в коллективе ушли в декрет, и надо было срочно найти замену. А поскольку требовались хорошие вокальные данные, музыкальный руководитель студии предложил пригласить девчонок из Гнесинки, где мама в то время училась на дирижерско-хоровом отделении и пела в квартете. Таким образом мама попала в студию «Наш дом», и с этого началась история их знакомства. Студия стала основой всего нашего бытия, и круг друзей, который образовался тогда, всю жизнь сопровождает мою маму и по наследству от родителей передался и мне.

Родители очень нежно относились друг к другу. Папа называл маму ласково Васенька, Васюля, Василек. Почему именно Вася, не знаю, но звучало это трогательно. Мама всегда оберегала папу и, когда он заболел, всеми силами старалась скрасить последние годы его жизни. У нас есть дача в Красных Холмах, и последние шесть лет папа провел именно там. Он называл это место раем, говорил:

— Это мой Куинджи, это мой Левитан.

Мама постоянно была рядом с ним и делала все для того, чтобы продлить ему жизнь, облегчить и сделать максимум для того, чтобы эти тяжелые дни были не черно-белыми, а хоть капельку цветными. Она проявила какое-то невероятное мужество. Бывают люди, которые кликушествуют о своей вере, о том, какие они праведные христиане, а мама является глубоко верующим человеком, но это не подчеркивает.

Она никогда в жизни ничего за это не требовала, никогда ни на что не роптала. Мама сама по себе жизнелюб и умеет создать вокруг себя

такую питательную среду, что любое несчастье, горесть, какая-то проблема — все становится решаемым. Вася всегда радуется нашим победам, премьерам. Всегда вроде бы стоит в тени, но мы понимаем, что ничего бы этого не было ни у папы, ни у меня, ни у Гриши, если бы не было рядом мамы. Даже правнук зовет прабабушку Васей.

Считается, что у нас еврейская семья, но мы всегда говорили, что глава нашей еврейской семьи — русская женщина, чуткая, заботливая, всех приветит, накормит, со всеми найдет общий язык.

Мама — это то древо жизни, на котором ветки и побеги — это мы, ее дети, внуки, правнуки.

Мамина жизнь, наверное, могла бы сложиться совершенно по-другому и она стала бы выдающейся пианисткой. Но, когда родилась я, ей пришлось оставить концертную деятельность и стать учительницей музыки. И она нашла себя в педагогике. Ученики ее обожали. Потому что она терпеть не могла, когда из детей делали профессионалов, а считала, что прежде всего надо в жизнь ребенка привнести такое понятие, как музыка, как звуки. Когда в человеке развит музыкальный слух, он по-другому воспринимает жизнь и вообще все, что связано с искусством. Музыка развивает индивидуальность. И мама брала детей, от которых отказывались другие педагоги, и развивала у них музыкальный слух. Однажды в Париже ко мне подошла девушка и попросила передать подарок Ирине Николаевне, сказав, что она ученица моей мамы. И в Бостоне после спектакля ко мне в гримерку пришла девушка, которая сказала:

— Я знаю, что вы дочь Ирины Николаевны. Будьте добры, передайте ей, пожалуйста, небольшой сувенир.

Это очень приятно — знать, что твою маму любят и уважают, казалось бы, чужие люди.

Поскольку мама всегда преподавала музыку, я тоже училась сначала в Школе им. Мясковского, а потом поступила в Гнесинку. Но получи-

фото из семейного архива

▲ *«Мама всю жизнь была мне прекрасным другом, в философском значении этого слова»*

лось так, что Гнесинка стала меня сильно напрягать, поскольку я все больше тяготела к театру. И однажды, чтобы не ходить на занятия, я сказала своей учительнице, что мне удалили аппендицит, а родителям — что аппендицит удалили моей учительнице. Пропустила месяц и в музыкальную школу уже не вернулась, но зато поступила в театральную студию. Мама была ужасно расстроена, сказала:

— Доченька, у меня была мечта, чтобы я сидела в первом ряду, а ты в черном красивом платье была на сцене и играла на фортепиано.

И вот проходит много лет, идет мой вечер, мама с папой сидят в первом ряду, а я в черном костюме на сцене рассказываю, пою. Потом сказала:

— Мама, ну вот видишь, твоя мечта сбылась.

Села за рояль и сыграла в четыре руки вместе с музыкантом, который мне аккомпанировал. Для мамы это был, конечно, шок.

Вообще, как зритель мама — это что-то невозможно-трогательное. Она может прорыдать весь спектакль, поэтому смотрит одну и ту же вещь по нескольку раз, чтобы наконец-то все понять. Например, «Медею» она посмотрела 38 раз, ссылаясь на то, что быть дома в то время, как я на сцене, ей гораздо труднее.

▲ *«Считается, что у нас еврейская семья, но мы всегда говорили, что глава нашей еврейской семьи – русская женщина, чуткая, заботливая»*

— Мне легче быть рядом, и переживать вместе с тобой, — говорит она.

А ведь быть зрителем, помогать своим присутствием актерам — это тоже работа. И мама от нее не устает, хотя следит за происходящим очень эмоционально. Для нее важно, как развивается спектакль. А для меня ценно ее присутствие — без мамы и спектакль получается не таким, как хотелось бы.

Вообще умение полноценно жить своей жизнью и одновременно жизнью детей — это удивительное качество. Мама всегда рядом, но в то же время позволяла мне прожить собственную жизнь. И вот это

ощущение, когда тебе позволено совершить собственный поступок, не упрекают, если что-то не получилось, а поддерживают, очень помогает в жизни, делает тебя сильнее. Мне повезло, что в моей жизни мама всегда рядом со мной. Потому что, когда рядом мама, ты теряешь панический страх, который иногда обуревает человека, всегда находишь выход из, казалось бы, безвыходного положения. У нее своя философия воспитания, и я стараюсь следовать ей, точно так же отношусь к своему сыну, к его семье и к внукам.

Чем взрослее я становлюсь, тем больше у нас с мамой появляются общих качеств. Мама — дочка, и я — дочка. Мама — жена, я — жена. Мама — мама, и я — мама. А теперь мы с ней обе еще и бабушки.

И мне кажется, что слово «мама» какое-то магическое. Когда маленький ребенок в минуты отчаяния или боли говорит «мама», он просит о помощи, посылает сигнал SOS. Возможность сказать «мама» в середине жизни — это понимание, что ты все-таки пока еще ребенок, твоя жизнь продолжается и у тебя многое еще впереди. А на сегодняшнем этапе для меня возможность сказать «мама» — это как мольба напрямую куда-то вверх. Мольба о том, чтобы как можно дольше быть вместе, как можно дольше хватило сил и чтобы мама была здорова.

Если б я могла сама себе позавидовать в чем-то, то это прежде всего в том, какая у меня семья. Потому что семья — это основа всего. А дальше все развивается, прилагается, меняется или, наоборот, сохраняется. Очень важны корни. Не зря же говорят: все мы родом из детства. Потому что уровень культуры развивается с детства. Я родилась в очень культурной, образованной семье, где слово «семья» действительно составлялось из семи Я. И важные вопросы по обеспечению жизнедеятельности в нашей семье всегда решала мама. Она содержала дом в чистоте и порядке, обладая фантастическим талантом дизайнера и планировки. Раньше мама ужасно любила переставлять мебель, потому что ей хотелось каких-то перемен.

Сейчас у нее уже не так много сил и она в меньшей степени увлекается этим, но все равно постоянно что-то придумывает. Творит (а творец она невероятный) и, обладая безупречным вкусом, всегда знает, что нужно купить, как нужно обставить, продумывая все детали. У папы тоже был художественный вкус, но не было времени этим заниматься. А мы с мамой постоянно в творческом поиске и успеваем сделать много прекрасных вещей.

Мама всю жизнь была мне прекрасным другом, в философском значении этого слова. Она уникальная мама. А про прабабушку я вообще не говорю. Потому что передать выражение ее лица, когда она видит эти маленькие существа, очень трудно, даже если скомпоновать десять самых позитивных художников одновременно.

О маме можно говорить бесконечно, но для меня самое главное — то, что и в свои 50 лет у меня есть возможность сказать слово «мама». Я считаю, что это Господь мне улыбнулся и продолжает улыбаться.

Юлия Рутберг

Народная артистка РФ, актриса Театра им. Вахтангова

Фотос: Елена Янина

Внучка Синей птицы

С детства моя мама была для меня примером и надежной защитой. Однажды меня больно толкнула одна из внучек Горького, заявив, что дедушка ее — известный писатель, она ездит в школу на машине, а у меня — драная шуба. Ну, я этой внучке ответила с такой силой, что она отлетела.

Вызвали маму к директору школы. И она пришла разбираться — красивая, величественная, в нарядном платье. Так прекрасно разобралась, что вся школа ее потом с восторгом провожала. И так к маме относились все, кто с ней встречался.

Сама она пятнадцатилетней девочкой пришла работать в театрально-концертный отдел Моссовета, а через год организовала Московский театр для детей. Ей помог Луначарский. В 1936 году театр стал Центральным детским. В детстве у меня было свое за-

ветное место в директорской ложе. Я бывала на всех премьерах, на всех репетициях.

Атмосфера маминого театра читалась дома во всем: в корешках книг, в звучании музыки. О дедушке – композиторе Илье Саце – мама рассказывала нечасто. Но мне кажется, что он, как камертон, присутствовал в нашей жизни. Потому что полька из «Синей птицы» в маминском исполнении звучала все время.

Мы относились к «околоэлите». Мой папа – Николай Васильевич Павлов, был председателем Торгбанка СССР. Очень интересна история их знакомства с мамой. У мамы не было денег на зарплату артистам, и она пошла напрямик к председателю Торгбанка. У нее был девиз: «Народ! Партия! Дети!» Этот девиз и потом не раз помогал ей открывать двери самых высоких кабинетов. А тогда она спросила у серьезного начальника:

– Кредит, это когда дают в долг? Я прошу выдать театру кредит.

От неожиданности Николай Васильевич денег дал, потом пришел на спектакль, потом стал за мамой ухаживать. И вскоре у них завязался совершенно безумный роман, в результате которого я появилась на свет. Папа меня обожал, брату Адриану он стал любящим отчимом.

Но все же отец с мамой расстались. Позже его, как и маму, тоже арестовали, расстреляли менее чем через год.

Маму арестовали по ложному доносу. В обвинении говорилось, что Наталья Сац – член террористической организации, собиравшейся сделать подкоп под Большой театр и заложить взрывчатку в правительственную ложу. Из тюрьмы она написала Берии: «Лаврентий Павлович, вы единственный человек, который знает, что я ни в чем не виновата! А потому прошу предоставить мне возможность пользоваться библиотекой».

Берия разрешил. В лагере мама читала женщинам стихи и пьесы.

Когда маму посадили, мы остались вместе с братом и бабушкой. Наша квартира превратилась в коммуналку, где нам оставили только

Фото из семейного архива

▲ *Первая в мире женщина – оперный режиссер, Наталья Сац – основательница Детского музыкального театра*

одну комнату. Мы знали, что мама голодает. Бабушка отправляла ей посылки буквально наугад во все лагеря, не зная адреса. И одна из посылок все-таки к маме попала. Это было чудом.

Через три года после маминого ареста нам с бабушкой разрешили свидание с ней. Я боялась встречи: ожидала увидеть изможденную несчастную женщину, а из барака навстречу нам вышла элегантная дама. Но совершенно седая (оказывается, она поседела в ночь ареста).

Мама в лагере ставила «Бесприданницу» с заключенными. Меня поразило, с каким уважением относились к ней уголовники.

Началась война, мне было 13 лет. Меня определили в детский дом, эвакуировали в село под Саратовом. Учиться мне было некогда: я даже шесть классов не смогла окончить. Но у меня была естественная тяга к искусству, мы слушали музыку, пели, читали стихи. Наконец получила от мамы письмо: нам разрешили жить вместе. Поехала к ней, но по дороге у меня украли чемодан со всем моим детдомовским богатством (полпуда муки, сало, сахар и три буханки хлеба). Я осталась ни с чем. К тому же сразу тяжело заболела, и меня воспитательница забрала обратно в детдом.

А вскоре эвакуация кончилась: нас всем детдомом вернули в Москву. В Москве меня встречать было некому. Бабушки уже не было в живых. В квартире нашей жили чужие люди.

Только через шесть лет после ареста маму освободили. Но место жительства ей определили строго — все города, кроме Москвы и Ленинграда. Ее отправили на поселение в Алма-Ату. Она приехала в Москву только на один день. На сей раз я с трудом ее узнала, но не по причине «изможденности». Она стала яркой блондинкой и, кстати, прекрасно одетой. Никто не мог бы узнать в ней вчерашнего зэка. Неудивительно — больше всего она боялась вызвать к себе жалость.

Мы стали с ней удивительно похожи внешне. Она выглядела лет на 30, нас принимали за сестер. И вот эти две блондинки в 1944 году уехали в Алма-Ату. Мама стала работать в оперном театре и там организовала первый Казахский ТЮЗ.

В то же время в Алма-Ате были в эвакуации московские театры — Большой, Моссовета. Сергей Эйзенштейн снимал там «Ивана Грозного». Война еще не закончилась, но мы жили даже весело. Иногда мама объявляла, что у меня сегодня день рождения, и все несли подарки и цветы. Мама садилась за рояль, актер Николай Черкасов, водрузив на голову подарочный абажур, танцевал восточный танец. Михаил Жаров играл Медведя, Людмила Целиковская — Змею. Но это все устраи-

валось вовсе не из желания получить подарки, а из стремления к общению, творческому и просто человеческому.

Мама поставила там «Чио-Чио-Сан» — первую европейскую оперу на сцене казахского театра. И Сергей Эйзенштейн, побывав на премьере, назвал эту оперу в шутку «Чио-Чио-САЦ». И плакал — уже на полном серьезе.

Там, в Алма-Ате, все хозяйство дома было на мне. У мамы родился третий ребенок — мой брат Илья. Я стала еще и нянькой для него.

“Она очень тонко чувствовала людей. Когда, оторвав меня от учительства, позвала в педагогическую часть театра, это было ее наитием. Она при всей своей многомерности, разбросанности была верна одному — своему делу. И ей была нужна моя воля, мои педагогические способности

...Вскоре я вернулась из Алма-Аты в Москву, но одна, без мамы — ей еще не разрешили. Поступила в учительский институт. Повстречала человека, который стал моей судьбой. Юрий Карпов — молодой актер, стал мне самым близким человеком, с которым мы прожили сорок прекрасных лет. У нас родился сын Миша, ставший пианистом.

— Я, когда вырасту, поймаю Синюю птицу — птицу счастья, — пообещала мама сама себе в детстве. И твердо шла по этому пути, несмотря на чудовищные преграды.

Когда разрешили вернуться в Москву, она сразу же пришла в свой театр, точнее, подошла к нему и гладила его стены. Но это был уже другой театр, который ей не вернули. В 55 лет она была вынуждена заново начать трудовой путь в Гастрольно-концертном объединении,

- ▶ *«Мама редко хвалила нас, нечасто ласкала, но каким добрым и мудрым была она материнским отцом»*

затем в детском отделении Мосэстрады. Ее называли Генеральной снегурочкой Советского Союза.

В 1965 году она создала первый в мире профессиональный театр оперы и балета для детей — Московский детский музыкальный театр. Наш театр. Сейчас он носит ее имя.

Мама всю жизнь не только напряженно творчески работала, но и училась. У нее была толстая школьная тетрадка с надписью на обложке «Вечная ученица Наташа Сац». Она знала пять языков. Последний — английский, выучила уже в очень преклонном возрасте, далеко за 80. Во время гастролей она в качестве чтеца исполняла сказку Прокофьева «Петя и волк» всегда на языке приглашающей стороны.

Она ведь тоже не окончила шестой класс — умер ее отец, революция, необходимость самой зарабатывать. Высшее образование она получила, минуя среднее.

Она очень тонко чувствовала людей. Когда, оторвав меня от учительства, позвала в педагогическую часть театра, это было ее наитием. Она при всей своей многомерности, разбросанности была верна одному — своему делу. И ей была нужна моя воля, мои педагогические способности. Сначала я стала говорить в театре «вступляшки». Раньше это делала мама. Беседы эти предваряли спектакли, создавая атмосферу сердечности и любопытства.

Мама буквально приказала мне написать первое в моей жизни оперное либретто: «У тебя есть самолюбие? Ты завлит, ты должна». И не ругала меня за первые неудачи. Она ведь никогда не убивала человека. Хотя ее все боялись — она порой страшно кричала, бывало, входила в неистовство. У нее было так называемое алмазное зрение — когда она видела что-то недопустимое, реакция при ее колоссальном темпера-

Фото из семейного архива

менте могла для окружающих быть страшной. Но она давала человеку возможность выйти из неприятной ситуации.

Мама сказала как-то во вступительном слове к опере «Чио-Чио-Сан»:

— Я хочу, чтобы все вы поняли, как важно любить любовь!

У нас с ней были очень разные женские судьбы. Она как-то со мной разоткровенничалась:

— Знаешь, у меня в жизни было очень много увлечений. Были страстные, самозабвенные любовные отношения. Но мне кажется, что твои отношения с Юрой не меньше, а может быть и больше, чем все, что испытала я не с одним человеком.

Мама была четырежды замужем. Помню, как в детстве за общим столом не раз собирались ее бывшие и «нынешние» мужья. С каким обожанием все они смотрели на мою маму, хотя супружеские отношения их больше не связывали, но творческие, человеческие были по-прежнему очень важны. И она искренне любила каждого из своих возлюбленных.

Маме часто говорили, что ее дети совершенно не похожи друг на друга. Она отвечала:

— Да. Все разные, но все мои.

Да, мама редко хвалила нас, нечасто ласкала, сама не раз говорила, что она своим детям скорее отец, чем мать. Но каким добрым и мудрым была она материнским отцом!

Но прежде всего она была предана Театру. Я помню ее заповеди:

— В жизни не бывает все хорошо или все плохо. Все перемешано. Но всегда надо оставлять форточку, куда проникает воздух свежий, настоящий, связанный со сферой чувств. Эта форточка для театра.

Роксана Сац

Заведующая литературно-педагогической частью Детского музыкального театра им. Натальи Сац

Фотос: Анастасия Моргачева

**ЕВГЕНИЯ
СИМОНОВА**

Большая семья – мое великое счастье

Время от времени в каком-нибудь печатном издании появляется информация о наших дворянских корнях. На самом же деле этих корней в нашей родословной нет. Фамилия моей мамы Вяземская, может быть, поэтому и возникло такое предположение.

Звали маму Ольга Сергеевна. Она родилась в Ташкенте в 1924 году. Ее отец, Сергей Михайлович Вяземский, был из семьи потомственных сельских священников из Рязанской области. Когда открылся доступ к архивам (а дед был человеком честолюбивым и даже тщеславным), он страстно пытался найти какие-то дворянские корни, но ничего из этого не вышло. Правда, папа, когда влюбился в маму, называл ее «княжна Вяземская». Мама родилась в Ташкенте, куда бабушка, спасаясь от

голода, перебралась из Гатчины. Потом они вернулись в Ленинград. Семья была интеллигентная. Мой дед страстно впитывал все знания. И хотел видеть своих дочерей (то есть мою маму и ее сестру Татьяну) людьми образованными. Они учили языки, занимались музыкой и танцами. Ходили в студию народного балета. Руководила ею замечательная женщина Евгения Эдуардовна Бибер – она когда-то была балериной Мариинского театра. Кстати, меня назвали в ее честь. Девочки занимались по программе Вагановского училища, были безумно увлечены музыкой, смотрели балеты по множеству раз. Знали партии наизусть. Эти занятия и сформировали маму как человека.

С моим папой, можно сказать, их свела судьба. Папина мама, Мария Карловна, после войны оказалась в деревне Вышетино Калининской области. Там же жила сестра моей другой бабушки, Зои Дмитриевны. Она была сельским фельдшером. Эти две интеллигентные женщины встретились в глубинке и очень быстро сошлись. Папа как-то приехал туда навестить свою мать. А сестра бабушки Зои попросила его передать посылку в Ленинград. Посылку он передал и влюбился в маму. Папа, талантливый и обаятельный, покорила ее. И когда мой будущий дедушка Сергей Михайлович увидел, что у них все серьезно, то отвел папу в сторону и сказал: «Не женись! Зачем тебе это нужно? Ты такой талантливый. Тебе надо заниматься наукой».

Но папа не внял этому «мудрому» совету, и они поженились. Чтобы устроить свадьбу, дедушка продал корову. А папин отец, скульптор Василий Львович Симонов, отдал молодоженам свою шикарную двухкомнатную квартиру напротив Академии художеств, где он был профессором. В этой большой квартире на Васильевском острове кроме нас жили обе мои бабушки, тетушки и другие родственники. Поэтому ощущение большой семьи, где много родных и близких, причем близких душевно, незабываемо для меня. Ощущение удивительной защищенности, покоя – это мое детство и мое великое счастье.

▲ «Родителей свела судьба»

В один прекрасный день папа пришел домой и сказал маме:
 – Лялька, я переезжаю в Москву.
 Мама всегда знала, что он человек необычный, но тут решила дара речи. Она только спросила:
 – А мы?
 На что он спокойно ответил:
 – Ну, если вы хотите, то можете поехать со мной.
 Папа был одержим работой, и когда его учитель, ученик Павлова Эзрас Асратян, пригласил его работать в Москве, согласился без колебаний. Его не смущало, что в Москве у него нет жилья, а в Ленинграде – прекрасная квартира, семья, двое детей. Сантиментов у него не было никаких. Физиология была его всепоглощающей страстью.

- ▶ *«У мамы была потрясающая связь с ее матерью. Это передалось мне, и надеюсь, что такая же связь у меня с дочерьми»*

Институт, в котором он работал, был его первым домом, а наш дом – вторым. Мама это понимала. Она была поразительно мудрой женщиной. Я только с возрастом смогла оценить ее подвиг. Какое-то время они жили врозь.

В Москве папа работал в Институте нейрохирургии Бурденко. Там был виварий. Он жил в этом виварии. Его это вполне устраивало, потому что не надо было тратить времени на дорогу. Мама к нему приезжала. Они устраивались там на стульях, на диване. Так продолжалось года два. Потом наконец ему дали двухкомнатную квартиру. К счастью, судьба сжалилась над мамой, и институт, в котором она работала, переехали в Москву. Мы переехали из Ленинграда. Правда, Юра остался там еще на два года с бабушкой, и мама очень страдала из-за этого. Наконец мы все воссоединились.

В доме был культ отца, хотя мама ничем не напоминала «душечку». Она была сильным, состоявшимся человеком и очень любила папу. А он был поглощен работой. Мог работать сутками. Мои детские воспоминания о нем: спина и клубы дыма. Он приходил с работы и продолжал работать, выкуривая сигарету за сигаретой. Хотя умел веселиться. Любил танцевать, писал стихи. У нас всегда был открытый дом. В субботу вечером обязательно приходили гости. Накрывали стол. Мама готовила очень легко, быстро и вкусно. Режиссер Александр Белинский говорил, что у нас был самый гостеприимный дом.

У мамы была потрясающая связь с ее матерью. Это передалось мне, и надеюсь, что такая же связь у меня с дочерьми. Мама для меня была абсолютно всем. Папу я очень уважала, знала, что он замечательный ученый, но до 14 лет он практически со мной не общался, даже не раз-

фото из семейного архива

говаривал. Ему было со мной неинтересно. Брата он тоже начал замечать лет с двенадцати. Я помню, когда он приезжал за мной после занятий музыкой, мы шли домой в гробовом молчании.

Потом мама интересовалась:

– Папа у тебя о чем-нибудь спросил?

Я удивлялась:

– Нет, а он должен был о чем-то спросить?

Она, конечно, очень переживала. Иногда не выдерживала и выговаривала ему:

– Как же так, ты даже не знаешь, что у Жени проблемы с физикой. Не знаешь, как она живет, чем».

На следующий день папа, придя с работы, спрашивал у меня:

– Детка, что у тебя с физикой?

Я отвечала:

– Все хорошо.

– А с географией?

– Хорошо.

– Замечательно. Придет мама, скажи ей, что я поинтересовался.

Конечно, маме было непросто, но никогда это не отражалось на нашем семейном климате. У нас постоянно кто-то жил. Жили ее студенты, жили родители ее студентов. Когда Юра поступил в МГИМО, у нас перебивала, наверное, половина его курса. Когда я стала учиться в Щукинском училище, к нам приходили и мои однокурсники. Кто-то жил неделю, кто-то две. Мама всех принимала, всех кормила. Всем помогала. Она была психологом по призванию. Каким-то чудом ее хватало на всех. Даже приехав на отдых в пансионат, она умудрялась кому-то помочь. Причем всегда безошибочно выбирала тех, которые особенно в этом нуждались. Она всегда за кого-то переживала, всегда кого-то утешала. Люди благополучные реже попадали в этот круг. Иногда я думаю, что способность ощутить чужую боль как свою – одна из

самых главных актерских составляющих. Это качество у меня от мамы. Может быть, это один из самых главных ее подарков.

Мама не пропускала ни один мой спектакль и фильм. Я начала сниматься еще будучи студенткой. Мой педагог Юрий Васильевич Катин-Ярцев сказал:

– Женя, пожалуйста, снимайся, но ты не должна пропускать ни одного занятия.

В фильме «Вылет задерживается» я снималась по ночам, а утром после съемки ехала на занятия. Мама приезжала ко мне с подушками, с пледом, с термосом. Пока мы ехали, я спала у нее на коленях. А потом после бессонной ночи мама шла на работу.

“Мы жили вместе: папа, мама, мы с Андреем, Зоя, мои две племянницы, первая жена брата. Приезжала мамина сестра. Еще у нас все время кто-то гостил. Был у нас диван, который раскладывался, как аэродром. Там можно было спать впятером. Была раскладушка, кресла. Всем места хватало

Мы с ней были нереально близки всю жизнь. Мама мне всегда говорила:

– Бойся лучших подруг. Хорошо, когда лучшая подруга – твоя мама, потому что она тебя никогда не предаст.

Она была очень близка и с сестрой, а вот закадычных подруг у нее не было.

Я никогда не хотела жить без мамы. У меня были периоды, когда я уходила, но месяца через два-три возвращалась. С появлением Андрея Эшпая в нашей жизни начался особенный счастливый период. Мама его полюбила сразу, еще до того, как мы смогли соединить свои жизни.

Мы жили вместе: папа, мама, мы с Андреем, Зоя, мои две племянницы, первая жена брата. Приезжала мамина сестра. Еще у нас все время кто-то гостил. Был у нас диван, который раскладывался, как аэродром. Там можно было спать впятером. Была раскладушка, кресла. Всем места хватало.

У мамы было четыре внуки, которых она обожала. Она не делила свою любовь между ними. Кажется, с появлением каждой в ней любовь только прибывала. У нее была неистребимая потребность собрать всех и сделать так, чтобы всем было хорошо. Мама учила внучек английскому языку. Причем каждой девочке подбирала группу из нескольких человек и абсолютно бесплатно занималась с ними.

Мама была центром и основой моей жизни. Когда ее не стало, у меня было ощущение вселенской катастрофы. Я сама чуть не умерла. Не понимала, как мои дети выживут. Мне казалось, что они осиротели.

Мама заболела неожиданно для всех. Приехала с папой из Америки такая красивая и вдруг плохо себя почувствовала. Я уговорила ее лечь в больницу. Выяснилось, что у нее неоперабельный рак. Я с ней месяц была в этой больнице. В спектаклях, где был второй состав, не играла. Не снималась. Мы 24 часа были неразлучны. При всей своей слезливости я ни разу не заплакала, пока она болела. Мы с ней все время разговаривали, смеялись. Потом месяц вместе были дома. Я научилась делать уколы. Мама не жаловалась. Наоборот, старалась приободрить нас. Повторяла:

— У меня все нормально. Не волнуйтесь.

И до последнего помогала Зое готовиться к экзаменам. До последнего у нее была потребность быть нужной, помочь, принести пользу. Не обременить.

Евгения Симонова

Народная артистка РФ, актриса Театра им. Маяковского

Фото из семейного архива

ЕВГЕНИЙ
СТЕБЛОВ

Ради меня мама ушла из института

Моя мама очень красивая. Всю жизнь тщательно следит за собой и к здоровью относится чрезвычайно сознательно: питается правильно, голодает два раза в неделю, поэтому, несмотря на солидный возраст, она решила жить одна, чтобы мы не позволяли ей «рассиживаться». Но главное — она не утратила интереса к жизни: любит знакомиться с новыми людьми, и подруги у нее гораздо моложе. Им интересно вместе.

Имя у мамы тоже очень красивое — Марта. Так назвал ее мой дедушка Борис, и с этим связана интересная история. Дед родился на Черниговщине, прекрасно пел: однажды его услышал отдыхавший на даче преподаватель по вокалу Киевской консерватории и пригласил на свой курс. А вскоре студентов отправили на практику в Италию, и мой

Фото из семейного архива

дед вместе с сокурсниками оказался в «Ла Скала» — в опере «Марта» играл юношу, который влюблен в главную героиню. Так что свою дочь он прозвал Мартой — в память о том спектакле.

Мамина юность проходила сложно, поскольку многое перечеркнула война. В 1942 году она, вернувшись из эвакуации, пошла доучиваться в десятый класс — в школу рабочей молодежи, где и познакомилась с моим будущим отцом. А затем устроилась пионервожатой в школу на Сретенке. У мамы был педагогический талант. В ее пионерской комнате старшекласники пропадали все перемены, устраивали литературные диспуты и прочее. Интересно, что среди них был и Тимур Гайдар — отец Егора.

Фото из семейного архива

▲ «Любовь к кукольному театру привил папа»

Время было тяжелое: случилась накладка, и родители с опозданием получили аттестат, поэтому не смогли поступать туда, куда хотели. Вместо педагогического мама пошла в мединститут, а папа — в энергетический. Поженились они на втором курсе, а уже на третьем (то есть в 1945 году) родился я и принес немало хлопот. Например, в младенчестве я тяжело заболел диспепсией. Мама рассказывала, что когда профессор приехал осмотреть меня, то даже приложил зеркало к губам, чтобы проверить, жив ли ребенок. Тогда он маме сказал:

— Вот ваш университет. Когда поставите его на ноги, тогда и пойдете учиться!

И по совету врача мама с папой вывезли меня зимой в подмосковные Снегири. Они меня «вытянули», но маме для этого пришлось уйти из мединститута.

Зато потом мама поступила в учительский техникум (где готовили учителей начальных классов), а затем в педагогический институт прямо на третий курс. А когда я учился в школе, маму вдруг назначили директором соседней школы, и я с тех пор не имел права лениться. Это считалось позором, если у директора школы сын отстает в учебных дисциплинах. Но мне плохо давался английский язык, учительница вынуждена была ставить мне «двойки», но при этом вызывала маму.

Мама хваталась за голову — дома мне нанимали репетитора, я подтягивался, и за четверть выходила «тройка». Но вообще мама в ту пору держалась очень строго — с трудом шла на компромиссы, и никакие оправдания не помогали. Получил «двойку» — значит, будешь исправлять.

И все равно, несмотря на внешнюю строгость, у моих родителей всегда был романтический взгляд на жизнь. Отсюда и любовь к театру, которая, как теперь я понимаю, сопровождала все мое детство. Например, в три года я снова тяжело заболел и вынужден был много времени проводить в постели. Чтобы я не скучал, папа купил пластилин, вылепил из него кукольную голову, а из дореволюционного металлического конструктора смастерил маленькую сцену. Так в моей кровати появился кукольный театр. А позже театральную традицию продолжила мама. Когда мне было лет шесть и мы с ней поехали в пионерлагерь (мама работала старшей вожатой), она познакомила меня с кукольницей, актрисой, которая в том же лагере обучала детей делать куклы из папье-маше. Весь наш дом после этого лагеря был в куклах. И тростевые, и куклы-петрушки, и куклы механические, всякие были. Родители очень поддерживали мое увлечение, переросшее потом в актерскую профессию.

Прежде чем я собрался поступать в театральное училище, бабушка позвонила Цецилии Львовне Мансуровой, с которой училась когда-то в классической гимназии, и сказала:

— Циля, поступает мой внук, и я тебя очень прошу...

Та сразу:

— Я поняла, все поняла!

— Нет, ты ничего не поняла, ты думаешь, я тебя буду просить, чтобы ты помогла ему поступить? Нет, нет и нет! Наоборот! Я хочу, чтоб ты заранее определила, есть ли у него актерские данные. Если есть, пусть идет, ты не нужна. Если нет, ты тоже не нужна. Пусть поступает, как сумеет.

Фото из семейного архива

▲ «У моих родителей всегда был романтический взгляд на жизнь»

Мы встретились с Цецилией Львовной. Она одобрила мой выбор, и родители благословили на этот путь. Вообще, мне повезло, что родители разделяли мои увлечения театром, кино. Мама высоко ценила МХАТ, я вырос в уважении к искусству. Меня традиционно водили на «Синюю птицу», на другие спектакли. Родители хорошо разбирались в театре, и их оценки мне были всегда понятны.

Мы с мамой общаемся каждый день по телефону, часто видимся. Мама вообще человек очень разумный и активный. Например, она стала заниматься йогой непосредственно под руководством профессора Бродова (помните, был такой документальный фильм «Индийские йоги, кто они?», вот фильм и начинался с рассказа Василия Васильевича), который первым привез практическую йогу в Советский Союз. Тогда это не очень поощрялось, но мама уговорила его взять группу на обучение, они арендовали спортивный зал в школе и раз в неделю занимались.

Мама бесконечно верит в науку, в разум. У нее любознательный ум, она любит все новое, внимательно следит за научными открытиями. Иногда я ее вывожу в театр. Вот последний раз она была на моем юбилейном вечере. Когда-то она дружила с Натальей Дуровой и частенько посещала ее Уголок, а потом очень переживала, когда начались все эти конфликты и раздел имущества. Познакомилась она с Натальей Юрьевной, кажется, на общественной работе: мама устраивала в НИИ встречи с интересными людьми, организовала университет культуры, заключила договор с Московской филармонией, установила связь с театрами...

Мама при всей ее строгости и принципиальности всегда гордилась мной, хотя постоянно сравнивала все наши спектакли с МХАТом. Недавно она мне рассказала, что, оказывается, папа, сидя на моих премьерах, всегда очень переживал, не забуду ли я текст. Забавно, что раньше она мне этого не говорила.

Евгений Стеблов

*Народный артист РФ, актер Театра им. Моссовета,
первый зам. председателя СТД РФ*

...А то иной раз возьмет ремень или полотенце

Ничто не случайно на свете. Несмотря на то, что моя мама Лидия Гавриловна не имела профессионального отношения к театру и жила вдалеке от «оазисов культуры», в музыкальную школу я поступил именно по ее инициативе. Пять лет своей мальчишеской жизни я занимался баяном. Точнее, шесть лет. Потому что на каком-то этапе я забуксовал, никак не давался мне классический репертуар. Хотел даже бросить школу. Но мама не разрешила. И меня оставили на второй год. Это была серьезная музыкальная школа, а не какой-то кружок, где ты хочешь – занимаешься, хочешь – дурака валяешь. Мама проявила волю, нашла очень правильные слова, чтобы убедить меня, непоседливого и далеко не самого послушного мальчишку, продолжать ходить на занятия.

фото: семейный архив

▲ «Мама готовила меня к большой жизни»

Учеба была не бесплатная, и это наверняка ощутимо било по семейному бюджету. Кстати, позже через музыкальную школу прошел и мой младший брат. Родители на учебу не скупились, поскольку от души желали, чтобы мы с ним поднялись по социальной лестнице выше, чем смогли они. Спустя годы могу сказать за это спасибо.

Мама очень любила музыку, и сама неплохо пела. Я слышал в ее исполнении застольные песни. Тогда ведь была традиция или, можно сказать, культура застолья: гости собирались, выпивали, закусывали и пели.

Причем песни-то были велико-

лешные — что музыка, что слова. Иногда меня просили подыграть на баяне. И я что-то выводил с вариациями, старательно нажимая кнопки. То были мои первые выступления на публике. К сожалению, перед гостями я не мог блеснуть спортивными достижениями — не станешь же тягать гантели или отжиматься. А баянист — всегда душа компании. Музыкальная школа давала свои положительные плоды — родня меня уважала. Любовь к сцене вообще и театру в частности проснулись во мне именно тогда.

В период расцвета вокально-инструментальных ансамблей я увлекся гитарой и начал играть на танцах. Бывало, нас даже приглашали играть в ресторане. Это, мягко говоря, не поощрялось, в школе мне на раз выговаривали, что деньги это несправедные, не трудовые. Что

я мог тогда ответить своим взрослым уважаемым оппонентам? Жизнь расставила все на свои места.

Заработанные деньги я копил, копейка к копейке, собрал 80 рублей, и купил себе первые джинсы: клеш со строчкой по краю. Увидев их, мама вздохнула:

— Тряпка тряпкой, слова доброго не стоят. На эти деньги можно было бы купить хороший шерстяной костюм.

В этом плане наши с ней взгляды на жизнь диаметрально расходились. Думаю, в глубине души она все правильно понимала.

Увлечений в моей жизни было много, и мама многое поощряла — спорт, иностранный язык. Она договорилась с «англичанкой», чтобы я ходил на дополнительные занятия к ней домой. Это была еще одна статья расходов в небогатом семейном бюджете. Но мама считала, что английский мне пригодится.

Первые театральные постановки я увидел по телевизору, поскольку там, где я жил, театров не было. А когда стал постарше, мама повезла меня во Владивосток на спектакли ТЮЗа. Мне тогда показалось, что артисты — какие-то небожители: они не могут, приходя домой, заниматься бытовыми вещами — варить борщ, стирать белье. Они, я думал, из театра вообще никогда не выходят, так и живут — в своих образах или, как у Карабаса-Барабаса, на гвоздиках висят за кулисами в ожидании своего выхода на сцену. Впрочем, сейчас мне тоже так кажется: артист из театра почти не уходит, висит где-то на своем воображаемом гвоздике. И, может быть, так правильно.

Мама явно меня готовила к большой жизни. Сама она работала швей-мотористкой, знала, почем фунт лиха, каким трудом дается кусок хлеба. Но было в ней что-то нереализованное. Знаете, чувствуется в человеке какое-то творческое нутро, а реализоваться не получилось — то война, то одно, то другое. Творчество, искра божья покоя не дает. В ней это было.

Мама очень много читала и этим «заразила» меня. Она знала всего Золя, массу французских и английских классических романов. Тогда время было такое, что все читали. У нас в доме была большая библиотека. Тома-кирпичи я в детстве с трудом мог удержать в руках. В мои обязанности входила уборка библиотеки — в общем-то, нелегкий физический труд и целая церемония: я снимал книги с полок, выносил во двор нашего частного дома, протирал пыль и потом ставил на место. Разумеется, я это проделывал не каждый день, а только во время генеральной уборки.

“Наши отношения никогда не были нежными, мы не страдали сентиментальностью. Не принято как-то было напоказ выставлять чувства, по головке гладить, ласковые слова говорить. Родители растили настоящих мужчин

Не знаю, благодаря ли большому количеству прочитанных книг или по природе своей, мама обладала тонким педагогическим чутьем. Она меня особенно и не воспитывала нотациями, поучениями. Она воспитывала своим личным примером: мы с братом видели, как они с отцом живут, как работают. И этого было достаточно. Она как-то так сумела выстроить отношения со мной в моем трудном переходном возрасте, что мы практически сильно не конфликтовали. Разногласия, конечно, были, но при этом острые углы взаимоотношений нам удалось обойти.

В какое-то время я был очень близок к опасной грани, не известно по какой кривой дорожке покатился бы. Мальчишеская жизнь сполна описана Виктором Драгунским — почитайте, и все узнаете про мое поколение. Я не был паинькой, как и не был отпетым разгильдяем, но не без проблем. Маму не раз вызывали в школу, учителя сетовали:

— Ваш сын такой, ваш сын сякой, держите его в ежовых рукавицах, не очень-то поощряйте.

Мама согласно кивала:

— Да-да, закручу гайки, перекрою кислород.

А едва выйдя из школы, говорила мне:

— Завтра у тебя туристическая поездка, поезд отходит рано утром, надо успеть собрать чемодан.

На самом-то деле поездка планировалась заранее, и это лишь совпало с вызовом «на ковер» в школу. Но я тогда этого не знал, и был в шоке. Мама в этом отношении была довольно вольнодумной и особой строгости по отношению ко мне не проявляла. Если надо, на собраниях она не терялась, могла учителям дать достойный отпор, чтобы не особенно на меня нападали. А если понимала, что по делу меня песочат, говорила:

— Поверьте, я этому его дома не учу, но могу лишний раз объяснить, что так не следует себя вести. Давайте объединим усилия.

Наши отношения никогда не были нежными, мы не страдали сентиментальностью. Не принято как-то было напоказ выставлять чувства, по головке гладить, ласковые слова говорить. Родители растили настоящих мужчин. Понятное дело, мы любили друг друга, но не обязательно это каждый раз демонстрировать. А то иной раз мать возьмет ремень, или полотенце (что под руку попадет), шарахнет меня хорошенько, чтобы одумался. А как же? Это тоже проявление чувств и педагогика.

После школы за компанию с друзьями я поехал поступать в Хабаровский институт физкультуры. Мама не возражала, поскольку по большому счету ей было все равно, какой институт я выберу, главное, чтобы получил высшее образование. А я в мамином совете и не нуждался. Сам решил и поехал. Но, надо сказать, меня бросало тогда из стороны в сторону. В спортивный мои друзья не стали поступать, передумали: один ушел в торговый институт, другой в железнодорож-

ный, а третий поехал в Хабаровский институт культуры. Вот за ним я потянулся — и поступил на театральную режиссуру. Проучился год. Но меня все же манила жизнь рок-музыканта. Потому, узнав, что у в Уссурийском культпросвете набирают первый в истории курс рок-музыкантов, я двинул туда. Но быстро разочаровался. Оказалось, два года учили играть на домре, потом еще два — на балалайке, а потом, может, эстрадной музыке. Меня это не устраивало, и я уехал во Владивосток, поступил на театральный факультет института искусств. Все эти мои опыты с поступлениями уложились в один год. Маме я ничего не объяснял. Если честно, я ее щадил, берег от лишних переживаний.

Они с отцом, возможно, хотели, чтобы я связал свою жизнь с морем, поскольку отец когда-то служил на флоте, а в то время быть моряком — почетно и хлебно. Одно время мне хотелось держаться поближе к флоту, но музыка и театр все же перетянули.

В 1982-м, окончив институт, я уехал работать в Сызрань, поскольку там обещали не только роли, но и жилье. Это было важно, потому что у меня в то время уже появилась семья. Свои обещания театр выполнил. Окажись я сразу в Москве, не знаю, как сложилась бы жизнь. Мне нужно было пройти школу провинциального театра, это я теперь понимаю.

Когда я стал артистом «Ленкома», мама, наверное, вздохнула с облегчением, поняв, что у меня все складывается в профессии, и это доказательство того, что я не ошибся в выборе. Правда, таких слов, как, например: «Сын, молодец, ты состоялся в жизни», — она никогда не говорила. И я не очень-то нуждался в этом. У нас отношения были довольно сдержанные:

- Работаешь, сынок?
- Работаю.
- Нормально?
- Нормально.
- И слава Богу.

Фото из семейного архива

Без лишних эмоций, без восхищений, без пафоса. Она бывала на моих спектаклях, но никогда не высказывала своего мнения. Опять же — я и не спрашивал. Отец, бывало, ворчал, говорил, что я дурачка какого-то изображаю, что театр — несерьезная штука. Это он так подтрунивал. Для

той среды, в которой они существовали, чтобы сын стал артистом — нечто запредельное.

Отдушиной для родителей стал мой младший брат. Мама его с детства программировала идти в медицину, говорила, что врач — профессия уважаемая, что носить белый халат почетно, и все такое. Она по-особенному уважительно относилась к врачам, и даже специально наряжалась, собираясь в поликлинику. Порой я говорил:

— Мам, у тебя в шкафу платье красивое висит. Может наденешь?

Она в ответ:

— Когда к врачу пойду, надену.

Мой младший брат стал врачом, работал во Владивостоке. Когда мама осталась одна, он мотался к ней каждые два-три дня. Похоронив отца, она продолжала жить в частном доме, который отапливался печкой. Тяжело было физически. К тому же однажды она чуть не устроила пожар. Маму нельзя было оставлять одну даже на короткое время, и я переезжал к себе.

Последние несколько лет мы жили бок о бок. Круг логично замкнулся. Я будто наверстывал упущенное, заново узнавая маму через разговоры и ежедневно наблюдая ее простое и мудрое отношение к жизни. И это было счастье!

Сергей Степанченко

Народный артист РФ, актер «Ленкома»

ЮРИЙ
СТОЯНОВ

Юрий Стоянов

У нее потрясающее чувство юмора

Я учился в школе, где преподавала, а потом и была заместителем директора моя мама Евгения Леонидовна. Так что, можно сказать, постоянно находился под надзором.

Учился я вполне прилично и школу окончил всего с двумя «четверками», но вот хорошим поведением не отличался никогда. Я вечно кривлялся, передразнивал учителей. Но когда мама с отцом начинали меня отчитывать, то их злость быстро сменялась улыбкой, потому что при наказании надо было сформулировать — почему они так рассердились. И в момент формулировки они начинали хохотать.

Знакомые говорили так: «родители красивые, чего не скажешь о мальчике».

Крым. 1965 г. Мой самый жесткий розыгрыш был такой. Однажды я узнал, что директора школы нет на месте, прокрался в радиорубку и его голосом объявил, что сегодня проводится тематический урок «За что я люблю Одессу», а потому все учащиеся с 8-го по 10-й класс отправляются на пляж.

— Просьба педагогов подготовить учеников к выходу, — подытожил я и таким образом, отправил на пляж человек 250.

Позже, когда все прояснилось, разразился страшный скандал. Для меня это было баловство, дуракаваляние. Но мамина репутация страдала. Как она меня ругала! Тогда впервые она прокричала:

— Я тебя убью! Выброшу с балкона!

Потом эта фраза повторялась не раз. Я ей отвечал:

— Не убивай! Ты еще будешь мной гордиться.

Впрочем, о своих взаимоотношениях с мамой я еще расскажу. Сначала надо сделать короткое отступление о мамином детстве.

Дело в том, что, когда началась война, она с родителями, бабушкой и младшим братом жила в Сталинграде. Родители работали на военном заводе, который вскоре эвакуировали в Ташкент и в дороге началась жуткая бомбежка: сотни близких людей потеряли друг друга. Пятилетняя мама осталась с маленьким братом. Ужас!

В Ташкенте было место, где развешивались фотографии потерявшихся или найденных детей. И возле этих стен ежедневно собирались люди. Это была единственная возможность друг друга найти. Таким образом, с помощью бумажек и объявлений на заборе, семья в течение нескольких дней воссоединилась.

Как и большинство эвакуированных, мамину семью приютили узбеки, которые отдали русским единственную в доме кровать, единственную наволочку, подушку и одеяло (а сами устроились на полу). Они не давали голодать русским. И фактически спасли мою маму.

В Ташкенте мама пошла в школу. Рассказывала, как из каких-то штор ей сшили платье.

▲ «Когда я заявил, что буду поступать в театральный, мама отнеслась к этому, как к неизбежности»

В моем любимом фильме «Человек у окна» есть монолог, который я произношу от себя. Когда в милиции узбеков называли «чурками», я говорил:

— Может быть, ты не в курсе, что когда такие, как твоя бабушка или моя мама во время войны оказывались в Ташкенте, то эти «чурки» отдавали русским детям и бабам единственную простыню с матрасом,

а сами на земляном полу спали. Так что мы с ними сначала войну выиграли, а потом страну отстроили. Поэтому заткнись и закрой рот.

После этого ко мне в Узбекистане подходили на рынке и говорили: — Спасибо тебе, брат, за эти чурки-мурки.

Я не сразу сообразил, о чем речь, а потом понял, что они благодарны за этот маленький монолог, который длится меньше минуты.

Потом прошли годы, мама выросла и родила меня. Жили мы в заводском районе под Одессой. Место сырое, удобства во дворе, но близость моря, три куста винограда и собственная комната делали его потрясающе привлекательным. У нас была корова, собака, куры, кролики. Занимались этим хозяйством бабушки, поскольку родители очень много работали.

Кстати, в этом плане у родителей была прекрасная взаимовыручка. Например, в свое время мама и папа моего отца специально перебрались в Одессу, чтобы помочь ему получить высшее образование. Благодаря им он блестяще окончил школу, а затем мединститут. То же самое было и в судьбе моей мамы. Ее родители очень опекали. Да и, наверное, беспокоились за ее судьбу, ведь мама всегда была очень красивой: мало ли кому она приглянется?

Потемкинская лестница. В верхнем ряду справа — Николай Георгиевич и Евгения Леонидовна Стояновы. Одесса 1956 г. Но все сложилось хорошо. Она, студентка филфака Одесского университета, встретила моего отца. К тому моменту он заканчивал мединститут и стоял перед выбором: либо сразу идти в аспирантуру, либо ехать в село. И, как подвижник, выбрал захолустье — украинское село Бородино.

Мама стала работать в сельской школе, а отец — оперировать. Вообще-то он был гинекологом, но в селе не было хирурга. Да что там хирурга! Электричества тоже не было. Так что если операция выпадала на вечернее время, мама бежала к нему в операционную и освещала рабочее место керосиновой лампой.

Фото из семейного архива

Пока они трудились, со мной возилась нянька, которая готовилась поступать на филологический факультет и все время читала мне «Евгения Онегина». Года в четыре это произведение я знал уже почти наизусть. Так что можно сказать, я, как и Хлестаков, с Пушкиным на дружеской ноге.

У нас в семье был культ работы. Мама всегда была чудовищно занята. Вначале работала в школе, а затем создала в Одессе педагогическое училище, которое потом стало колледжем. Оно выпускало педагогов начальной школы. Я не знаю примеров, чтобы женщины так много работали. При этом она прекрасно готовила и болгарские, и русские, и украинские блюда, и узбекский плов.

Воспитывали меня нестрого. У нас была огромная библиотека, и маме было важно видеть меня с книгой. Читал я с удовольствием. И прозу, и поэзию, а еще обожал альбомы живописи — разглядывал полотна Тициана, Рубенса, Гойи, Леонардо да Винчи. Когда впервые оказался в Лувре, то понял, что спокойно смогу провести экскурсию.

Сколько себя помню, я даже не сомневался, что стану артистом. У меня не было никакой альтернативы. Я не помню проблемы выбора. Я даже не рассматривал что-то еще. Не хотел быть ни космонавтом, ни летчиком, ни подводником. При этом театр как таковой

я не любил. Как страшный сон, запомнил посвящение в пионеры. Церемония проходила в ТЮЗе, и красные галстуки нам вручал... вышедший из-за кулис Ленин. У него было плохо приклеен нос, не поглажены брюки и грязная рубашка. Потом за кулисами я увидел, что мама дает ему 30 рублей. Я был в шоке. Мятый, неухоженный халтурщик, да еще и деньги за это получает. Он надолго отбил мое желание ходить в театр.

“Однажды я узнал, что директора школы нет на месте, прокрался в радиорубку и его голосом объявил, что сегодня проводится тематический урок «За что я люблю Одессу», а потому все учащиеся с 8-го по 10-й класс отправляются на пляж

Зато с безграничной охотой я посещал кино. Бабушка работала билетером в кинотеатре, и я мог смотреть все что хочу. Конечно, я пересмотрел все картины Чаплина, классиков неореализма. Можно сказать, я вырос в кино.

Когда я заявил, что буду поступать в театральный, мама отнеслась к этому, как к неизбежности. Поехать со мной в Москву она не смогла — у нее были выпускные экзамены. А папа поехал. Меня приняли в ГИТИС, и в неполных 17 лет я оказался вне дома. Жил в общежитии. Мама приезжала ко мне несколько раз. Как-то привезла два чемодана книг. Но увидев, как мы живем, в следующий раз привезла только чистящие средства и кастрюли. Впрочем, в общежитии я жил недолго — папа снял мне квартиру.

После института меня сразу пригласили в БДТ. Конечно, родители приезжали на мои спектакли, но поводы для гордости я давал им нечасто.

Жизнь у меня была неуспешная, тяжелая. Родители верили, что в этом есть какая-то большая несправедливость, переживали и помогали мне. Проживая со мной мою жизнь, они, конечно же, сокращали свою. Я получал в БДТ зарплату, на которую невозможно было жить. Мои родители делали все, чтобы я соответствовал высокому статусу театра, в котором работал. Благодаря им я всегда был прилично одет, смог переехать из общежития — они купили мне хорошую кооперативную квартиру. Помогали мне очень-очень много — до тех пор, пока я параллельно с работой в театре не стал вести телепрограмму «Адамово яблоко». Тогда наконец родители смогли вздохнуть. Я, не стесняясь, говорю, что состоялся только благодаря им.

У мамы потрясающее чувство юмора. В Петербурге у меня была вторая свадьба. Моя будущая жена сказала моей маме:

— Евгения Леонидовна, нам пора собираться в загс, вы приведите себя в порядок.

На что мама спокойно ответила:

— Вы знаете, солнышко, я в этот день, как правило, выгляжу очень хорошо.

Она дала понять, что это не в первый и, скорее всего, не в последний раз. Обнадежила невесту.

Кстати, мама всегда терпимо относилась к частым переменам в моей личной жизни, поскольку и сама выросла в семье, в которой трое детей от трех разных пап (мама самая старшая из них). У моей бабушки, Тамары Владимировны, жизнь была яркая. Так что ее биография прикрывала мою.

Маме, конечно, хотелось гордиться мной. И это произошло, когда появился «Городок». Как-то, в 90-е годы, мы поехали в Прагу на Новый год. Я заказал лучший отель. А в это время на чешском телевидении «Городок» был самой популярной передачей. Меня узнавали на ули-

цах, в ресторанчиках, кафешках. Просили автографы. Мешками приносили письма. Мама была счастлива.

В «Городке», а еще раньше в «Адамовом яблоке», я иногда играл женщин. Естественно, я использовал и какие-то мамины черты. Она мне потом пеняла:

— Как надоело, что на педсоветах говорят: «Видели, видели вчера Юрочку — опять вас играл». Юра, а ты не мог заметить во мне какие-то черты, которые говорят, что я женщина и что какое-то количество людей меня еще любят?

Я ей отвечал:

— Мама, я заложник жанра.

Она возражала:

— Теперь в заложниках оказалась и я.

Мама по-прежнему живет в Одессе. Я много раз уговаривал ее переехать и в Петербург, и в Москву, но она постоянно отказывается. Понимает, что если переедет ко мне, то станет мамой Юры Стоянова. А в Одессе все по-другому. Там она педагог Евгения Леонидовна.

Не проходит и дня, чтобы у нее кто-нибудь не побывал в гостях. К ней приходят довольно молодые люди — ее ученики, коллеги, товарищи. Все намного младше. Приходят, потому что с ней интересно. С ней всегда весело. Она очень легкий человек в общении, с большим чувством юмора, добрый, принципиальный, умный. У нее можно попросить совета. Я спокоен за нее.

Юрий Стоянов
Народный артист РФ

Фотос: Александр Мартемьян

ВИКТОР СУХОРУКОВ

Виктор Сухоруков

Бедность и порок

Был у меня повторяющийся сон, будто я упал в воду, а перед глазами — песчаное дно, и вдруг кто-то сильный хватает меня, подкидывает к небу, и я оказываюсь лежащим в траве рядом с мамой. Проходят годы, я уже взрослый человек, а меня все не покидают воспоминания. Рассказываю их маме, а она:

— Так это было на самом деле!

Оказывается, мы действительно всей семьей ездили на Исаакиевское озеро, когда мне было всего полтора года, и я плюхнулся в воду...

Я обожал сказки. Мне было лет шесть, когда я услышал сказку «Снегурочка». Я влюбился в нее и слепил под окном казармы, где мы жили, свою снежную красавицу. Из маминых бус сделал ей глазки, нарисовал губки, пришел домой и сел на подоконник подглядывать. Я хотел увидеть, как она оживет, но... уснул. А наутро помчался к окну

и жуткую картину увидел: на месте Снегурочки — снежная размазня, поскольку наступила оттепель. Моя красавица уходила в талую воду. Я рыдал.

Провинциальный фабричный городок Орехово-Зуево — окраина Московской области, за ним уже начиналась Владимирская область. Знаменитые «Москва — Петушки» это по нашей дороге. В моем городе оседали уголовные элементы, цыгане из Покрова и Усада, а также бывшие гулаговцы, которым нельзя было на 100 км приближаться к столице (кто помнит, тот понимает).

До революции в Орехово-Зуево Савва Морозов со своим братом развивал ткацкое производство и построил для рабочих огромные бараки, которое мы называли казармами. Длинные коридоры, комнаты по 8–10 метров. Вот там и поселились мои предки — бабка (мамина мама) и дед. Правда, дед вскоре погиб: свалился на фабрике в кипящий котел, когда мама была совсем еще маленькой.

По линии отца я вообще никого не знаю. Однажды он приехал из Москвы к своей тетке в Орехово-Зуево — там и встретил маму.

Мои родители, Клавдия Михайловна Сухорукова и Иван Захарович Сухоруков, родили троих детей, я был самый старший. Но мама мною не занималась: не воспитывала во мне вкуса, не таскала по кружкам и дворцам пионеров.

Она сама была воспитана казармой и фабрикой, какие там музыкальные школы, театральные кружки, ничего не было. Ни-че-го!

За восемь лет мама окончила четыре класса. Тысячи причин: слабое здоровье, лень, плохое питание, и одна наиболее печальная — обувь мама носила с сестрой по очереди. Причем сестра ходила в школу с большей охотой.

Хозяйства, как такового, мать не вела. Она не умела готовить, убирать и стирать. Частенько я бегал к бабушке, но та меня вскоре отправляла домой, поскольку я у нее лишний кусок сахара тянул.

Фото из семейного архива

▲ *Клавдия Михайловна и Иван Захарович*

Когда родился второй ребенок (брат Сашка), мое детство вообще кончилось: отныне свою порцию я делил пополам. Да к тому же спали мы с братом валетом на одном диване и накрывались пальто, потому что одеяла не было, а ведь это уже — пятидесятые годы, не война, мама, и папа работали...

В 1960-м родилась наша сестренка Галя — я сидел с ней или бегал на молочную кухню за питанием.

Но, видимо, третий ребенок оказался совсем в тягость, родители пристрастились к алкоголю, особенно мать. Поэтому я стеснялся приводить в нашу комнату одноклассников или дворовых ребят. Зато врать стал напрапую.

Обыкновенный шкаф называл шифоньером, самодельный буфет — сервантом, хвастался, что у меня есть коллекция пластинок, а однажды раздобыл каким-то чудом пластинку Высоцкого «на ребрах» (на рентгеновском снимке) и показывал ее во дворе, хотя проигрывателя у меня не было.

На родительские собрания мама никогда не ходила, но за малейшие провинности наказывала. Например, била тапком по голове, если учительница вызывала ее в школу.

Однажды учительница пригласила маму (я был во втором классе) и стала ругать, мол, почему у Вити дырки на пятках чулок. И вдруг мама

Фото из семейного архива

▲ *Клавдия Михайловна и Иван Захарович Сухоруковы родили троих детей, Виктор был самым старшим*

рассердилась — стала говорить, что мы едва сводим концы с концами, какие уж тут чулки! Я слушал и думал, что теперь после маминых слов учительница будет ставить мне одни только «двойки». Но, к счастью, все обошлось.

К пятому классу я тоже осмелел и заявил учительнице английского языка, что не буду учить ее предмет, поскольку он мне не понадобится. При этом я очень хотел рисовать, но у семьи не было денег, чтобы купить альбомы, краски и кисти.

Я жил без ведома мамы, без ее серьезного надзора. А сколько раз в детском саду я оставался один: родители просто-напросто забывали меня забрать, и тогда воспитательница брала меня за руку и сама отводила домой.

Но родители есть родители! Я же помню газетный кулек с малиной, когда я, трехлетний, лежал в больнице со скарлатиной, или пакет с красной смородиной. Помню, как залез на больничный подоконник, а они проходили внизу и махали мне рукой. Я помню, как кричал:

— Мама, я хочу домой!

Я же просился домой.

У меня после болезни было осложнение на уши, и половину молодости я боролся за то, чтоб вернуть себе слух, понимая, что для актерства

слух необходим. Искал врачей, лечился самостоятельно, маме было не до меня: она или работала, или пила. Я про себя не стыжусь рассказывать, а про нее стыжусь. Мне жаль ее, но пусть она на меня ТАМ не обижается.

Я не стесняюсь своего детства, но не хочу, чтобы люди думали, будто изображаю из себя сироту. Я говорю правду. Квартира у нас появилась, когда мне уже будет 21 год, в 1973 году. Я приду из армии, пропущу один год, не буду поступать, поскольку в этот год все наши казармы, вдоль железной дороги стоящие, выселяли в новые микрорайоны. Новые дома мы называли кораблями, вот в таком нам и дали трехкомнатную квартиру. Вся семья уже работала на хлопчатобумажном комбинате, кроме младшей сестренки, конечно.

Я пошел на работу, уйдя после восьмого класса на фабрику, учился три года в вечерней школе, приносил домой зарплату. Мать ждала ее с нетерпением, раздавала долги. Но через два дня деньги заканчивались. Я скандалил: требовал, чтобы она завязала с выпивкой, но ничего не помогало...

Отец в наши конфликты не вмешивался, хотя всегда молча поддерживал меня. Он был тихим, полуинвалидным человеком, работающим на самой простой работе — чистильщиком машин (после перенесенной в детстве черной оспы, у него было осложнение на руки).

Но несмотря ни на что, моя мама, в сущности, была добрым, открытым, несчастным человеком. Услышав песню, могла заплакать. А уж когда появился у нас телевизор, она рыдала на любом фильме. Она была молчаливой, застенчивой и очень боялась этого мира. Но стоило ей выпить, как передо мною появлялась другая женщина — крикливая, агрессивная, бесстыдная, бесшабашная. Она могла ругаться с кем угодно и не признавала никаких замечаний, с ней невозможно было разговаривать.

При этом с папой они ладили, жили тихо, спокойно. Папа был умницей, он в свое время даже получил в подарок после окончания семилетки кожаный портфель, у него была великолепная голова. А мать

фото из семейного архива

▲ Будущий актер с детства отличался импозантностью

была темнотой, как и многие ее фабричные подруги. Они мне запомнились горластыми, кричащими от шума станков, хотя самим им казалось, что они нормально разговаривают.

Как ни странно, в этой обстановке во мне зрела мечта стать актером. Через индийское, франко-итальянское кино, через бродячих артистов, через цирк, через театр марионеток, которые приезжали к нам в Орехово-Зуево, я пропитывался мечтой попасть в тот чудесный мир.

Вычитывал в газете объявление киностудий о том, что требуется мальчик или девочка, и ехал в любом случае (где девочка, там и мальчик). Конечно, для этого приходилось красть у мамы 25 копеек и вечером получать по башке, но это не важно.

В остальном я не доставлял беспокойства родителям. Я не пропадал, не исчезал на ночь, не пил. Улица меня не тянула, я боялся закона и любил порядок. Мне нравилась дисциплина, пионерские костры, слеты. Я очень стремился в другую жизнь.

Когда я говорил:

— Мам, я хочу стать артистом, — она меня даже не слышала. Мама ждала, когда я вырасту, чтобы загнать меня на фабрику. Но когда она увидела, что я всерьез собираюсь в Москву, то удивилась:

— Какой еще артист? Никаких артистов! Этот мир не наш, там разврат, да и кому ты там нужен? Угомонись, Вить...

Дверь она не закрывала, но говорила, что провожать меня не будет и денег на дорогу не даст.

Когда я готовился к поступлению, уходил в третью комнату, рисовал на запотевшем стекле рожицу и рассказывал ей то, что буду читать на экзаменах. А однажды позвал мать и прочел ей чеховский рассказ.

Она удивилась:

— Ну, че-е, хорошо, и что, тебя после этого примут, что ли? Да ну-у...

В 1974 году я поехал поступать в Москву, и судьба мне улыбнулась. Меня брали везде: и в Щукинское, и в ГИТИС, разве что во МХАТ я не поступал. Выбрал ГИТИС, поскольку узнал, что замечательный педагог Всеволод Порфирьевич Остальский отметил меня в своей записной книжке:

“Сегодня, когда мы с сестрой собираемся на даче, всегда вспоминаем родителей, очень надеемся, что они нас видят и слышат, знают, как мы живем, а мы живем очень хорошо, только об одном жалеем, что их нет рядом с нами

— Он либо ненормальный, либо гениальный!

И спас меня, ведь сочинение я написал на единицу.

Но все же мама успела погордиться мной...

Когда меня приняли в ГИТИС, я пришел в деканат к Александре Сергеевне, секретарю (именно Александра Сергеевна стояла на знаменитой лестнице ГИТИСа и по алфавиту объявляла имена счастливых чиков, кто поступил), и попросил справку о том, что меня приняли в институт. Она удивилась, но выдала. Эта бумага с печатью хранится у меня до сих пор: «Абитуриент Сухоруков зачислен на первый курс актерского факультета. 1974 год».

Я шел по центральной улице Орехова-Зуева, была суббота, великолепная погода, в парке играл оркестр, гуляло много людей, все было

красиво и светло. Я шел, охваченный только одной мыслью, что вот сейчас приду и скажу ей:

— На, мама, смотри! Меня приняли!

Она открывает дверь, и я все, как отрепетировал на улице, так и сделал. Мама взяла эту справку и, не глядя, что там написано, выругалась матом и куда-то ее убрала:

— Давно пора, сколько ж можно...

Пройдет время, и мои орехово-зуевские земляки расскажут, что она ходила по городу и хвалилась:

— А мой-то, Витька, в Москве, в институте учится!

Я стал все реже и реже наезжать в Орехово-Зуево во время студенчества. Зимой 1976 года я был приглашен на свадьбу в Пензу к бывшему однополчанину. Пошел на Казанский вокзал покупать билет, а там вавилонское столпотворение. Я помыкался и понял, что ни в какую Пензу не попадаю. Махнул рукой и поехал в Орехово-Зуево.

Вхожу в дом. Мама лежит в отдельной комнате и, оказывается, умирает. Я открыл дверь, а она:

— Ну, слава богу, приехал...

И заплакала. В пятницу пришли гости, я заставил двоюродного брата нас всех сфотографировать, все пошли в большую комнату, а я остался сидеть с матерью. Подстриг ей ногти, причесал и стал кормить с ложечки холодным молочным коктейлем (ей очень пекло внутри, хотелось охладить). Говорю:

— Хочешь выпить рюмочку?

И она даже при адских болях не отказалась от водки. В ночь с пятницы на субботу внутренний голос велел мне не спать, никуда не отходить. Я сидел возле, читал Гоголя. И вдруг понял, что она уходит. И что тут делает студент театрального вуза Сухоруков? Он берет тетрадку и начинает записывать, что происходит. У меня эта тетрадка до сих пор хранится. Я описывал ее поведение, ее дыхание, ее уход. И последний

хрип ее, похожий на звук косы, срезающей траву. В последний момент веки ее открылись, глаза устремились к светильнику на потолке и там остановились. Я понял, что это — все. Побежал на улицу к телефону-автомату, вызвал скорую помощь, которая констатировала смерть Клавдии Михайловны Сухоруковой, пятидесяти двух лет.

Сегодня, когда мы с сестрой собираемся на даче, всегда вспоминаем родителей, очень надеемся, что они нас видят и слышат, знают, как мы живем, а мы живем очень хорошо, только об одном жалею, что их нет рядом с нами. Мне кажется, что сегодня я бы сумел с ними договориться и изменить их жизнь.

Мама есть мама. Я все равно ее люблю, поставил ей памятник и вспоминаю ее! Всякую.

Виктор Сухоруков

Народный артист РФ, актер Театра им. Моссовета

СЕРГЕЙ
ТАРАГУТА

Судьба «барабанщицы»

Моя мама Людмила Фетисова (1925—1962) была блистательной актрисой Театра Советской Армии. Правда, я ее совсем не помню: мне было 4 года, когда она умерла.

В памяти остались лишь незначительные штрихи: мама варит кофе в белом кофейнике. Кофе убегает, и его коричневые струйки оставляют след на белом кофейнике. Помню, как меня привели в театр на спектакль «Океан». Это была ее последняя роль. Когда я подросток, папа мне говорил:

— Жизнь у тебя началась самым страшным образом. Ты лишился матери, и какой матери.

С годами она стала приходить ко мне в стихах.

Мама окончила Щукинское училище. Была любимой ученицей Цецилии Мансуровой. А сразу после окончания училища Алексей Дми-

триевич Попов, который возглавлял ЦАТСА, сразу же пригласил ее в театр. Мама Попова боготворила, хотя вначале все у нее складывалось негладко. Ее даже хотели уволить за профнепригодность. Дело в том, что мама подрабатывала манекенщицей в Доме моделей. Как-то она пришла в театр прямо после показа с накрашенными ресницами. Попов вызвал ее к себе и сказал:

— Люся, вам это не идет.

Она объяснила ему про Дом моделей и тут же прибавила:

— Я больше не буду туда ходить.

“*Маму приглашали в кино. Часто присылали сценарии, особенно в последние годы жизни, но так ни разу и не сняли ни в одном фильме. Думаю, многие режиссеры боялись, что она невольно будет тащить одеяло на себя*

Мама всегда верила в себя. И однажды она проснулась знаменитой. Случилось это после спектакля «На той стороне». В театр ходили «на Фетисову». К сожалению, ей не пришлось играть в классике. С ней собирались ставить «Чайку», «Бесприданницу» — не успели. Все оборвалось. Играла она только в советских пьесах отнюдь не лучшего качества. Ее звездной ролью стала Нила Снижко в пьесе Афанасия Салынского «Барабанщица». Попробуйте прочитать эту пьесу — вряд ли вам это удастся. Но мама так играла, что на тот спектакль просто ломилась публика.

Ее обаяние, заразительность, красота и внутренняя сила никого не могли оставить равнодушными. Успех спектакля был так велик, что эту пьесу стали ставить во всех городах. Салынский прекрасно понимал, кому он обязан такому триумфу, и говорил мне:

фото из семейного архива

▲ Жизнь Людмилы Фетисовой оборвалась в самом расцвете

— Ваша мама была великой актрисой. Если бы не ее изумительная игра, «Барабанщице» никогда не видать того ошеломляющего успеха, который выпал на ее долю.

Он признавался, что смерть мамы для него — одна из самых страшных личных трагедий. А в 1986 году ко мне подошел Александр Володин и сказал:

— Если бы не твоя мама, не было бы «Осеннего марафона».

Его «Фабричная девчонка» не относится к числу лучших пьес. Когда он написал ее, он был никому не известным автором небольших рассказов. «Фабричная девчонка» была его первой пьесой. Маме эта пьеса очень понравилась. Она сыграла в ней, и получился шедевр.

В 29 лет маме дали звание заслуженной артистки. Все вспоминали, что, когда она выходила на

сцену, зал замирал. Михаил Царев называл ее Ермоловой нашего времени. А Людмила Касаткина говорила:

— Люся была кометой. Мы ей завидовали.

Маму приглашали многие театры. Ее буквально рвали на части. Георгий Товстоногов много раз предлагал перейти в БДТ, обещал

большую квартиру на Невском. Она не согласилась. Она не захотела уходить из своего театра.

Маму приглашали в кино. Часто присылали сценарии, особенно в последние годы жизни, но так ни разу и не сняли ни в одном фильме. Думаю, многие режиссеры боялись, что она невольно будет тащить одеяло на себя. Она подавляла их масштабом своей личности, к ней нельзя было подстроиться. Да и мама не соглашалась играть то, что ей не хотелось. Она была разборчива и знала себе цену. Любила резать правду-матку. Естественно, не всем это нравилось. Когда к ней пришла известность, папа ее предупреждал:

— Теперь ты тяжеловес. Соизмеряй силу удара. Сейчас, даже если ты скажешь что-то вполголоса, ты можешь убить человека.

Папа рассказывал, что мама была очень веселой, смешливой, но в последний год редко улыбалась и часто плакала. Папа, который ее обожал, пытался успокоить:

— Люся, как тебе не стыдно. Ты такая потрясающая актриса, у тебя такой муж, такой сын. Все тебя боготворят. Плюнь на них. Переходи в другой театр.

Но она была предана своему театру. И вот наступил тот роковой день. Мама плохо себя чувствовала, но в театре был худсовет, и она, конечно же, не могла его пропустить, не могла промолчать. В последний раз она вышла из своей квартиры. На худсовете ей стало плохо. Актер Федор Чеханков, который тоже был на том худсовете, потом рассказывал, что она стала выступать, говорить, что ей стыдно за театр, и вдруг потеряла сознание. Ее вынесли на руках. Оказалось, у нее, как и у Андрея Миронова, была аневризма сосудов головного мозга. Папе объясняли, что она была обречена. Ей нельзя было быть актрисой, но никем другим она быть не могла. И играть вполсилы не умела. Похоронили маму на Новодевичьем кладбище.

Ни живых, ни мертвых не щадил
Ураган, свалившийся на город.
Он разбит, разорван и распорот
От зубцов кремлевских до могил.
И паденье сломленных стволов
Не смягчили корни или ветки.
И лежат придавленные предки,
Их потомки не находят слов...
Разломилось кладбище на части,
Но одна плита других целей...
И впервые плачу я от счастья
На могиле матери своей.

Сергей Таратута

Поэт

Фото из семейного архива

АННА ТЕРЕХОВА

Анна Терехова

Другая Маргарита Терехова

В детстве маму я видела нечасто. Она жила между съемочными площадками и театром, поэтому воспитывала меня бабушка. Но когда я заболела, мама тут же бросала все дела — приезжала и, заметно волнуясь, выговаривала бабушке, что у меня температура. Они всегда немножко спорили, как меня надо лечить, а я переживала за них обеих. Но зато было счастьем наблюдать на мамой. От нее всегда так вкусно пахло, она была небесной...

И еще я очень любила смотреть, как мама спит. Спала она у нас на диване, у нее привычка была: спать на спине, закрывая лицо во сне руками, и ее роскошные волосы так красиво свисали по подушке вниз, а я все смотрела-смотрела...

О красоте Маргариты Тереховой говорили в ту пору очень многие. На нее оборачивались, к ней подходили знакомиться. Но самое настоящее волшебство происходило, когда она появлялась на сцене. Зал просто замирал! Обычно актрисы, знающие о своей обворожительной внешности, ведут себя немного высокомерно. А у моей мамы никогда не было этого качества. К ней можно было прийти за кулисы, и она со всеми охотно общалась. И всегда она была центром любой компании, умела всех подключить к разговору, даже стоящих в сторонке вовлекала. Миф о ее несносном характере — непонятно откуда.

Когда она собиралась рожать моего брата Сашу, главная акушерка в роддоме, видя, что перед ней Маргарита Терехова, злобно сказала:

— Она будет у меня, как все!

В том смысле, что отдельных палат и «особых условий» артистам не полагается. И это маму очень ранило: она и не думала просить ни о каких условиях, но ее взволновало, что акушерка так о ней подумала.

А вообще в повседневной жизни мама никогда не выделялась, не подчеркивала собственную значимость. Однажды они с подругой Наташей Веровой плыли на корабле. У мамы была шляпа с широкими полями, закрывавшими все лицо, она ее специально надевала, чтобы ее не узнавали. Сидели они на верхней палубе, рядом фотографировались люди, и один мужчина маме сказал:

— Женщина, отойдите в сторону, вы попали кадр.

Мама послушно сказала:

— Хорошо, — и отошла. И вдруг ее кто-то из пассажиров узнал, и окружающие стали шептаться:

— Терехова, Маргарита Терехова...

Выстроилась очередь за автографами, подбежал и мужчина с фотоаппаратом. На него страшно было смотреть. Он бухнулся на колени и стал умолять:

▲ *Маргарита Терехова с дочкой Анной и сыном Александром*

— Пожалуйста, вернитесь в кадр, я так мечтаю с вами сфотографироваться!

Главное мамино качество — необыкновенная доброта. Она никогда не могла пройти по улице мимо просящих милостыню, подавала всем нуждающимся. Иногда, получив зарплату в театре, раздавала ее по дороге. А еще она следовала грузинскому обычаю: если гостю понравилась какая-то вещь — ее нужно подарить.

Я обожала с ней ездить на съемки, поскольку она всегда много возилась со мной — читала на ночь, рассказывала всякие истории. Да и вообще, чтение для нее самая большая страсть. Я говорила:

— Мама, давай очки тебе закажем, — но она отказывалась, поскольку считала, что как только наденет очки, сразу превратится в бабушку. А бабушкой быть — это не про нее.

▲ *«Андрей Тарковский называл маму «актрисой-подробницей», поскольку она всегда дотошно его расспрашивала»*

Андрей Тарковский называл маму «актрисой-подробницей», поскольку она всегда дотошно расспрашивала, почему так, отчего эдак? Например, когда в театре она получила роль в «Милом друге», то попросила свою подругу, которая знала французский в совершенстве, перевести для нее роман: вдруг в существующем переводе упущены важные детали?

Тарковский ценил ее за это. Однако на съемках «Зеркала» они поругались. Сценария у фильма не было — Тарковский снимал автобиографичный фильм, и никто, кроме него, не знал «сюжета». Они накануне разбирали сцену, а назавтра снимали. Но мама все время тербила Марию Ивановну (мату Тарковского), требуя рассказать, каким Андрей был в детстве, какой он.

Впрочем, поругались они не из-за этого. В одной сцене Тарковский настаивал, чтобы Терехова на съемках отрубилa голову петуху.

Мама сказала, что не сделает этого. Завязался спор и, защищаясь, она обронила:

— Если снял «Андрея Рублева», больше ничего снимать не надо! — и ушла на подгибающихся ногах в неизвестном направлении...

Тарковский ее догнал:

— Да будет тебе известно, я снимаю свой лучший фильм...

Но съемку приостановил. А через несколько дней мама случайно увидела его кинематографический дневник с комментариями к кадрам: «Произошла катастрофа. Рита отказалась рубить голову петуху, но я и сам чувствую, что здесь что-то не то...» В итоге в фильме ограничились криком петуха, перьями и крупным планом потрясенного лица.

“Мама была отличницей и очень аккуратной девочкой, всегда убирала свой столик. Вот не сядет делать уроки, если беспорядок. В соседнем дворе была баскетбольная секция, в которую она ходила, и тренеры ее очень любили. Со временем она даже стала капитаном баскетбольной команды

Кстати, своей популярностью мама, по-моему, воспользовалась лишь однажды, когда должна была попасть в Дом кино — на премьеру того же «Зеркала». Был лютый холод, она подошла ко входу, но пройти в дверь не смогла, поскольку Дом кино был окружен плотной стеной желающих увидеть премьеру. Тогда подруга Наталья ей сказала:

— Стоять бесполезно, давай попробуем войти с тыльной стороны — там, где ресторан.

Пошли туда. Постучались. Появился повар:

— Ну? Чего вам?

Наталья говорит:

▲ «Я обожала с ней ездить на съемки, поскольку мама всегда много возилась со мной»

— Вот, это — Маргарита Терехова, ей надо пройти на сцену выступить перед зрителями...

А на подругах теплые шапки нахлобучены, и повар и не узнал никакой Тереховой. Тогда Наташа стала уговаривать маму снять шапку. Та долго сопротивлялась, ей было неловко, но когда мамини золотистые волосы появились наконец из-под головного убора, повар тут же извинился, открыл дверь и позвал всех работников кухни:

— Посмотрите, это ведь Маргарита Терехова!

Так мама с черного хода попала на собственную премьеру.

Мама была отличницей и очень аккуратной девочкой, всегда убирала свой столик. Вот не сядет делать уроки, если беспорядок. В соседнем дворе была баскетбольная секция, в которую она ходила, и тренеры ее очень

любили. Со временем она даже стала капитаном баскетбольной команды Узбекистана (юношеской сборной), всегда дружила с мальчиками, а они почти все были в нее влюблены. Об этом мне рассказывал режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, который жил по соседству и тоже был влюблен. Окончив школу с золотой медалью, мама вместе

с одноклассниками поступила на физико-математический факультет Ташкентского университета, ей было все равно, куда поступать, а учиться она любила. Но через год поняла, что занимается не своим делом и уехала в Москву поступать в театральный. Ее не приняли во ВГИК, зато она попала в Студию при Театре Моссовета к Юрию Александровичу Завадскому, и осталась в этом театре на всю жизнь.

Ее здесь всегда любили. Например, очень теплые отношения связывали маму с Фаиной Георгиевной Раневской. Однажды, еще студенткой, она бежала по темному коридору театра и вдруг столкнулась с Фаиной Георгиевной. Чтобы загладить свою вину, с перепугу спросила:

— Фаина Георгиевна, а вы забываетесь, когда играете на сцене?

На что та спокойно ответила:

— Дорогая моя, если я буду забываться на сцене, то свалюсь в оркестр, — и степенно двинулась дальше.

Вместе с Фаиной Георгиевной мама играла в спектакле «Дальше тишина», у нее там была маленькая роль внучки. И однажды Раневская ее проучила, поскольку мама опоздала в театр со съемочной площадки. Ничего криминального не произошло: мама заранее позвонила, сказала, что не успевает и вместо нее стали готовить к спектаклю другую актрису. Однако в последний момент мама приехать успела. Быстро переоделась и пошла на сцену. Но Раневская жутко сердилась и первые двадцать минут в упор ее не замечала, даже говорила свои реплики в сторону, но к концу спектакля все же оттаяла и доиграла спокойно, потому что маму очень любила.

А еще с Раневской они играли в спектакле «Шторм», где почти весь состав театра занят в массовке. У мамы в ту пору был невероятно плотный график, день — съемки, день — летит на спектакль и опять — в театр. Представляете, она приезжала, уже будучи популярной, известной актрисой, участвовать в этой массовке потому, что некоторые фыркали:

— А где эта наша Терехова?!

Мама и не отказывалась от массовки, пока сам Завадский разрешил ей не приходить.

Когда мама забеременела мной, в театре готовились к спектаклю «Живой труп», все, конечно, узнали о маминой беременности. Первой позвонила Раневская:

— Риточка, деточка, у вас такая карьера, все так удачно складывается, а из-за того, что вы в положении, вы можете потерять такую роль!

Мама ей ответила:

— Фаина Георгиевна, неужели живой ребенок не дороже одной или нескольких ролей?

И Раневская, помолчав, ее поддержала:

— Да, конечно, конечно, вы правы...

Анна Терехова

Заслуженная артистка РФ

Фото: Александр Мартемьян

РИМАС ТУМИНАС

Римас Туминас

Однажды мама меня спасла

Раньше многие говорили, что я похож на отца: смуглая кожа, грубоватые руки, некая угловатость в движениях. А вот глаза — мамины. И восприятие мира у меня тоже от мамы. И если есть во мне интуиция или сентиментальность, жалость, сочувствие, то это, безусловно, от нее. Несмотря на свой тихий и терпеливый характер, мама способна была на поступок.

Это была очень нежная и деликатная русская женщина. Ее предки — дворяне-старообрядцы, — веками жили на Псковской земле, имели крепкое хозяйство, достаток. А когда начались гонения за веру, они, все бросив, бежали в Литву, и поселились в одной из многочисленных старообрядческих деревень.

А мама крестилась в католической церкви, потому что очень хотела выйти замуж за моего отца и венчаться в костеле. Это трогательная история любви. Родители моего отца категорически не разрешали им жениться без венчания. В те времена такая совместная жизнь считалась большим грехом. И мама решилась пойти против своей родни. Это был поступок сильного духом человека. Ради любви. Она и имя поменяла: из Веры превратилась в Веронику или, по-литовски, Веруте.

У нее всегда были печальные глаза. Постоянно грустила и вздыхала. Делает что-нибудь по дому и вздыхает. У меня ее вздохи вызывали жалость и желание помочь.

Детские годы я помню слабо, впечатления менялись, потому что мы часто переезжали с места на место. Везде по три-четыре года жили. Не знаю, как мама воспринимала эти переезды, жалела ли о том, что приходится оставлять обжитой дом. Она никогда не говорила об этом, не жаловалась. Разве что говорила, что верит в Космос, верит в Разум, это и есть Бог.

Когда мне было лет 15, отец уехал в Клайпеду, чтобы учиться на мореходных курсах. А я на летних каникулах устроился работать в управление дорог. Это громко звучит. На самом деле от Эндреваса до Аблинги я убирал вдоль обочин сено и вырубал кусты. Гравийная дорога, жара, пыль, комары, мухи... Но зарабатывал я неплохо. Мама в то время не могла работать, так как родила моего младшего братика. Семейю содержал в основном я.

Мама всегда зарабатывала шитьем. У нее был хороший вкус и золотые руки. Все учительницы моей школы шили в нашем доме наряды. Мама всегда беспокоилась:

— Ну, как ее убедить, что ей это не подходит? У нее крупная фигура, а она хочет узкое платье.

Очень переживала по поводу своих клиенток, хотела, чтобы одежда, сшитая ее руками, сделала их красивее. Ее творческие муки были

Фото из семейного архива

▲ Римас Туминас (в первом ряду слева) с родителями и братом

точно такие же, как у меня сейчас в театре. Так много этих женщин было, и все такие разные. Они не только любопытство у меня вызывали, но и раздражение: приходят, а мне приходится перебираться в другую комнату. Мама выгоняла:

— Иди уроки готовь!

Я уходил, но невольно отвлекался, слыша шорох платьев.

Конечно, мама была эстеткой. К своей внешности относилась придирчиво и, сколько ее помню, очень переживала из-за бровей. Часто сетовала:

— Ах, прямо как у свиньи. Нет бровей, нет совсем.

И всю жизнь их подрисовывала.

Заказчицы маму ценили еще и за то, что она много за работу не брала. Но однажды вдруг нагрянула инспекция, поскольку тогда

шла кампания по борьбе со спекулянтами. Мол, она занимается нелегальной деятельностью.

А я тогда увлекся скульптурой. Пластилина у меня не было, поэтому лепил из теста. Мама раскатывала тесто, давала мне кусок, и я пытался что-нибудь вылепить. Позже я пытался лепить из глины, еще позже — из пластилина. Мне очень нравилась лепка. Думал, что стану скульптором.

Так вот, как только к маме заявились с проверкой, я, помню, уселся на диван. Инспекторы мне:

— Марш с дивана!

— Не уйду! Покажите ордер на обыск.

Стащили они меня за руку и попытались открыть диван. Но он не открывался, это был обычный диван для сидения, а не раскладной диван-кровать. А проверяющие все пытались поднять диванное сиденье: вдруг там мама прячет шитье или отрезки материала на продажу. Тогда это была бы уже не просто нелегальная деятельность, а спекуляция. В комнате стояла небольшая этажерка, а на ней бюст Ленина, который я вылепил. Тут мама и говорит:

“*Детские годы я помню слабо, впечатления менялись, потому что мы часто переезжали с места на место. Везде по три-четыре года жили. Не знаю, как мама воспринимала эти переезды, жалела ли о том, что приходится оставлять обжитой дом. Она никогда не говорила об этом, не жаловалась*

— Что вы делаете? Не трогайте моего сына! Он Ленина вылепил.

Инспектор поворачивается ко мне и кричит:

— А разрешение у вас есть? А знаете, что нельзя Ленина лепить? Начнет тут каждый Ленина лепить! Это святая вещь.

С этими словами он взял бюст Ленина, и с размаху разбил его об печку. Я почувствовал себя пострадавшим от советской власти.

Когда живешь без отца, то некому заступиться. Мама жила в постоянной тревоге, что нас выгонят на улицу из служебного дома и надумала уже корову продавать. В итоге интуиция ее не подвела. Мы все

понимали, что до следующей зимы не протянем в этом доме. Тем более соседи уже стали покушаться на наш огород. Нас совсем прижали. Тогда мама велела мне ехать в Клайпеду, разыскивать отца. А адреса его мы не знали. Отец писал маме письма, но обратный адрес никогда не указывал. Но мама была уверена, что я смогу его найти в городе.

Утром я сел на велосипед, сказал, что вернусь поздно, и покрутил педали в сторону Клайпеды. Это, ни много ни мало, сорок километров. Мне шел семнадцатый год, а я никогда еще не был в городе. Я думал, что Клайпеда чуть больше нашей деревни. А приехав, испугался: улиц много, домов много. Меня сразу же остановил милиционер, выкрутил ниппели из камер, выпустил воздух, а ниппели конфисковал. В те времена нельзя было развезжать на велосипедах по центральной улице. Как я вернусь домой, ведь мама будет волноваться? Я сел на тротуаре, не зная, что делать. И тут произошло чудо. Смотрю — по противоположной стороне улицы идет мой отец. Он не видел меня. Не окликая его, я пошел следом, таща на спине свой бесполезный велосипед. Отец вошел к какой-то дом, постучал в дверь квартиры и скрылся за ней. Оставив велосипед в коридоре, я постучал в ту дверь. Открыла женщина. Я говорю:

— Ищу Туминаса.

Она:

— Владас, тут к тебе какой-то мальчик.

Отец пригласил меня войти. Здесь резко пахло чужой жизнью. Отец стал предлагать мне свитера, широкие матросские брюки со словами:

— Мама ушьет.

А я ему говорю:

— Мама плачет.

Я по ночам слышал, как она вздыхает и всхлипывает. Она жалела меня и моего маленького братишку, которому шел только второй годик, оплакивала свою несчастную судьбу. Я сказал это отцу и ушел. В полночь с его подарками я вернулся домой. Но маме я ни в чем не признался, не

ФОТО ИЛСЕВИЧЮТО ЯРМА

хотел ее расстраивать, чтобы она еще больше плакала. Думаю, что она и без моих слов все прекрасно понимала.

Спустя месяц приехал отец. Они с мамой долго вдвоем сидели на кухне, тихо разговаривали. Потом отец уехал, а когда вернулся, объявил, что забирает нас в Клайпеду. Мама привычно начала паковать вещи. А я не поехал, решил окончить школу в Эндревасе. Если честно, я просто боялся переводиться в клайпедскую школу: там ведь уже сформировавшиеся классы, и я понимал, что не приживусь, потому что у меня не тот уровень. Мама меня понимала и потому настаивать не стала.

Я остался жить один. Скучал ли по маме? Не помню. Некогда было предаваться эмоциям: я учился, а после школы работал, сам себя содержал.

Но едва окончил десятый класс, часть служебного дома, в котором я жил, чиновники отобрали. Куда податься? Пришлось ехать к родителям в Клайпеду. Мама была рада воссоединению семьи.

Я поступил в вечернюю школу, чтобы иметь законченное среднее образование, а днем работал сварщиком. Но это, конечно, не было пределом моей мечты. Получив аттестат о среднем образовании, я поехал в Каунас, где в профессионально-техническом училище были курсы киномехаников. Но в Каунасе мне не понравилось. Я не увидел себя героем в этом городе. Должен был быть в другом — намного красивее! Намного! Вернулся к родителям. И тут вдруг мама прочитала в газете, что в Вильнюсе объявлен дополнительный прием на телевизионную режиссуру, и говорит:

— Видишь, дополнительный! Значит, у них недобор! А ты ведь как раз с кино связан.

Ее уверенность передалась мне. Во мне сразу же все всколыхнулось. И я решил: еду. К своей мечте я впервые в жизни полетел на самолете — на «кукурузнике». И сколько потом было еще авиаперелетов в моей жизни, но такого ощущения тревоги и счастья не испытывал больше никогда.

В Вильнюсскую консерваторию, на телевизионную режиссуру, меня приняли на правах кандидата. Когда меня спросили: «Так вы хотите учиться?» — я сделал паузу и вспомнил маму. Я знал, что если скажу маме: «Понимаешь, может, это не совсем то, что я хотел... А может, и вообще не то...» — она мне поверит.

После паузы я сказал педагогам:

— Да! Хочу!

— Вот это мы и хотели от вас услышать. Хорошо, мы согласны вас принять на правах кандидата.

Так я стал кандидатом в студенты консерваторского курса телевизионной режиссуры.

А уже спустя четыре года, не окончив учебу, я просто сбежал в Москву — поступил в ГИТИС. Руководил нашим курсом Иосиф Туманов, прекрасный педагог и постановщик: он ставил оперы, организовывал мероприятия и был главным режиссером церемонии открытия и закрытия Олимпиады-80 в Москве. Так вот, в годы моей учебы он готовил концерт, который должен был везти в Париж. Для этого концерта требовалась массовка, поэтому Туманов задействовал нас. Репетиции проходили в Ленинграде. Мы выслушали все инструкции, получили суточные, а из наличных могли себе оставить только три рубля. Когда раздавали паспорта, я заметил, что мой паспорт — не зарубежный. Вернули мне советский паспорт, в который был вложен обратный билет в Москву и сказали, что в Париж я не полечу. Весь курс улетел, а я —

нет. Думаю, что это из-за того, что сестры отца эмигрировали: одна во время войны в Америку, а вторая после войны — в Австралию.

Я позвонил маме, чтобы рассказать обо всем. Не знал, что делать дальше, хотел все бросить и уехать в Литву. И пока эта идея бродила в моей голове, однажды утром открылась дверь моей комнаты в общежитии, и на пороге стояла мама. Приехала в Москву! Как она нашла меня? Как приехала? Как не заблудилась в городе? И зачем приехала?

А она говорит:

— Я недавно прочитала, как Есенин покончил с собой, и мне стало не по себе.

Она интуитивно почувствовала, что мне очень плохо, и приехала поддержать. Хотела даже идти к Брежневу. Требовала, чтобы я помог ей найти то место, где он работает. Мы приехали на Красную площадь, и я говорю:

— Вот, мама, видишь?

Она молча прикусила губу, тем дело и кончилось. Побыла у меня еще несколько дней и улетела. Это был поступок. Вот тогда-то я вдруг понял, насколько безгранична сила материнской воли, желание спасти ребенка и восстановить справедливость... Она просто меня спасла.

Римас Туминас

Режиссер, художественный руководитель Театра им. Вахтангова

Фото: Александр Мартемьян

АНЯ ЧИПОВСКАЯ

Аня Чиповская

Она словоохотливый зритель

Думаю, что круче моей мамы — Ольги Чиповской — я мало видела актрис. Потому что она невероятного таланта женщина и невероятного диапазона актриса: от комедии до трагедии и драмы.

Моя мама играла в Театре им. Вахтангова Адельму в «Принцессе Турандот», Фаншетту в водевиле «Два часа в Париже», Абигайль в «Стакане воды», главную роль в спектакле «Девушка-гусар», Цыганку в постановке «Три возраста Казановы»... Чего только она не переиграла! А из недавних постановок с ее участием — «Пристань» и «Улыбнись нам, Господи». У нее талант трагической клоунессы, что дано не каждому.

Если говорить про небожителей, то я очень любила Галину Львовну Коновалову. Она была большая подруга моей мамы, они созванива-

лись несколько раз в неделю и подолгу общались. Когда Галины Львовны не стало, моя мама очень глубоко это переживала и скучает по ней до сих пор, по этим остроумным разговорам.

Я с большой любовью и невероятным уважением отношусь к Юлии Константиновне Борисовой. Это поразительно просто, но, если честно, у меня — до дрожи в коленях. Я, когда прихожу в Вахтанговский театр, то Юлия Константиновна всегда останавливается и подолгу разговаривает со мной, рассказывает про мои работы, которые она, оказывается, смотрит. Я в шоке пребываю каждый раз, поскольку, ну что для нее, казалось бы? Какая-то девочка, ну, дочка Оли Чиповской. Но нет. Она останавливается и рассказывает, какое на мне было красивое платье, в каком фильме она меня видела (оказывается, она все это смотрит, следит). Я не нахожу слов каждый раз от ее внимания к себе.

Или, скажем, Василий Семенович Лановой — любимый человек, очень много для нас сделавший. Когда я была маленькая, нам жилось нелегко, но были какие-то выезды, когда актеры могли подработать, и он всегда приглашал маму, всегда заботился о ней.

Михаил Александрович Ульянов был большой помощью всегда и другом нашей семьи. Вырасти в таком театре, как Вахтанговский, — это вообще счастье, потому что количество легенд на квадратный метр просто невероятное.

Людмила Васильевна Максакова. Недавно мы шли по Никитской, она сидела в кафе и подозвала нас. Мы подошли, долго разговаривали с ней. Потрясающая женщина, просто грандиозная, какое-то средоточие юмора, иронии, ума — всего, что я больше всего обожаю в женщинах.

В детстве, разумеется, думала, что поступлю в Щукинское училище, пойду по маминим стопам. И действительно, я ведь изначально туда и поступила. Но не знаю, как так бывает в жизни, когда ты о чем-то долго мечтаешь, а потом выбираешь другое.

- ▶ *«Круче моей мамы я мало видела актрис, потому что она невероятного диапазона: от комедии до трагедии и драмы»*

Дело в том, что, когда я поступала в Школу-студию МХАТ, курс набирал Константин Райкин. Я туда попала и поняла, что это до такой степени мое место и оно настолько живое. Хотя Щукинское училище, этот огромный институт, эти лестницы, простор и на его фоне — Школа-студия, такая коробочка. Но я ничуть не сомневалась в правильности своего выбора, не хотелось против себя идти. И не сомневаюсь до сих пор. А в Вахтанговском театре действительно очень здорово рабо-

“Всегда буду смотреть на кумиров моего детства снизу вверх, потому что масштаб их личности слишком велик. И помимо таланта, это проявляется в их отношении к делу, отношению к театру. В этике и мелочах

тать. Для меня это связано еще и с его запахом, совершенно особенным, я боялась, что после ремонта он исчезнет, но он остался — и это настоящее чудо.

Я туда прихожу, и в животе начинает болеть, такое волнение охватывает, очень странные ощущения. Нигде так не пахнет, как в Театре Вахтангова — ни в МХТ, ни в «Табакерке», ни в других больших театрах, в которых мы играли. А мы ведь играли на гастролях и в Александринском, и в БДТ, и в Саратове в Театре имени Слонова с его огромным зрительным залом. Но все равно такого ощущения, как в Театре Вахтангова, не возникает у меня больше нигде.

Меня нельзя было оставить дома, если мама собиралась на спектакль. Я рыдала, это были истерики. Мама пыталась каких-то нянь для меня находить, но я сжирала нянь. И за кулисами на стульчике около

фото из семейного архива

▲ Ольга Чиповская – Дорис в спектакле Театра им. Вахтангова «Девичник над вечным покоем»

режиссерского пульта просидела все спектакли. «Принцессу Турандот» я видела бесчисленное количество раз. Еще была потрясающая сказка «Али-Баба и 40 разбойников», Галина Львовна там играла в пару с Дарьей Максимович Пешковой, а Лидия Вележева в составе с Нонной Гришаевой были удивительными Шехеразадами. Моя любимая Анна Дубровская!.. Я ее обожаю. «Отелло» с Симоновым, Маковецким и с ней смотрела не знаю сколько раз. Она одна из лучших. До сих пор, если у Дубровской какая-то премьера, я всегда хожу.

Всегда буду смотреть на кумиров моего детства снизу вверх, потому что масштаб их личности слишком велик. И помимо таланта, это проявляется в их отношении к делу, отношению к театру. В этике и мелочах.

В том, что кулисы, например, нельзя трогать руками. Не потому что это такое суеверие, а потому что они шевелятся. И это отвлекает. Нельзя ходить по сцене в уличной обуви. Нельзя пересекать сцену из кулисы в кулису даже после окончания рабочего дня (можно пройти только за сценой). Это какие-то этические моменты, которые и в институтах не всегда преподают. Но ничего, дети попадают в театр, и им быстро все объясняют, поскольку эти вещи передаются.

Нельзя разговаривать за кулисами. Меня в театре заключают скоро за это, но я превращаюсь в истеричку, бегаю и говорю:

– Не орите!

Мне кажется, что люди уже ржут надо мной. Но меня шум за сценой страшно раздражает. Я ненавижу, когда люди громко разговаривают за кулисами, потому что мне это мешает. Да и не только мне. Казните меня, но, может быть, сейчас кто-то на что-то настраивается...

Если к моей маме подойти перед спектаклем и спросить что-нибудь несерьезное, мне кажется, она может убить на месте. И правда, что ты лезешь? Потом поговорим, после спектакля.

У ее поколения отношение другое, не халатное. Это как азбука, без которой нельзя. Так что пусть меня не любят и три раза скажут:

– Ань, ты больная!

Но пусть я лучше буду больная, чем терпеть закулисное хамство. Я его терпеть не буду, я вообще в определенных ситуациях могу быть крайне несдержанным человеком.

Мнение мамы гораздо важнее для меня, чем мнения многих других людей. Она словоохотливый зритель, разбирает спектакли, дает ценные указания... Конечно, я могу артачиться, говорить, мол, ты ничего не понимаешь! Но я прислушиваюсь к ней.

Когда мама в зале и мамы нет, для меня это разные спектакли. Я ужасно волнуюсь. Вы знаете (уверена, что это не только моя особенность), я вообще ненавижу звать гостей на свои премьеры. У меня не бывает гостей на спектаклях. Ну, разве что за исключением «Кинастона», потому что его все хотят посмотреть, а билеты разбирают за месяц.

Аня Чиповская

Актриса Театра Олега Табакова

Фотосъемка: Мирвана

ШАМИЛЬ ХАМАТОВ

Шамиль Хаматов

Несостоявшийся энергетик

Сколько себя помню, я всегда был непослушным ребенком. Учился неважно, уроки пропускал, меня хотели даже выгнать за хулиганство. В общем, маме со мной пришлось нелегко. В 9-м классе я в очередной раз решил прогулять сочинение по литературе. Выбежал из класса и... наткнулся на маму. Сбежать не смог, а учительница пригласила маму на разговор и в порыве сказала ей:

— Марина Галимулловна, я сочувствую, что у вас растет такой сын.

Меня это сильно задело, я пообещал себе, что больше никогда не буду маму расстраивать.

По профессии наши с Чулпан родители технари: папа — инженер-электрик, мама — долгое время проработала на казанском заводе, где

изготавливались микросхемы для подводных лодок. В общем, оба далеки от творческой среды и, конечно, в роду у нас актеров не было. Хотя не так давно выяснилось, что двоюродная бабушка мечтала стать актрисой и ее даже приглашали на какие-то съемки. Но поскольку моя прабабушка была властной женщиной и держала всех в кулаке, то свою дочь никуда не пустила. Причем история повторилась и спустя одно поколение: мама моя тоже мечтала о театре, но теперь уже бабушка пресекала это желание.

Так было и в нашей семье: родители хотели, чтобы мы с Чулпан получили серьезное образование. Сестра должна была стать экономистом, а я — энергетиком, как мой отец. Дисциплина прививалась нам с детства: мама следила за школьной успеваемостью, папа же больше отвечал за наши спортивные достижения, ведь Чулпан долгое время ходила на фигурное катание, а я до 16 лет занимался водным поло.

Чтобы Чулпан успевала поесть в промежутке между школой и тренировками, мама оставляла ей суп в термосе. Но однажды пришла с работы раньше сестры, попробовала этот суп и... схватилась за голову: суп остыл и был мерзкий на вкус. Видимо, тогда зародилась идея целиком посвятить себя семье. А вскоре у нее на работе произошел какой-то конфликт, и моя мама — правдолюб по натуре — сказала все, что думала, хлопнула дверь и навсегда оттуда ушла. Так она осталась с нами.

Правда, воспитанием Чулпан маме было заниматься гораздо проще, чем моим. За мной нужен был глаз да глаз.

Я сейчас с ужасом наблюдаю за своими племянницами и понимаю, какой же это адский труд — воспитывать детей. При том что они хотя бы еще учатся хорошо, а я же всю жизнь был двоечником.

В семье за мной устанавливался тотальный контроль. В нашем же доме, но в другом подъезде жила моя бабушка. Ее окна выходили во двор, а у родителей — в противоположную сторону. И у нас были два

фото из семейного архива

▲ Марина Галимулловна и Шамиль Хаматовы

телефона, подключенные по параллельной линии. Как только я выходил во двор, бабушка тут же подходила к окну, следила, чем я занимаюсь и передавала всю информацию родителям. Как только бабушка сообщала, что я покинул двор, к окну подходила мама.

Намерение Чулпан уехать в Москву и там получить актерское образование в семье восприняли болезненно. Родители никак не могли решиться отпустить ребенка в незнакомый город, да и я тоже очень скучал, ведь у нас с Чулпан разница в 10 лет, и я с детства привык к ее опеке — она стирала пеленки, гуляла. Однако никакой ревности к родителям, конкуренции за их внимание, как это часто бывает в семьях, у нас не было: мы с сестрой были одинаково любимы.

Со временем я и сам оказался в столице — занимался здесь водным поло, выступал за команду «Динамо» и как-то постепенно отбил от родительского надзора. Однажды пришел к Чулпан в «Современник» на спектакль «Три товарища». И меня настолько вдохновила эта постановка, что я впервые задумался о том, чтобы поступить в театральный. Рассказал об этом Чулпан, она поддержала: «А что, попробуй». Родителям мы решили об этом не говорить, делали все втихаря. Но материнское сердце не обманешь. И она, заподозрив «заговор», вдруг

примчалась в Москву. Но было поздно: на тот момент я уже поступил в РАТИ — и ей оставалось только смириться.

Так мама стала жить на два города. Мы с сестрой поселились в Москве, а в Казани остались папа и бабушка. Помню, как мама часто приезжала к нам сюда и привозила тяжеленные сумки с гостинцами. Понятия не имею, как она это все довозила. А когда мы на каникулах возвращались домой, она окружала нас невероятной заботой. Вообще, мама у нас готовить не очень любит, но, когда мы приезжаем, буквально закармливает нас всякими вкусностями. Все что касается татарской кухни — пироги, «треугольники» — у мамы получаются отменно! Каждый раз говорю себе «хватит», пытаюсь остановиться, надо же следить

“Я сейчас с ужасом наблюдаю за своими племянницами и понимаю, какой же это адский труд — воспитывать детей. При том что они хотя бы еще учатся хорошо, а я же всю жизнь был двоечником

за фигурой, но все равно срываюсь. Все-таки не каждый месяц удается приехать к родителям в гости.

Гораздо чаще в Казани бывают мои племянницы, дочери Чулпан: практически все каникулы они проводят с бабушкой. И, надо сказать, она тоже их бдит, относится к ним не менее строго, чем в свое время к нам. Но это ее метод воспитания: когда девочки с ней, они становятся как шелковые и выполняют все беспрекословно. Но как только появляется кто-то еще, например, Чулпан или я, они начинают себя вести развязно, потому что знают: мы их защитим.

Впрочем, к нам с сестрой мама тоже по-прежнему строга. Она старается смотреть все наши фильмы, приезжает на премьеры. Но похвалу из нее вытянуть сложно. Правда, ей понравился наш новый спек-

► *«Сестра должна была стать экономистом»*

фото из семейного архива

▲ *«Маме со мной пришлось нелегко...»*

такль «Эмилия Галотти». Мама сказала, что для нее моя работа в этой постановке была неожиданной. Очень хочу, чтобы она посмотрела и новую редакцию «Играем...Шиллера!», где Чулпан потрясающе сыграла Марию Стюарт.

Шамиль Хаматов
Актер «Современника»

фото: Анатолий Марковкин

Фотос Анастасии Морозовой

ЛЮДМИЛА
ЧУРСИНА

Людмила Чурсина

Меня потеряли в картофельном поле

У моей мамы было необычное имя Геновефа Ивановна. Ее отец — латгальский латыш. Именно он и дал его маме. У него в Латвии так звали какую-то тетку. А вообще-то Геновефа — святая. Мамочка вышла замуж очень рано. Мой будущий папа заметил ее, когда она училась еще в 10-м классе. Он в то время был уже курсантом военного училища. Как только она окончила школу, он приехал за ней на белом коне и повез в загс.

Когда началась война, папа сразу же ушел на фронт. А моя молоденькая, беременная мной, мама отправилась из Риги, где они в то время жили, к родителям в Великие Луки. По пути, где-то на Псковщине, она и родила меня в медсанбате. А буквально на следующий день двинулась

дальше. В это время был жуткий налет. Все бросились врассыпную и в панике они с бабушкой потеряли меня в картофельном поле (бабушка думала, что я на руках у мамы, мама — что я у бабушки). Но, к счастью, я заорала, и они по крику меня нашли. А позже в страшных снах маме еще не раз снился этот эпизод...

Хотели добраться до Ленинабада, где жила папина мать, но поскольку географию знали плохо, то послушали на станции какую-то женщину с огромными чемоданами. Она твердо сказала, что такого города не существует. Зато есть город Сталинабад (теперь это Душанбе). Взяли курс на Сталинабад, где не было ни одного знакомого. Там мама устроилась работать в госпиталь и пошла доучиваться на медицинский. Жили как все — впроголодь. Бабушка приносила гнилую морковь и ведро помоев. Этим и кормила семью. В конце войны приехал папа. Конечно, весь израненный, с исковерканным характером, но, слава Богу, с руками и ногами.

После войны мы вернулись в Великие Луки — к маминим родителям. Город был разрушен. Сохранились два-три дома. Люди жили под землей, в подвалах. Бабушка с дедушкой в первое время с детьми располагались в каком-то большом шкафу. Потом им дали двадцатиметровую комнату в бараке, а затем избушку на краю города — прямо напротив кладбища. Там в одной комнате помещались мама с папой и со мной, младшая мамина сестра с мужем и ребенком, средняя сестра с мужем и двумя детьми. Я забиралась на чердак, где стояла корзина. Сворачивалась бубликом и засыпала.

Затем папу послали служить в Тбилиси. Там мы прожили 7 лет. Дивный город — музыкальный, солнечный. В школу я пошла именно там. До сих пор люблю и помню грузинский язык, и в спектакле «Ханума» мне эта память очень пригодилась.

Моя мама в молодости была невероятно хороша собой. Когда в Тбилиси они с папой шли по спуску, то мужчины оборачивались. Папе,

с одной стороны, наверное, было приятно, что женщина рядом с ним вызывает такую реакцию, но он ревновал маму безумно.

Родители прожили в любви и согласии 61 год. Они были единством противоположностей. Мама сдержанная — она больше молчала, все переживания держала в себе, а папа горячий, чуть что — шашки наголо, но отходил очень быстро. А мама молчит-молчит, а потом отвечала с такой интонацией, что под потолком хотелось оказаться. Мамочка была очень деятельная — работала, вела хозяйство и всегда старалась дома соблюдать традиции.

“*Когда началась война, папа сразу же ушел на фронт. А моя молоденькая, беременная мной, мама отправилась из Риги, где они в то время жили, к родителям в Великие Луки. По пути, где-то на Псковщине, она и родила меня в медсанбате*

Я вначале училась ужасно. У меня были «двойки» по поведению. Я дурачилась, обезьянничала. Меня выгоняли с уроков. К тому же я постоянно меняла школы из-за переездов. После Тбилиси была Чукотка, потом Камчатка. У меня детство неизнеженное. Я и в куклы не играла. Предпочитала лазить по крышам и деревьям, драться. И двора моего детства у меня нет. Столько дворов было в жизни!

Когда же наконец мы вернулись в Великие Луки, я начала умнеть и окончила школу с золотой медалью. Решила поступать в МАИ. С этим и отправилась в Москву. А моя одноклассница, очень красивая девочка, поехала поступать в театральный. Уговорила меня пойти с ней за компанию. Я пошла. Ее не приняли, а я стала студенткой Щукинского училища. Сразу дала родителям телеграмму: «Поступила. Встречайте». Они и понятия не имели, куда же я поступила. Встречали меня все ма-

Фото из семейного архива

▲ «У моей мамы необычное имя — Геновефа»

мины сестры. И, когда я им сообщила, что буду учиться в театральном институте, все были в полном недоумении.

Уже когда я стала народной артисткой СССР, как-то муж маминей младшей сестры, летчик-испытатель, сказал мне с сожалением:

— Да, Милочек, а ведь ты могла бы стать человеком.

Видимо они все были настроены, что я стану хирургом или выберу еще какую-нибудь серьезную профессию, а я разрушила их надежды.

Я всегда была очень самостоятельной. Еще школьницей устроилась на завод, чтобы зарабатывать хоть какие-то деньги и делать родителям подарки. Когда училась в институте, они, конечно,

старались мне помочь, но не могли высылать достаточно денег. Была моя младшая сестра, папа уже на пенсии, где-то подрабатывал. А я очень любила приезжать в Великие Луки с подарками.

Вот потому-то с третьего курса я вместе с подругой Эллой Шашковой (это она играла жену Штирлица в «Семнадцати мгновениях весны») устроилась работать уборщицей в институте. Стипендия-то маленькая, на нее не разгуляешься. Мы с Эллой в 5 часов утра ехали из общежития с Трифононской через всю Москву. Убирали аудитории,

Фото из семейного архива

принимали душ и шли на лекции. К этому времени приходили наши изнеженные московские девочки. Очень красивые.

Конечно, мама смотрела все мои фильмы и сериалы, тщательно собирала все рецензии. Каюсь, сама я этого не делала, но сейчас у меня есть огромная кипа газетных вырезок со статьями обо мне, собранная мамочкой. Она даже пыталась вести дневник, в котором записывала свои впечатления о моих ролях. Обязательно просила меня сообщать, когда фильмы или спектакли со мной покажут по телевизору. Сохранила мой альбом со школьными рисунками. Но при этом нежно-сюсюкающей матерью она не была и ничего не делала напоказ. Никогда мной не хвасталась.

Мне всегда хотелось быть поближе к родителям, и как-то я уго-

ворила их переехать в Москву. Около шести лет они прожили здесь. Дом стоял на Садовом кольце, и в какой-то момент они не выдержали. Им стало тяжело — шумно, дышать нечем. Я очень не хотела, чтобы они уезжали. Но они отправились на День победы к родственникам и друзьям. А потом мама позвонила мне и сказала, что продается очень хорошая квартира. Я поняла, что им хочется остаться в Великих Лу-

ках, купила им эту квартиру и опять стала туда мотаться, как только у меня выпадали свободные дни. Каждую осень я молилась: «Господи, пронеси через зиму, до зеленых листьев, до зеленой травки». И пронесило, но два года назад мамочки не стало.

Для нее я всегда оставалась ребенком. Она много лет практически не видела, и папа у нас выполнял роль хозяйки. Потом ей сделали в Москве операцию. Один глаз у нее стал видеть. Она лежала в глазной клинике на Тверской. После операции я накрыла стол. Мама посмотрела и восторженно сказала:

— Боже мой, как красиво — белая скатерть, белая посуда!

А потом глянула на меня и удивилась:

— Милочка, как ты повзрослела!

Я засмеялась:

— Мама, тебе стоило прозреть, чтобы это констатировать.

Она, как и папа, прожила долгую жизнь, более 90 лет. Но, когда ее не стало, я почувствовала себя совершенно осиротевшей. У меня сохранилась пачка ее писем ко мне и писем моих к ней. Мы ежедневно общались с ней по телефону. Мне было важно знать, как она себя чувствует, в каком настроении. Последние 30 лет родители были для меня как дети. Но теперь я понимаю, что чего-то им не договорила, недолюбила. Сейчас приезжаю в Великие Луки, прохожу мимо дома, где недавно жила мама, и вспоминаю, как она стояла на балконе и махала мне вслед. Как же теперь мне этого не хватает.

Людмила Чурсина

Народная артистка СССР, актриса ЦАТРА

Фотос: Александр Мартемьян

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ

Александр Ширвиндт

Папаша отбил маму у Француза

По профессии мама актриса. Но после того, как перенесла туберкулез, работать на сцене уже не могла и, уйдя из театра, занялась редактурой. Служила в Московской филармонии, а потом в Москонцерте. Дамой она была известной, поэтому артисты часто советовались с ней. Яхонтов, например, читал маме свои работы. А чтобы он не размахивал руками, мама сажала меня, трехлетнего, ему на колени, и он вынужден был меня держать.

В нашем доме есть множество фотографий с благодарственными и памятными надписями маме, например, от Василия Ивановича Качалова: «Дорогой, любимой Раечке». Дмитрий Николаевич Журавлев был ближайшим другом семьи. Еще к нам приходили Яков Флиер, Наталья Шпиллер, Иван Козловский, Рина Зеленая...

Многие известные люди бывали у нас в доме, пели, играли в преферанс. И как-то было много свободного времени — на дружбу, на любовь.

Всосав с молоком всю эту богемную атмосферу, уже невозможно было забыть о театре. Как ты пойдешь в фармацевты, когда сидел на коленях у Яхонтова и слушал его неповторимый голос, читающий Маяковского? Правда, я ничего тогда не соображал, но актерский вирус был передан. Так продолжалось до конца десятого класса, который я окончил с трудом.

Родители меня руками-ногами пытались оттолкнуть от театрального вуза.

— Куда угодно, — кричали они, — только не в артисты!

Пришлось поступать на юридический, но вскоре родители выяснили, что я все же пытаюсь инкогнито поступить в театральный. Мама поняла, что это безвыходно, и стала звонить знакомым:

— Посмотрите ребенка.

В ответ ей сочувствовали:

— Раиса, зачем?! Как ты могла такое допустить?

Но отговорить меня никто уже не мог — я мечтал о сцене.

Впрочем, мама ведь тоже была актрисой, выпускницей МХАТа Второго, и она понимала, что от театральной бациллы лекарств не существует. Папа работал скрипачом в оркестре Большого театра. Кстати, он был ее вторым мужем. А первым был известный архитектор по фамилии Француз (национальность, правда, этой фамилии не соответствовала).

Но папаша отбил маму у Француза. Было это в 1925 году, с тех пор родители не расставались. Сначала у них родилась дочь, но она прожила всего лишь девять лет. Я был поздним ребенком — появился на свет, когда родителям было уже под сорок.

Мама обожала дарить подарки, родители часто писали друг другу стихи, и к каждому, даже небольшому, подарку сочинялись целые оды.

Мне же обычно дарились необходимые вещи. Например, перелицованный папин пиджак. Но однажды мама решила, что мне нужна машина, и... убедила отца, что мы должны ее купить у артиста МХАТа Виктора Станицына. Дело в том, что Станицын мог претендовать на новенькую «Волгу», а для этого нужно было избавиться от «Победы». Так что на его «Победе» я и ездил. Правда, половину от суммы я заработал сам, получив гонорар за фильм «Она вас любит». Остальную половину «надыбали» родители...

А еще у мамы была связь с заграницей, что по тем временам являлось опасной штукой. Родной мамин брат, мой дядя (Аркадий Коби), еще в двадцатых годах уехал в Англию. Он был врачом и организовал там гинекологическую клинику. И вдруг в начале шестидесятых от него пришла весточка. Но вместо радости в семье поднялась паника, ведь все бандероли, полученные из Англии, непременно просматривались известными организациями. Кроме того, получить заграничную бандероль можно было в единственном почтовом отделении, расположенном в гостинице «Украина». Заплатить за посылку пришлось непомерную сумму (мы заняли деньги у всех знакомых, друзей и коллег). В посылке оказалось письмо от дяди и... маленький шарфик. Практически мы купили этот шарфик за бешеную сумму, да еще и натерпевшись страху. Но мама не унывала. Она даже ухитрилась потихоньку переписываться со своим братом.

Впрочем, она не унывала никогда. К концу жизни к глаукоме добавился перелом шейки бедра, начался рак, но и в свои восемьдесят с лишним лет она продолжала принимать подруг. Одной из них была Анастасия Цветаева, которая приходила два раза в неделю, садилась возле маминого кресла и что-то ей читала, рассказывала. Я жалел лишь о том, что мама не видит, что у Цветаевой на голове летом и зимой штук пять платочков и то, как бережно она снимает один за другим... Мама непременно оценила бы этот «моноспектакль».

Фото из семейного архива

▲ *«Мама была актрисой, выпускницей МХАТа Второго и понимала, что от театральной бациллы лекарств не существует»*

Кстати, несмотря на слепоту, мама отлично вязала, и многие знаменитые люди до сих пор мне показывают такие «кольчужки» из толстых белых ниток. Сначала она на ощупь мерила человека, потом вязала ему какую-нибудь вещь и дарила. Люди брали это вроде как из сострадания, а потом носили с удовольствием.

Ностальгия по детству, конечно, случается. Моя родина – Никитские Ворота, Скатертный переулок, Арбат. Самый центр старой Москвы и коммуналок. Сегодня иногда по дороге в театр я заезжаю к себе в переулок – дом стоит крепко. Правда, сейчас там огромные дубовые двери, два охранника, половочок лежит на улице. Все квартиры, видимо, соединены в одну огромную. Хотел я как-то подняться посмотреть хоть на площадку перед дверью:

– Вот я тут жил.

Но никакой лирики! Охрана не пустила меня даже в подъезд...

Наша коммунальная квартира состояла из восьми комнат (у нас было две, мы были «буржуи»), семь звонков на входной двери, семь семей. Всегда на общей кухне что-то

Фото из семейного архива

шкворчало, у каждого — свой столик, своя плита (сначала примусы, потом газ), туалет — один на всех.

Все эти разговоры о том, что в коммуналках подбрасывали друг другу крыс и мышей, к нам не относились. Наоборот, мы оставляли друг другу детей, подкармливали их. Это была настоящая коммуна, не без криков, скандалов и интриг, но интриги эти были в основном безобидны. Сейчасходишь в подъезд — все на замках. Тоска.

Художник по фамилии Липкин жил с женой без детей в большой комнате в двадцать метров, но жили они на трех метрах, а на остальных жили его картины — огромные полотна, пейзажи. Остальные жильцы по большей части были рабочими. Маму в квартире очень любили, она была интеллектуалкой.

Мы тогда все росли во дворе. Ребята кричали друг другу в окна:

— Выходи!

Прочел недавно анекдот. В большом дворе стоят два парня и кричат вверх:

«— Марь Иванна, Марь Иванна!

Она высовывается из окна.

— А Петя выйдет?

— Ребята, Петя не выйдет, у него — пожизненное».

Так что у нас тоже было:

— Петя выйдет? Шура выйдет?

Дрались двор на двор, драк было много, но поножовщины не наблюдалось. Я вообще был интеллигентский ребеночек, тогда у каждой банды был интеллигентик, которого не трогали, даже опекали немножко, в обиду чужим не давали, поскольку был «свой».

“Несмотря на слепоту, мама отлично вязала, и многие знаменитые люди до сих пор мне показывают такие «кольчужки» из толстых белых ниток. Сначала она на ощупь мерила человека, потом вязала ему какую-нибудь вещь и дарила

В футбол играли постоянно, воротами служили четыре портфеля, мячом — американская консервная банка или сшитый из тряпок комок.

Учился я ужасно, а школа у нас была элитная — № 110, около Никитских ворот, которую возглавлял гениальный педагог Иван Кузьмич Новиков (совсем недавно мы повесили в честь него мемориальную доску). В моем классе, например, учился Сережка Хрущев, дети генералов, все Буденные (а жена Семена Буденного была председателем родительского комитета).

Я был жутким учеником, но выгнать меня было невозможно, потому что тогда ко всем праздникам школы устраивали концерты, и каждая школа гордилась своими артистами. Гнать меня было нельзя, даже ког-

да терпение педагогов лопалось, потому что наши концерты были на уровне правительственных: Козловский, Оборин, Рина Зеленая. Под все эти концерты мама со мной окончила среднюю школу. Ведь именно благодаря маме и удавалось их всех собрать — они были ее друзьями.

А еще мама всегда меня опекала.

Раиса Самойловна и Анатолий Густавович были неразлучны до конца жизни. Уже много позже, когда я был взрослым обалдуем, учился в институте, родители повезли меня в дом отдыха РАБИС (работников искусств) в Прибалтику. Мне было лет девятнадцать, и там, на пляже, где вся молодежь фланировала, периодически кричалось:

— Шурик, Шурик.

Это означало, что мне надо срочно выходить из воды — есть какой-нибудь бутерброд. А на песочке лежали девушки из ГИТИСа. И пока я добежал до пляжа, все кругом узнавали, что мама хочет накормить меня яичком.

Александр Ширвиндт

Народный артист РФ, художественный руководитель Театра сатиры

фото из семейного архива

ДАРЬЯ
ЮРСКАЯ

Мама самый щедрый человек

О своем детстве мама всегда рассказывает скупое. Вспоминает случай, когда папа ей предложил:

— Наташа, хочешь прокатиться в машине?

Жили они небогато, и у него своей машины, конечно же, не было, но какой-то друг предложил ему покатавать дочку. Он был горд, что сможет доставить дочери несколько мгновений счастья. Пока они ехали, он все время повторял ей:

— Наташа, смотри в окно. Видишь, как красиво!

А ей эта поездка была, на самом деле, не интересна. Она всегда любила читать, и ей совсем не хотелось отрываться от книг. Она сидела в машине совершенно равнодушная. До сих пор, вспоминая об этом,

Фото из семейного архива

▲ Две актрисы: Наталья Тенякова и Дарья Юрская

Мама родилась в Ленинграде уже после снятия блокады. Я, к сожалению, бабушек не застала, но воспитывала меня мамина тетя. Вот она-то пережила всю блокаду со своими двумя дочерьми. И про блокаду я все знаю от нее. Мамина семья не имела никакого отношения к искусству, и, если бы не ее учительница по литературе, то, быть может, никто и не узнал бы актрису Наталью Тенякову.

Эта учительница классе в девятом поинтересовалась:

— Наташа, а куда ты думаешь поступать?

И мама, скромная читающая девочка, ответила:

— Наверное, в пединститут.

И вдруг эта учительница ей предложила:

— А ты не хочешь попробовать себя в актерском деле?

Она что-то углядела в маме. У мамы действительно зрела эта мечта, но она и представить себе не могла, что выйдет на сцену. Она была стеснительной, к тому же считала себя некрасивой — круглолицей, пухлогубой, с двумя косицами. Но учительница, видимо, затронула какие-то важные струны, и мама решилась — подала документы в театральный институт.

Курс набирал замечательный педагог Борис Зон. Как только она начала читать басню, он сразу же ей сказал:

— Вы приняты.

Целый год она училась в театральном втайне от отца. Мама ее поддерживала, но знала, что отец будет против такого нелепого, на его взгляд, выбора. Только через год, когда уже появились первые успехи, она ему призналась.

Какая последовала реакция? Конечно, он был страшно недоволен, но менять что-либо было уже поздно.

Мамины родители очень рано ушли из жизни и больших ее успехов, к сожалению, не застали. Но я уверена, что после каждой роли мама непременно вспоминает их — она наверняка посвящает им свои победы.

Вы знаете, моя мама очень редко плачет, но, когда вспоминает о своей маме, то плачет всегда. Говорит, что нет ничего ужаснее, чем в молодости потерять родного человека. Ей, конечно же, хотелось, чтобы родители знали, что все у нее сложилось правильно.

Когда мы уехали из Ленинграда, мне было 6 лет. Сейчас мы с мамой сравниваем наши ощущения — они совершенно полярные. Я же не понимала всей драматичности происходящего. Для меня это было интересное путешествие, приключение. А для мамы — перемена жизни. Мама — человек поступка. Она решилась на переезд из солидарности с папой и даже сменила фамилию — стала по паспорту Юрской.

Родители оставили свой замечательный театр, свою огромную квартиру в Ленинграде и получили в Москве небольшую трехкомнатную. Одну комнату занимал бабушкин рояль, а в двух других разместились мы. Я чувствовала, что мама пребывает в растерянности, а для ребенка нет ничего ужаснее, чем видеть это. Помню, однажды мы вышли с ней на улицу, и я сказала:

— Мама, посмотри, как здесь здорово, — через дорогу Дом игрушки.

Мне казалось, что это неоспоримая ценность. А мама так растерянно отвечала:

— Да. Да.

Много лет спустя я напомнила ей тот эпизод, и мама мне призналась, что ей тогда было очень страшно. После интеллигентного Питера, где она выросла в центре, на тихой Пушкинской улице, мама боялась шумной Москвы. Тут все вокруг чужое. Знакомых нет. Я помню, как старалась ее утешить. Но, справедливости ради, мама всегда говорит, что Москва была к нам радушна. Столица хорошо приняла родителей. И друзья у них появились быстро.

У мамы итальянский темперамент. Он проявляется даже в мелочах. Например, если симпатичный ей человек похвалит ее кольцо, она тут же снимет его и, ни на минуты не задумываясь о его ценности, отдаст. Это для нее нормальная реакция. Она человек невероятной щедрости и невероятной гордости. Ее легко обидеть. Помню, когда мы переселились в Гагаринский переулок, в нашем доме находился маленький хозяйственный магазин. Когда-то еще Булгаков описал в «Мастере и Маргарите» эту «керосиновую лавку». Мама туда частенько заходила, но однажды ей там сказали что-то неприятное. Она вернулась домой и заявила:

— Больше в этот магазин моя нога не ступит.

Никто не придал этим словам никакого значения, ведь этот магазин был так удобен для нас, но она действительно никогда больше туда не заходила. Конечно, это незначительный случай, но я знаю, что у

▲ Наталья Тенякова, Сергей и Дарья Юрские

мамы есть своя шкала ценностей. На компромисс она не пойдет никогда. Это касается, прежде всего ее отношения к профессии. В эзотерической литературе пишут, что надо делать только то, что любишь. Маме это дано от природы. Она никогда не сделает того, что ей не по нраву.

Сниматься в кино мама начала довольно рано. У нее были прекрасные фильмы — «Зеленая карета» и «Старшая сестра». Но после

этого ей предлагали множество ролей, от которых она отказывалась. Говорила, что это очень скучно — чуть-чуть работы и часы ожидания.

Она замечательно сыграла в любимом всеми фильме «Любовь и голуби», но это, конечно, заслуга Владимира Меньшова. Я помню, как он приезжал к нам и уговаривал маму. Она отказывалась, говорила, что должна ехать с ребенком на курорт. И потом в 38 лет играть бабу Шуру, как-то нелепо...

Но дело в том, что он с трудом протащил папу и никак не мог подобрать ему партнершу. Пробовали разных актрис народного типажа, но пара с папой никак не клеивалась. Тогда Меньшов и вцепился в маму. И правильно сделал. В принципе ее можно уговорить, но для этого надо чем-то заинтересовать. Это было весьма оригинальное предложение, и мама согласилась.

У них были невероятно веселые съемки. Хотя она до сих пор ругается, что ей страшно испортили кожу. Маме же было всего 38 лет и, чтобы ее состарить, ей на весь съемочный день стягивали лицо пленкой. А потом, когда эту пленку снимали, лицо несколько часов расправлялось.

Но сниматься ей было интересно. А как-то один знаменитый режиссер, не буду называть его имени, предложил ей небольшую роль в своем фильме. Он долго убеждал, насколько важна эта роль и почему ему нужна именно Тенякова. На что мама сказала:

— Я все поняла. Спасибо огромное за предложение. Я поняла, зачем я вам нужна. Если вы назовете хоть одну причину, зачем это нужно мне, то я приду. Только имейте в виду: деньги мне не нужны.

И он замолчал. Потом мама призналась:

— Господи, если бы он отшутился, на что я и рассчитывала, я бы пришла.

Но он настолько растерялся, что ушел. А ее замечательная фраза:

— Зачем мне это нужно? — стала у нас крылатой. Она и в театре может отказаться от роли. Правда, в театре ей давным-давно не предлагают ничего такого, от чего стоило бы отказываться.

Кстати, слова о том, что деньги ей не нужны, мама повторяет часто. Она самый щедрый человек и человек, абсолютно наплеватьски относящийся к деньгам. Я ничего подобного не видела. Причем такое отношение к деньгам у нее было всегда. Наверное, она с этим родилась. Как бы трудно они с папой ни жили, как бы совсем небогато она ни жила в юности, ее отношение к деньгам не менялось. Она всегда уверена, что деньги должны уходить. Их надо раздавать, тратить на себя, отдавать кому-нибудь. Вот сейчас все озабочены тем, что рубль падает, наступает кризис. Мама звонит мне и говорит:

— Даша, надо тратить деньги. Надо немедленно потратить деньги. Давай купим все, что ты хочешь. Я абсолютно уверена, что это единственное правильное отношение.

Мама очень преданный друг. Как-то с ней произошла совершенно антиактерская история. В Театре им. Моссовета, где она тогда работала, шла пьеса «Не было ни гроша, да вдруг алтын». В ней играла мамина подруга Эльвира Бруновская. Неожиданно, за сутки до спектакля, она

заболела. Мама понимала, что, если введут другую актрису, появится второй состав и Эльвире придется играть в очередь. И мама решила выручить подругу — один раз сыграть вместо нее. Текст выучить она, естественно, не смогла, хотя мы работали всю ночь. В день спектакля я лежала прямо на сцене, завернутая в занавес. Ползала за ней и шипела текст. И тот спектакль она отыграла блестяще — совершила для подруги этот подвиг.

Дружить она умеет. Вообще, она умеет многое. Не умеет она всякую

“*Когда я решила поступать в театральный институт, родители меня, конечно, старались отговорить. Это был 1990 год: и в театре, и в кино все было сложно. Они старались уберечь меня. Но в свои 16 лет я была настроена решительно*

ерунду — шить, заниматься домом. Уверяет меня, что и детей воспитывать она совершенно не умеет. Когда я не знаю, как справиться со своими сыновьями и спрашиваю ее, как же она воспитывала меня, она отвечает:

— Я тебя не воспитывала. Нет! Тебя и не надо было воспитывать. Мне дали девочку спокойную, самостоятельную. Я бы ни с какой другой не справилась. А тебе дали двух мужиков.

Когда я решила поступать в театральный институт, родители меня, конечно, старались отговорить. Это был 1990 год: и в театре, и в кино все было сложно. Они старались уберечь меня. Но в свои 16 лет я была настроена решительно. Сделала лишь одну уступку — дала родителям слово, что поступать буду только в один институт и только один раз. Сама подготовила программу. Не показала ее ни маме, ни папе. Курс набирал Олег Павлович Табаков. Они его предупредили:

— Если увидишь, что у нее нет способностей, скажи нам, мы сделаем все, чтобы не отправлять ребенка на это мучение.

После очередного тура Олег Павлович им сказал:

— Ничем не могу вас порадовать. Она способная.

Конечно, они обрадовались. Я уверена, что они рады, что я этим занимаюсь. Я там, где должна быть.

Первый свой спектакль во МХАТе я сыграла на третьем курсе. Мама и Вячеслав Невинный играли супружескую пару, а я одну из их дочерей. Я вышла, начала произносить свой монолог, повернулась к маме, и вдруг увидела, что она, забыв обо всем, стоит и за мной повторяет губами мой текст. Я настолько оцепенела от этой страшной картины, что отвернулась и стала говорить дальше. Мама потом мне сказала, что она действительно забыла обо всем. Материнство полностью перебило в ней все актерское. Она забыла, кто она, что должна делать. Понимала только одно — вышел ребенок, и ему надо помочь. Больше такого не повторялось, хотя, конечно, она всегда за меня волнуется, так же, как и я за нее.

Дарья Юрская

Заслуженная артистка РФ, актриса МХТ им. Чехова

СЕРГЕЙ
ЮРСКИЙ

Беды и радости одной семьи

Самые ранние воспоминания: мама, всегда нарядная, хорошо пахнущая, никак не домашняя, а как бы откуда-то вошедшая. А мама последних лет — это женщина, преодолевающая свое одиночество: после смерти отца я старался чаще быть рядом и даже выступал вместе с ней на концертах, но это, разумеется, не могло вернуть нашу прежнюю жизнь.

Моя мама — Евгения Романова родилась оптимисткой. У нее были еще две сестры — Анна и Раиса и брат Яков. Анна была строгая, Раиса — печальная, а Яков — талантливый озорник. Он работал инженером, ходил всегда в белом и слыл джазменом. Тетя Аня была серьезным ученым в текстильной промышленности.

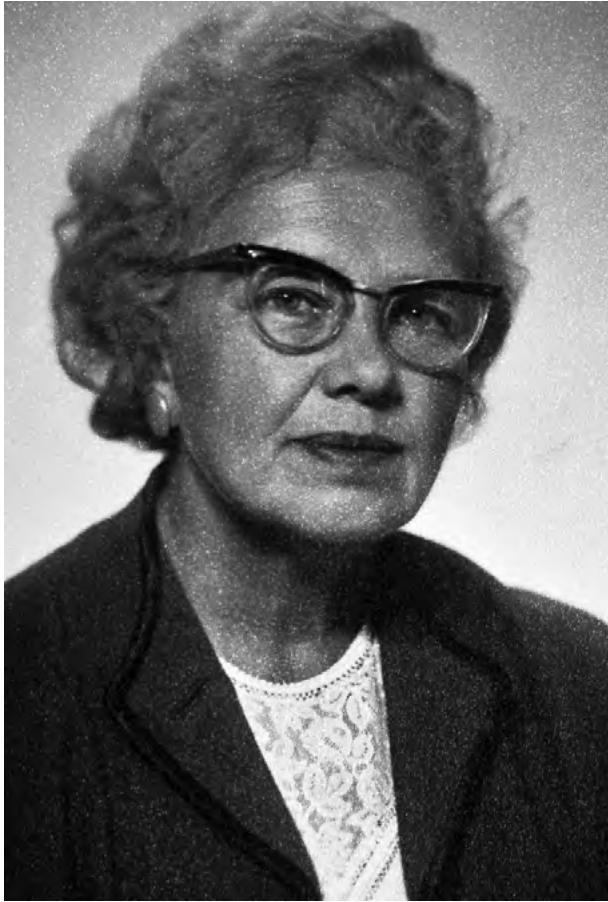

Фото из семейного архива

▲ Евгения Романова – мама Сергея Юрского

Мама блестяще окончила консерваторию. К окончанию родители подарили ей прекрасный кабинетный рояль – коричневый Tresselt. Она собиралась концерттировать. В репертуаре – Шопен, Рахманинов, Скрябин. Но... Петроград, 1920-е годы... Какой уж тут Шопен.

К 1930 году мама увлеклась театром, сочетанием музыки и движения, ритмикой, системой Далькроза. Группа энтузиастов создала агитационно-экспериментальный Театр-Клуб. Режиссер и главный актер театра – Юрий Сергеевич Юрский (Жихарев) – влюбился в красивую пианистку. Они поженились. 23 сентября отметили этот союз в шумной компании и потом никогда эту дату не забывали.

Я родился в Ленинграде, но уже нескольких месяцев от роду оказался в Саратове. Причина – ссылка, в которую отправили нашу семью за дворянское происхождение отца. Впрочем, нам еще повезло: Саратов, это не Магадан. Там мы прожили два года, а потом вернулись в Ленинград. Получили комнату! Большую – 26 метров. Правда, в густонаселенной коммуналке, но зато в самом центре, напротив Аничкова дворца. Рядом был цирк, худруком которого и назначили Юрия Сергеевича.

Фото из семейного архива

▲ В июне 1941 года на Черноморском побережье семью настигла Великая Отечественная война

В детстве я был свидетелем артистического таланта отца: его умения рассказывать истории, анекдоты, умения показывать, его чтения стихов, его живой мысли, всегда сверкающей в оценках и суждениях. Но свидетельствовал я также и смертной тоске отца, его мучительному раздвоению: искренняя вера в идеалы и осознание реальности как смеси фальши и насилия, и обостренному чувству вины. Мы жили не просто скромно, мы жили бедно. Но понимаю я это только сейчас. А тогда... все обволакивалось отцовским юмором, его фантазией, его совершенно аристократическим умением довольствоваться минимальным.

РАБИС — теперь это слово забыто, а мама и папа были РАБИС — работники искусства. У РАБИС был свой дом отдыха под Сочи.

В 1941-м мы отдыхали там вместе. Плескалось Черное море. Главный цвет одежд был белый. Циркачи окружали известного режиссера Юрия Юрского. Красота и веселье!

Но война превратила курортное побережье в месиво неразберихи и паники. И началось движение в медленно шевелящихся поездах не туда, куда едешь, а туда, куда везут. Мы ехали в Ленинград, в который нас уже не пустили. Добрались до Москвы. Отец остался в Москве, а мы с мамой двинулись на Урал. В Свердловске не нашлось пристанища и работы. Дальше был Ташкент, потом Андижан. Трудное, голодное время, но мама всегда была оптимисткой. И с маленьким ребенком на руках (то есть со мной) создала и возглавила в Андижане, набитом эвакуированными, первую детскую музыкальную школу. Невероятно, но в этих тяжелейших условиях, где не хватало еды и жилья, занятия музыкой отвлекали детей. Впервые в жизни у мамы появилось свое дело. Не общее, где она «одна из», а свое, когда несешь ответственность за все.

Но тут папу назначили худруком Московского цирка, и он вызвал семью в столицу. Мама оставила свое детище, потому что главный в семье муж и его судьба определяет все. Жилья не было. Но в углу циркового коридора, рядом с гримерными, освободили для руководителя полторы комнаты от бывшей бухгалтерии. Туалет общий на весь коридор.

Как и все женщины цирка, мама пыталась шить босоножки и продавать их на рынке, но это ей давалось с трудом. Не сравнить с игрой на рояле...

Инструмента у нас не было, а на другой стороне коридора, в клоунской студии, стояло пианино. В выходной день, бывало, когда затихал коридор, из-за клоунской двери раздавался Рахманинов.

Так мы и прожили целых пять лет за кулисами Московского цирка на Цветном бульваре. У отца было много друзей в самых разных обла-

стях искусства, и он их всех привлек к работе. Исаак Дунаевский писал музыку для новых программ, Рындин оформлял арену изумительными коврами, на которых в интермедиях танцевали выдающиеся балерины Большого театра. Ханов громовым голосом читал стихи пролога.

Часто отец княжеским жестом распахивал дверь и восклицал: «Жека (так он называл маму), у нас гости!» И в комнату входили знаменитости.

При цирке образовалась студия разговорных жанров. Бывшие

“Среди многочисленных и ужасных разгромов в разных областях науки и искусства состоялся и разгром циркового руководства. Отец был снят с работы и исключен из партии. Формулировка — «за формализм в цирковой режиссуре и неправильный подбор кадров»

фронтвики ринулись в клоуны. Среди первых поступивших был Юра Никулин. Музыкальные дисциплины «разговорникам» преподавала моя мама.

Но вдруг все оборвалось. Среди многочисленных и ужасных разгромов в разных областях науки и искусства состоялся и разгром циркового руководства. Отец был снят с работы и исключен из партии. Формулировка — «за формализм в цирковой режиссуре и неправильный подбор кадров». Мы вернулись в родной Ленинград, если не к разбитому корыту, то к пятнистой с трещинами ванной — единственной на 27 жильцов коммунальной квартиры на Толмачевой.

Три года отец был безработным. Пытался восстановить свои права, бывшие связи. Не получалось. Начал пить. Денег не было. Прода-

вали вещи из прежних запасов. И тогда мама взвалила на себя спасение семьи. Стала давать частные уроки. Звучал все тот же коричневый Tresselt, раздражая соседей. Потом она устроилась педагогом в детскую музыкальную школу. И начался ее ежедневный путь через Литейный мост в любую погоду — пять километров пешком.

Мне нечем возместить мой долг перед мамой. Только память... Мне некому объяснить то, что сам я понял с таким опозданием, — она была носителем театрального таланта высокой пробы. Она была важнейшим моим режиссером в течение многих лет. Мама не научила меня играть на рояле (виной тому только я сам), но научила меня музыке. Ее придирчивость, неуступчивость в оценках всего, что я делал и показывал ей в виде проб, все то, что так сильно раздражало и обижало меня тогда, потом оказалось школой гармонии, школой соответствия замысла и выявления ритма и смысла — целого и его образующих.

Потом фортуна снова повернулась к папе лицом, и началась активная деятельность. Он успешно поставил несколько спектаклей в Театре комедии, стал начальником театрального отдела Управления культуры Ленинграда, худруком Ленконцерта. При этом мы по-прежнему жили в коммунальной квартире. И денег по-прежнему не было.

Отец отговаривал меня от театра (и отговаривал, и завлекал одновременно) иногда таким образом: «Знаешь наизусть первую сцену Хлестакова? Давай сыграем: ты — Хлестакова, я — Осипа, а мама пусть судит. У тебя роль выигрышная, у меня — невыигрышная, кто кого переигрывает?»

Стали играть. И хотя мама всей душой желала мне победы и сочувствовала, отец переиграл. Мы с ней оба хохотали над «невыигрышным» Осипом, я бросил играть и сдался. Отец сказал: «А ведь я не играл двадцать лет. Если хочешь быть актером, ты должен меня переигрывать». И шутка, и забава, и горечь, и школа. Отец был режиссером-профессионалом, но у него никогда не было достаточно времени для

▲ «Родители всегда были неразлучны»

меня. Когда его творческая жизнь наладилась, он работал с утра до вечера. И он так рано умер. Я был еще студентом, когда его не стало.

А мама отдала многие часы и долгие годы, чтобы без готовых формул и проповедей внедрить в мое сознание музыку слова. И нельзя сметь произносить слова со сцены, если ты не почувствовал, не отыскал внутреннюю музыку именно этого текста. В этом и есть творчество актера.

Я помню, когда в шестидесятых я познакомился с Николаем Робертовичем Эрдманом, он в разговоре бросил такой парадокс: к классикам надо относиться легко, как к старым знакомым, они и так гении, а вот с современниками надо обращаться, как с гениями. Они от этого приподнимутся.

Когда я рассказал маме об этом разговоре, она очень обрадовалась: конечно, знакомый текст, нотный или словесный — не важно, он уже в нас, и здесь возможна импровизация, а новое, исполняемое впервые — оно еще не открыто. Оно еще только должно стать музыкой. И если этого не случится, значит, это вообще недостойно внимания.

Смерть отца была ужасна своей внезапностью. У него было много работы и много неприятностей в Ленконцерте. Началась Всемирная

олимпиада молодежи и студентов. Да еще параллельно в их единственной с мамой комнате отец затеял ремонт. Что такое ремонт комнаты внутри коммунальной квартиры в 1957 году, знают только те, кто тогда жил. В июле мы втроем вырвались из всех забот и уехали в дом отдыха Комарово под Ленинград, куда ездили каждое лето. Прошла неделя. 8 июля случилась смерть. «Скорая помощь» не успела.

Толпы людей на похоронах в Театре эстрады. Потом мы с мамой уехали на целый месяц на Волгу — так советовали друзья. В ту же осень я стал актером в театре, и надо было продолжать учебу в институте. И вообще, началась моя взрослая жизнь.

Маме предстояло одиночество, она любила один раз. Но было мужество, были силы и была музыка. Успехи учеников стали ее радостью. Она сама стала учиться — появилось время для этого. Ее увлек семинар знаменитого органиста Браудо. Его систему она стала внедрять в свои занятия. Мама каждый день начинала с гимнастики — общей и специальной гимнастики для пианиста. Почти учебником стала для нее философско-медицинская книга Мечникова «Уроки оптимизма». В летнее время мама обязательно уезжала в путешествие. Побывала даже за границей, в Румынии. Она много читала. Тайно начала вести дневник и писать стихи. О смене времен года, о том, что и в осени есть радость. Спасала опять же музыка.

Мама гордилась мною, радовалась. Но никогда — говорю это совершенно определенно теперь, через много лет, через неоднократно проверенные воспоминания, — никогда она не становилась «мамочкой», восторженной поклонницей, принимающей все, что делает ее сын, и оберегающей его от любого укора. Она и в восприятии была истинным музыкантом и артистом. В ней звучал камертон точного чистого звука, и по нему она мерила все, что претендует называться искусством.

Утром 25 апреля 1970 года мы с Наташей Теняковой решили расписаться. В десять утра в загсе на проспекте Маркса, кроме нас, было

двое свидетелей и мама. Все прошло быстренько. И вернулись мы на такси все в ту же мамину комнату. Стол был накрыт заранее. Скатерть белая. Вино, колбаса, сыр, шпроты. Посидели минут тридцать и... на работу! День субботний: утренний и вечерний спектакли. Мама была радостной. Наташа ей нравилась. Она даже (впервые!) заговорила, что готовится стать бабушкой. А вообще это звание к ней не шло. Евгения Романова-Юрская была дамой.

В навороте событий следующего года было все — надлом жизни в театре, съемки фильма, невероятное количество спектаклей в Ленинграде и на гастролях. Но все пронзила болезнь мамы. Профессор Снежко в откровенном разговоре не оставил надежды. После операции маму перевезли к нам, на Московский проспект. Только тут довелось ей проститься с комнатой в коммуналке, в которой она прожила с перерывами тридцать с лишним лет.

И вот в июле мы с Наташей играем спектакль «Лиса и виноград» в городе Куйбышев (Самара). Седьмого приходит телеграмма о том, что маме совсем плохо. Товстоногов отменил спектакль, я полетел. Но опоздал. 8 июля, в день смерти отца, только через четырнадцать лет, я увидел мою маму, которой уже не было. Мне рассказали, что мама держалась мужественно.

...Мне странно, что теперь я старше моих родителей. Но я по-прежнему в мыслях смотрю на отца и маму снизу вверх. Восхищаюсь их стойкостью, их талантом, их самоотверженностью. Их могилы в одной ограде. Деревья, которые тогда только посадили, теперь высокие. Такие высокие, что надо сильно задрать голову, чтобы увидеть вершину.

Сергей Юрский (1935–2019)

Народный артист РФ, писатель, режиссер, актер Театра им. Моссовета

Фото из семейного архива

АНТОН ЯКОВЛЕВ

Антон Яковлев

Не признаёт любви наполовину

Много ли вы видели счастливых пар? Не напоказ, а подлинно — наедине друг с другом? Несмотря на все сложности, какие бывают в семейной жизни, именно такой счастливой парой были мои родители — Ирина Леонидовна Сергеева и Юрий Васильевич Яковлев. Убежден, их брак был создан, как говорится, «на небесах».

Они прожили вместе полвека, а познакомились в Театре им. Вахтангова, которому отдали всю свою жизнь. Мама пришла туда совсем молодой студенткой театроведческого факультета ГИТИСа еще при Рубене Николаевиче Симонове. Училась и параллельно работала в музее театра. Красавица, к тому же умна, она стала просто «музой» Симонова. Его утренние репетиции не начинались без Ирины Леонидов-

ны. И если бы не «накрывшая» маму любовь к отцу, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Но это была не просто влюбленность главного режиссера. Симонов действительно нуждался в ее присутствии. Мама всегда отличалась тем, что могла дать точный и нужный совет. И как зритель, и как автор. Я написал достаточно много инсценировок для своих спектаклей и первым делом всегда обязательно показывал ей. А когда отец писал свою книгу, мама, по сути, просто взяла на себя роль составителя и редактора. Ее замечания точны, понятны и всегда к месту.

Мама вообще человек очень одаренный в разных областях: помимо бытовых способностей, таких как кулинария или вождение автомобиля, она прекрасно пишет стихи. Кстати, у нее есть еще и режиссерское образование. Правда, она так и не занималась этим профессионально, но наверняка с ее характером и способностями, она могла бы стать хорошим режиссером. Даже сегодня, когда она проводит экскурсии по родному театру, каждая из них — настоящий мини-спектакль. Но, увы, она сознательно отказалась от своей карьеры ради отца. Главным в ее жизни было «служение» ему. Он был всегда у нее на первом месте. Она была и женой, и другом, и ангелом-хранителем. Убежден, что без мамы отец не дожил бы до своих 86 лет. Она создавала ему тот мир, в котором он чувствовал себя комфортно, что очень важно для любого мужчины.

Всю жизнь воевала за отца — была не только его «крыльями», но и «тараном». К примеру, в семидесятые годы сербский режиссер Мирослав Белович ставил в Вахтанговском театре пьесу румынского драматурга Мирослава Крлежи «Господа Глембаи». Отцу очень хотелось репетировать в этом спектакле, но по театру ползли слухи, что он там играть не хочет. И режиссер, конечно, услышал об этом. Тогда мама пошла прямо к нему и в свойственной ей эмоциональной манере объяснила, что это просто обычные интриги, а на самом деле Юрий Яков-

фото из семейного архива

▲ Юрий Яковлев, Антон Яковлев и Ирина Сергеева

лев мечтает сыграть Глембая. Выяснилось, что и Белович с самого начала хотел, чтобы эту роль сыграл именно Яковлев. Глембай стала одной из лучших театральных ролей отца. И это был не единственный случай, когда мама «пробивала» для него роли, проявляя бойцовский характер.

Мама достаточно властная женщина, резкая, вспыльчивая, колкая. Иногда у нее «перехлестывают» эмоции. Своей бескомпромиссностью она может поставить на место любого. Но, наверное, отец был единственным человеком в ее жизни, рядом с которым она мог-

ла сдерживать свой нрав, проявлять несвойственную ее характеру мудрость.

У мамы всегда была царственная осанка, порода, хотя никаких дворянских корней у нее нет. В маме течет казачья кровь. Может быть,

“Еще с юности я начал сниматься в кино, после Школы-студии МХАТ меня взяли в «Современник». Все это было интересно, но я довольно рано понял, что просто артистом-то быть не хочу. Уже тогда меня больше тянуло к режиссуре

именно оттуда и ее обостренное чувство достоинства и внутренней свободы. И это тоже роднило ее с отцом.

В раннем детстве у меня была ангельская внешность: со своими длинными волосами я был похож на девочку. И представить себе невозможно, что этот «херувим» на самом деле вытворял. Я был жутким хулиганом. Как-то в конце семидесятых родители взяли меня с собой на гастроли в Киев. Вместе с внуком актера Николая Плотникова мы не нашли ничего лучшего, чем бросать водяные бомбы на головы киевлян из окна высотки-гостиницы. Мы оказались довольно меткими, и несколько прохожих неожиданно «приняли душ». Кончилось тем, что нас вычислили и вызвали милицию. Был жуткий скандал. Вот это была типичная для меня история. Так что мама всегда была со мной «на стреме».

Тяжелые времена для нее настали, когда я пошел в школу. Это была известная французская школа на Арбате. Чего я только не вытворял! На мой дневник страшно было смотреть — половина страниц в нем была выдрана и спущена в унитаз, а оставшаяся половина исписана за-

мечаниями. Парадокс, что при этом я был достаточно образованным ребенком. Родители привили мне любовь к чтению. Читал я много, запоем. Но кроме литературы и, пожалуй, географии, меня не интересовало ничего. Все точные науки мне были скучны и непонятны. На моем столе лежали Ремарк, Бунин, Мериме, и мне вовсе не хотелось отрываться от них ради формул. Параллельно в моей жизни появились «Битлз», «Пинк Флойд». Какая же при этом могла быть учеба? Я расписывал стены, бил стекла, гонял мяч, бегал за девочками. А так как отец в школе не появлялся вообще, всю эту «голгофу» мама взяла на себя целиком. Ходила туда, как на службу, носила подарки, угрожала «расстрелом». И если бы не мама, то до 10-го класса я вряд ли бы доучился.

Я вырос в театре, за кулисами. Мне повезло видеть на сцене рядом с отцом таких потрясающих артистов, как Гриценко, Плотников, Ульянов. Театр Вахтангова, по существу, стал моим вторым домом. Конечно же, после школы у меня и выбора-то особо не было — только театральный институт. Я, единственный из всей нашей актерской семьи, поступил не в Щукинское училище, а в Школу-студию МХАТ. Еще подростком в гостях у Людмилы Васильевны Максаковой я познакомился с Олегом Николаевичем Ефремовым. И он, поинтересовавшись, кем я хочу быть, похлопал меня по щеке и сказал:

— Приходи к нам, лапа!

Так уж случилось, что его слова оказались пророческими. Еще с юности я начал сниматься в кино, после Школы-студии МХАТ меня взяли в «Современник». Все это было интересно, но я довольно рано понял, что просто артистом-то быть не хочу. Уже тогда меня больше тянуло к режиссуре. Мне было душно, хотелось идти дальше. Я подал заявление и ушел «в никуда». Поначалу мама жутко переживала, была категорически против. Но решение было принято. Лет пять я искал себя, занимался и телевидением, и радио, и писал. И ей хватило мудрости, терпения и любви, чтобы понять, что мне было необходимо

▲ «Тяжелые времена для нее настали, когда я пошел в школу»

пройти этот «свой путь». Она лучше других знала сложности моего характера, обостренное чувство независимости, доставшееся мне от нее в наследство. И когда я в итоге поступил на режиссуру, она поняла, что, если бы не было этих лет поиска, я бы не «набрал», не сформировался как личность. Но даже когда я ставил свой первый спектакль в Санкт-Петербурге, мама все еще опекала меня. Она приехала ко мне и две недели до выпуска спектакля жила рядом. Это, безусловно, мне очень помогло. То режиссерское «крещение театром» прошло успешно, и мы оба поняли, что я нашел наконец то, чем хотел заниматься, что полюбил. И только тогда она успокоилась.

В жизни матери было много горя — она потеряла родителей, брата, старшего сына Сашу, мужа. Слава Богу, сейчас у нее есть мы: я с женой, внуки. Маленькую Варвару она просто обожает. После смерти отца моя дочка буквально вдыхает в нее жизнь. И надо сказать, что уже сейчас, в неполные два года, Варвара и внешне, и характером невероятно походит на Ирину Леонидовну.

У отца есть старшие дети, но так сложилось, что с бывшими женами он общался мало и крайне редко появлялся в их жизни. Но когда мне исполнилось лет 18, именно мама начала собирать нас с Аленой и Лешей вместе. Непременно приглашала их в наш дом — старалась объединить семью. И это ей вполне удалось: мы стали дружить. Мама будто вернула отцу детей, и он был счастлив.

Еще сегодня Ирину Леонидовну держит в тонусе ее любимый театр. Без него она свою жизнь просто не мыслит. Предана ему без остатка. Если пару дней хворает, то переживает: как там родной Вахтанговский без нее, стоит ли еще на месте? Впрочем, раньше, когда сил было больше, они с отцом не ограничивались только «своим» театром, не пропускали ни одной интересной премьеры в Москве и Петербурге.

Ирина Леонидовна — сильный человек. Она всегда хотела жить «на полную катушку». Она не «копит», горит и сейчас. И до сих пор не научилась стареть. Как и раньше, все привыкла делать сама и отвечать за все. Надо очень постараться, чтобы она приняла твою помощь, отдала инициативу. Зависеть даже от самых близких ей трудно. «Пока дышу — я делаю» — это ее девиз.

Она с детства была лидером. Еще тогда, когда гоняла с мальчишками во дворе и вела их за собой. Таким лидером она и осталась. Мама — человек цельный. Не признает дружбы или любви наполовину: либо все, либо ничего. Она не может приспособливаться, говорить общие слова. К ней не надо идти за утешением. К ней надо идти за правдой.

Фото из семейного архива

▲ «Всю жизнь мама воевала за отца — была не только его «крыльями», но и «тараном»»

Она всегда говорит то, что думает. И даже если она ошибается, то делает это искренне и любя.

Да, бывает, что женщина с таким сильным характером невольно может и сломать того, кто слабее. И даже мужа, и даже сына. Но если ты научился быть рядом, не дал слабину, оценил, принял ее суть, вдохновился ее примером, то стал только сильнее и выше.

Таких людей сейчас мало. Мама не отсюда. Наше время слишком банально и рационально для нее. Иногда она кажется мне каким-то чеховским персонажем. Человеком из девятнадцатого века, который она так любит.

Антон Яковлев
Режиссер

Фотос: Александр Меркушин

**АЛЕНА
ЯКОВЛЕВА**

Алена Яковлева

Она во всем была максималисткой

Мама родилась в обеспеченной семье математика и актрисы. К счастью, репрессии нашу семью не коснулись, однако война оставила глубокий след в мамином характере.

Однажды, когда моя бабушка в очередной раз уехала на фронт с бригадой артистов, мама осталась одна, полуголодная в холодной квартире. Совершенно беспомощная, она не знала, как согреться, и дело дошло до того, что ее чулки примерзли к ногам и потом их отдирали со страшной болью. Видимо, не было теплой воды. Сколько я ни пыталась об этом расспросить — бесполезно. Мама не любит вспоминать те годы.

Конечно, лишения сказались на здоровье (мама заболела туберкулезом), но худоба была ей к лицу. При поступлении в медицинский

институт мама была такой стройной и красивой, что как-то с ходу вскружила голову преподавателю — будущему академику Юрию Лопухину и вскоре вышла за него замуж. Они уехали в Болгарию, где Юрий Михайлович бальзамировал тело Георгия Димитрова, лидера болгарской компартии. Там за мамой стал ухаживать сын одного из высокопоставленных чиновников. Правда, кто этот человек, мне до сих пор неизвестно, мама не рассказывает. Вполне возможно, что это был сын главы государства. Но как бы там ни было, роман был бурный — вплоть до того, что, вернувшись в Москву, мама ежедневно получала букеты черных роз, которые доставляли из Софии самолетом.

С Лопухиным жизнь не сложилась: вскоре супруги расстались. Вероятно, что-то разладилось и с «болгарским принцем». Но послевоенная жизнь была какой-то особенной, наверное, менее рациональной, чем сейчас. У мамы снова сложился роман. На этот раз с Владимиром Венгеровым, режиссером фильмов «Кортик», «Два капитана» и «Рабочий поселок». Вскоре мама стала его невестой, но произошло событие, которое снова круто повернуло ее жизнь.

Венгеров как-то между делом познакомил маму с Юрием Яковлевым. И случилось непредвиденное: ни мама, ни Юрий Васильевич с той минуты не могли уже забыть друг о друге. Конечно, это была пара невероятной красоты. Влюбленные вскоре поженились. Жили тесно — вместе с маминными родителями делили комнатку в полуподвальном помещении на Зачатьевской улице. Молодых отгородили ширмочкой. И в первую брачную ночь бабушка причитала:

— Боже, что он делает с нашей девочкой! Я так и знала, что этим кончится.

Когда у мамы обострился туберкулез, они с папой уехали в санаторий. И он спал на коечке рядом с ней, не боясь заразиться. Мамина красота привлекала внимание людей, и однажды папин друг — Владимир Шлезингер предложил ей поступить в Щукинское училище, но в

силу своей природной стеснительности мама отказалась. Она вообще всегда стеснялась своей красоты.

Жили они с Юрием Васильевичем прекрасно. Мама всегда очень тепло отзывалась о нем. Но говорила, что человек он своеобразный, живет в своем мире, как бы постоянно находясь в творческом процессе.

“Конечно, в большей степени я в бабушку, но и мамينو тоже проявляется. От нее у меня иногда вдруг появляется рационализм. На сцене начинаю быть рассудительной, а должна работать в первую очередь интуиция

А потом — творческий тандем папы с Катей Райкиной, которая была его партнершей в спектакле «Дамы и гусары». Сначала о них говорили, как об актерском дуэте, затем как о красивой паре. А потом до мамы стали доходить слухи об их связи, причем произошло это в тот момент, когда она была беременна мною. И тогда мама, не желая мириться с этим обстоятельством, предложила отцу собрать чемодан. Так эта красивая история, к сожалению, закончилась. Сказался ее нетерпимый характер. Мама была максималистка во всем. Даже ее имя Кира в переводе с греческого — госпожа. Она такая и есть. Снежная королева. Правда, сейчас эта королева стала очень эмоциональная и ранимая.

Дедушка болел, бабушка сидела со мной, и маме приходилось работать по полторы-две смены. Сначала она работала участковым врачом, а потом перешла в Институт акушерства и гинекологии. Я часто встречала ее после работы: она выходила — я любовалась ею. У меня прямо дух захватывало, потому что я всегда ее очень любила. Мама могла стать крупным специалистом в своей сфере (она была великолепным

Фото из семейного архива

▲ «Мужчины относились к ней с обожанием»

диагностом), но врачебная карьера не состоялась. Мама встретила известного журналиста Николая Константиновича Иванова, вышла за него замуж и стала ездить в загранкомандировки.

Он был очень хорошим человеком и безумно маму любил. Мужчины вообще всегда относились к ней с обожанием, может, поэтому сейчас ей кажется, будто мы уделяем ей недостаточно внимания. Но это не так, мы все очень любим маму, а то, что открыто не проявляем своих чувств, так это от воспитания. Они с Николаем Константиновичем, который был человеком очень порядочным, но крайне строгим, сами приучили меня к сдержанности. В нашей семье царил порядок, все должно было лежать на своих местах. Меня по расписанию кормили и отправляли в школу. Но как чело-

веку другой природы, мне не хватало каких-то эмоций. Возможно, поэтому я решила стать актрисой (хотя училась уже на журфаке МГУ). Казалось бы, в нашей строгой семье это решение могло вызвать непонимание. Однако мама не стала сопротивляться и сама позвонила Владимиру Георгиевичу Шлезингеру в Щукинское училище, чтобы он меня посмотрел. Я даже удивилась этому маминemu жесту... При

Фото: Алексей Голядкин

прослушивании проявилась моя застенчивость — я говорила едва ли не шепотом, поскольку в доме считалось, что женщине не подобает повышать голоса. Шлезингер просил говорить громче, я нервничала. Конечно, особого восторга он не проявил, но все же дал добро на то, чтобы я пришла на экзамены. И там Татьяна Кирилловна Коптева сказала: «Если ко мне придут тринадцать Ермоловых, я тебя не возьму». Но, к счастью, пришли только двенадцать.

О себе судить трудно, но мне кажется, что я была зажатой студенткой, и много времени ушло на то, чтобы раскрепоститься. Я старалась не делать лишних движений, ненавидела пафос и жила в такой слегка немецкой традиции, как и вся наша семья.

У нас с мамой абсолютно разные характеры, разный темперамент и разное отношение к жизни. Кроме того, когда она с отчимом жила за границей, я оставалась с бабушкой. А с ней жизнь была совершенно другой.

Моя бабушка Елена Михайловна Чернышова была уникальным человеком. Коренная москвичка, родилась в семье дворянки и купца с цыганскими корнями. До революции у семьи было свое имение в Ба-

рыбино с прислугой в 13 человек. Наверное, поэтому бабушка была немного бесшабашной, любила погулять, шампанское в ее компании лилось рекой. Она была актрисой, но из-за маленького роста не могла в столичных театрах получить роли героинь и работала в провинции. Но это ее нисколько не смущало, потому что она была неисправимой оптимисткой. В 80 лет она еще собиралась замуж за одного красивого вдовца, с которым познакомилась в гастрономе гостиницы «Украина». Правда, сам жених об этом, кажется, не догадывался.

А когда я сыграла свою первую главную роль, бабушке было уже под девяносто. Ко мне в антракте подошел администратор и попросил унять бабушку. Оказалось, что она ходит по фойе и показывает всем мои детские фотографии, в том числе и на горшке.

В свои 94 года бабушка каждый четверг играла в карты со своими сестрами. Разговоры при этом они вели про мужчин. Я один раз приехала, послушала их и чуть с ума не сошла: сколько подробностей!

Конечно, в большей степени я в бабушку, но и мамино тоже проявляется. От нее у меня иногда вдруг появляется рационализм. На сцене начинаю быть рассудительной, а должна работать в первую очередь интуиция. А вот в жизни совсем неплохо, когда подключается голова.

Зато в моей дочери Маше мамино очень много, правда, она более открытая и где-то даже незащищенная.

Алена Яковлева

Народная артистка РФ, актриса Театра сатиры

Фотосъемка: Юрий

ГЕНРИЕТТА ЯНОВСКАЯ

Генриетта Яновская

Ее замечания были прелестны

Я не помню колыбельных песен, я не помню детских игр с мамой, общих праздников. Была война. Но я помню и сейчас ощущаю эту абсолютную связь с нею.

Моя мама вышла замуж в 1935 году в Алма-Ате. Она училась в зубо-рачебном техникуме, и их послали на помощь сельскому хозяйству. Нас в свое время посылали на картошку, а их на сбор яблок. И вот однажды мой будущий папа на белом коне прискакал туда, где они собирали яблоки. И подхватил ее на коня. Могла ли она после этого не выйти за него замуж?

Техникум она окончила, но по специальности так и не работала. Мой папа не мог позволить своей жене идти работать в какой-то зубо-рачеб-

ный кабинет, куда заходят мужчины. Мало ли что — надо ее оставить дома. Они уехали в Ленинград, где сначала родился мой брат, а потом и я.

Счастливая мама повезла двоих детишек показывать бабушке с дедушкой в Алма-Ату. И тут грохнула война. Мы остались жить в столице Казахстана по адресу улица Центральная, 7, в маленьком одноэтажном деревянном домике с бабушкой, дедушкой и тетей Любой. В этом домике была только одна комната и кухня. Окна были зарешечены. Однажды мама, проснувшись ночью, увидела, что ее отец стоит в одних подштанниках в простенке между окнами с топором в руках. В темноте она разглядела двух человек, которые пилили решетку окна. Проснулась бабушка. Она схватила пустую кастрюлю и стала бить в стену, чтобы услышали соседи. Бандиты за окном отреагировали:

— Стучите, стучите! Все равно всех перережем.

Но одно окошко, как оказалось, было без решетки, а они его не заметили. Мама сказала Любе:

— Хватай Гетку!

Выбила собой окно, выскочила из дому и стала кричать:

— Пожар! Пожар! Горим!

Вокруг деревянные домики, люди выбежали на улицу, а мама все кричала:

— Пожар! Горим!

...Когда бандиты убежали, и все успокоилось, никто не мог найти моего деда. Он бегал в одних подштанниках где-то в закоулках между домами и размахивал топором.

В Алма-Ате мы с братом одновременно заболели корью. Я в очень тяжелой форме. Тогда изобрели какое-то новое лекарство. И мама чудом достала его. Врачи ей сказали:

— Не надо давать девочке. Ей это не поможет. У вас еще есть мальчик.

фото из семейного архива

▲ «Когда мы решили переехать в Москву, мама, конечно же, поехала с нами: где мы, там и она»

Но они с бабушкой меня выходили. А через какое-то время мой брат снова заболел, уже туберкулезным менингитом. И на сей раз лекарство не помогло. Мой брат умер шести лет от роду. Мама металась, она больше не могла оставаться в этом доме, и как только сняли блокаду, увезла меня в Ленинград.

В Ленинграде мы жили в мансарде большого дома, в огромной коммунальной квартире. Крыша протекала. Поэтому каждую ночь мою кроватку переставляли на другое место. И опять страшное слово — «туберкулез». У меня открылись туберкулезные очаги. Но этого мало. Однажды утром мама увидела, что я вся горю. Она побежала через дорогу к доктору. Там жил старенький детский врач, профессор. Я запомнила его фамилию — Воловик. Доктор схватил свой чемоданчик и поднялся

вместе с мамой на наш высокий шестой этаж без лифта. Он сказал, что это скарлатина, и поскольку это заразное заболевание, меня нужно поместить в больницу. Нетрудно представить себе, в каком состоянии была мама — ведь одного ребенка она уже потеряла.

В иудаизме существует такой день, когда Бог записывает судьбу человека на следующий год. Моя мама, абсолютно нерелигиозный человек. Но тогда она пошла в синагогу и простояла без еды и питья почти сутки. Не знаю, умела ли она молиться. Думаю, не умела. Когда после этого она пришла в больницу и села в вестибюле, сверху прибежала нянечка и закричала:

— Яновская есть?

У мамы ноги подкосились. Ее стали торопить:

— Скорей! Скорей!

Она поднялась в палату и увидела, что вокруг одной кровати в каре выстроились белые халаты — сестры, врачи. И она поняла, что ей туда. Подошла и вдруг увидела, как ее дочка с горящими щеками, температура явно очень высокая, сидит на кровати и говорит:

— Не буду есть, пока мама не придет! Не буду без мамы есть! А ты, рыжая (обращаясь к лечащему врачу), вообще уйди отсюда!

Врачи предполагали, что сейчас мама заплачет, кинется кормить свою избалованную дочку. Но они не знали моей мамы. Она сказала:

— Я думала, ты хорошая девочка. А ты такая! Мне очень стыдно. Я пошла.

И повернулась уходить... Вот это моя мама.

Мы жили в огромной коммунальной квартире, и соседи не раз ей пеняли:

— Роза, что ты делаешь? Как ты растешь дочь? Посуду она никогда не моет. Не стирает.

Мама спокойно отвечала:

— Она читает.

► *Вся семья в сборе. 1980-е.*

Могла быть невымытая посуда, беспорядок на столе, разбросаны мои вещи, но для мамы важно одно — Гета читает.

Мне было 13 лет, когда наш учитель по литературе решил поехать с нами на экскурсию в Михайловское. Мы, человек десять девочек, отправились с учителем в Псков на поезде. Тогда не существовало мобильных телефонов, да и в квартире у нас телефона не было. То есть связи со мной никакой. Пока мы не вернулись, ее пилили и родственники, и соседи:

— Роза, что ты делаешь? Девочку 13-летнюю отпускаешь черт знает куда и черт знает с кем.

Конечно, ей было страшно. Но она отвечала:

— Пусть едет. Пусть видит. Пусть знает.

Спасибо маме. Я увидела настоящее Михайловское — настоящее, а не то, что сейчас. Я видела разрушенный Свято-Успенский Святогорский монастырь. Я видела могилу Пушкина, сползавшую вниз... Мы жили в деревне Зимари и шли до Михайловского по полю как «он» когда-то ходил.

Я вышла замуж. И у меня, и у Камы работа непростая. Человек может сидеть и ничего не делать, а в это время у него в башке что-то крутится — он работает. Когда мы в Ленинграде сидели без работы, она, конечно, переживала, но ни разу мне не сказала:

— А что это у тебя муж не работает?

Отец Камы упрекал его. Мама Камы даже говорила мне:

— Я бы давно такого мужа выгнала.

Но моя мама — не упрекнула ни разу. Она только старалась помочь. Наши друзья говорят, что мы не развелись, потому что у нас была моя мама.

Фото из семейного архива

Когда мы решили переехать в Москву, она, конечно же, поехала с нами: где мы, там и она. При том что она в Ленинграде оставляла сестер, а здесь у нее не было никого. Когда еще мы работали в Красноярске, я сильно заболела и лежала в краевой больнице. Все было очень плохо. Врачи никак не могли установить диагноз. Мама, взяв нашего трехлетнего сына, села в самолет и прилетела в красноярскую стужу, 40-градусный мороз и сплошную химию (там ведь сплошь химические заводы). Это же мама, моя мама.

«Спасибо маме. Я увидела настоящее Михайловское – настоящее, а не то, что сейчас. Я видела разрушенный Свято-Успенский Святогорский монастырь. Я видела могилу Пушкина, сползавшую вниз... Мы жили в деревне Зимари и шли до Михайловского по полю как «он» когда-то ходил

Перебравшись в Москву, мы поменяли нашу чудную трехкомнатную квартиру возле БДТ на не до конца выплаченный кооператив в Орехово-Борисово, которое мы обзывали Орехово-Зальцово из-за его чудовищной дальности от центра. Мама, конечно, была главным и единственным добытчиком в семье. Бывало, по полчаса стояла в очереди на автобус, ехала 20 минут до метро «Каширская», потом 20 минут в центр на метро, потом еще пешком до магазина. Все знала, все доставала, все притаскивала в самые голодные девяностые годы. И, конечно, старалась купить как можно дешевле. Когда мы стали работать и уже появился заработок, я говорила маме:

– Не надо ехать в тот магазин, где все самое дешевое.

Но она была приучена экономить. Потом она услышала, что мы хотим купить машину. Тихо отозвала меня в сторону и спросила:

– Гета, а мы можем себе это позволить?

Я объяснила:

– Мы сейчас зарабатываем.

Мама никогда никому не лезла в душу. Никогда не требовала, чтобы я ей все рассказывала, но я ей рассказывала буквально все. Она была удивительно добрым человеком. Никого не воспитывала. Ее замечания были прелестными. Как-то мы пришли к тете Любе, и она спросила:

– Чай будете?

Мама ей сказала:

– Люба, сколько раз тебе повторять – не спрашивай. Ты подай чай. Будут или не будут его пить, это дело людей, которые пришли. А ты подай.

Мы с мамой были вместе 53 года. 53 года ее и 53 года моей жизни. За это время я не могу вспомнить ни одного случая, ни одного момента, чтобы она кого-нибудь утруждала собой. Утруждала заботой о себе. Когда в 72 года со страшным приступом и с высоченным давлением маму увозила «скорая» в больницу, то врачи попросили меня подействовать на нее – она не соглашалась лечь на носилки, собиралась идти сама. Я ей сказала:

– Мама, ляг на носилки, иначе врачам придется нести за тебя ответственность.

Она легла только потому, чтобы не ставить их в неудобное положение. В этом она вся.

Все наши друзья, начиная еще со школьных лет и дальше, институтские, разные большие и малые артисты в дальнейшем, интеллектуалы и оригиналы, маргиналы и прочие любили маму. Любили с ней беседовать. Думаю, потому что ей всегда были интересны люди. Она умела потрясающе слушать. Даже Кама донимал ее расспросами о качестве своих спектаклей. Она смущалась, но вынуждена была делиться своими удивительно тонкими впечатлениями.

Когда она ушла из жизни, ей было 82 года. Мама всегда говорила:
— Уйду на пенсию, читать буду.

И, действительно, в любой свободный момент читала. Она и умерла, читая.

17 сентября 1993 года у нас была премьера «Иванова». На все наши спектакли мама ходила обязательно. За ней приехал один из актеров на своей машине, чтобы ее привезти. Мама была потрясена, что едет на иностранной машине. На следующий день был второй спектакль. Мы пришли домой. Она накормила нас, расспросила, как прошел спектакль, и мы легли спать. Утром я проснулась, зашла в ее комнату, она лежит и читает. Вдруг мама мне говорит:

— Гета, принеси мне что-нибудь от сердца.

Я рванула к холодильнику, стала искать. Кама на удивление почему-то сразу понял, что надо вызывать «скорую». Ведь мама никогда ничего не просила.

Я вернулась к ней в комнату, а она, то сядет, то ляжет и дышать не может. «Скорая» приехала мгновенно. Кама сказали:

— Выведите дочь отсюда.

Меня вывели... Я так и не видела, как она умерла. На ее похороны приехали многие из Ленинграда, пришло много друзей. Но они приехали не ко мне. Я верю, я знаю — они приехали к ней. Когда мы ее хоронили, гроб очень легко соскользнул в землю, даже копальщики затихли. Ей удалось и тут никого не затруднить. А после того, как мамы не стало, у меня возникло чувство, что теперь у меня за спиной никого нет.

Генриетта Яновская

Народная артистка РФ, главный режиссер МТЮЗа

фото из семейного архива

Сыночек, лучше бы ты на инженера пошел

Однажды мы с мамой договорились встретиться в центре Ленинграда и прогуляться. Я ехал от своих приятелей, и на встречу меня подвезла знакомая. Однако маме это совсем не понравилось:

— Игорек, нельзя...

И сколько бы я ни объяснял, что ничего зазорного в этом нет, ведь знакомая ехала по пути, мои слова ее не убедили. Она считала, что я грубо нарушил правила хорошего тона: мол, как это так, дама подвозит молодого человека.

У моей мамы Анны Алексеевны был строгий характер. Видимо поэтому я и по сей день не люблю расхлябанности и всегда требую от сту-

дентов дисциплины, поскольку в нашей профессии без дисциплины нельзя. Но это к слову.

Одно время мы жили в Таллинне (мне было десять лет), и я помню неукоснительный порядок, который мама установила, причем никакие капризы и желание увильнуть не спасали. Например, по выходным мы с братом производили уборку, и в мои обязанности входило мытьё полов. Пол в квартире был дощатый и приходилось усердно его тереть, чтобы придать хоть какой-то свежий вид старым доскам. Еще я ходил на рынок. Не могу сказать, что мне это нравилось, но сейчас понимаю, что в этом был элемент воспитания.

«Моя мама всегда вкусно готовила, и особенно виртуозно ей удавались блюда из рыбы. Но когда я познакомился со своей будущей женой, оказалось, что рыбу она терпеть не может»

Перед обедом мне полагалось выпивать столовую ложку рыбьего жира. Проглотить это было невозможно в силу противности запаха и вкуса: не хватало силы воли. Однажды передо мной стояла тарелка с супом (такой вкуснейший мамин куриный супчик с клецками), и я, с трудом настроившись, уже направил ложку рыбьего жира ко рту, как неожиданно все опрокинулось в суп. Мама сочла, будто я это сделал нарочно, чтобы не пить рыбий жир, и рассердилась. Но я пообещал съесть суп. И съел, хотя гадость получилась отменная. Сколько лет прошло, но я не раз вспоминал ту историю, думаю, что мама тогда осталась моим поступком довольна.

Я родился в семье морского офицера, поэтому мы много болтались по стране и даже за рубежом, переезжая по местам службы отца. В свое

Фото из семейного архива

▲ «Я родился в семье морского офицера»

время мама окончила техникум (что-то связанное с торфоразработками), но при папиных переездах устроиться по специальности было невозможно. Поэтому на отце была служба, а на маме — дом. Но семьей они «руководили» на равных. Казалось бы, столь серьезное дело, как приготовление мяса, должно лежать на мужских плечах. Однако этим занималась мама. И до сих пор перед моими глазами картина: мама возвращается с рынка, а за ней плетется молдаванин и держит на шее живого барашка. Потом этого барашка ведут за сарай, а меня просят уйти (разумеется, для того чтобы я не увидел, как его закалывают).

Когда я подросток, мама перестала быть чрезмерно строгой, и отношения строились на взаимном доверии. Мы с братом вдруг

почувствовали, что у нас стало больше свободы. А когда поселились в Измаиле, то и вовсе целый день были предоставлены сами себе: там сохранились остатки крепости, которую штурмовал Суворов, и мы дворовой компанией лазали по ее валам и рвам. К обеду и ужину я всегда приходил вовремя и вообще был довольно послушным, но однажды маму крепко удивил, когда после выпускного вечера прогулял всю ночь до утра. Ну и влетело же мне за это! Причем от обоих родителей сразу.

▲ «У мамы были опасения, что моя творческая жизнь сложится неудачно»

Моя мама всегда вкусно готовила, и особенно виртуозно ей удавались блюда из рыбы. Но когда я познакомился со своей будущей женой, оказалось, что рыбу она терпеть не может. Предстояло знакомство с родителями, и я не знал, как поступить: не станешь же просить маму не готовить свои фирменные блюда! Это могло ее огорчить, ведь она старалась делать все по высшему разряду. Решил ничего не говорить. И вот когда знакомство состоялось, Наташа вдруг оценила мамин стол и... полюбила рыбную кухню. Она и сейчас некоторые блюда готовит по маминым рецептам. Тогда было мало кулинарных книг, все записывали в тетрадки рецепты, переписывали друг у друга.

Кстати, мама была требовательна во всем, но еда составляла отдельную графу. Однажды мы

пошли с ней в ресторан «Савой», заказали обед, все красиво, дорого, но она не смогла промолчать, и официанту выговорила, что какое-то блюдо не так приготовлено. Меня это страшно напрягло, но сейчас я понимаю, что мама имела полное право это сказать.

А еще она была строга к внешнему виду. Когда я стал сниматься в кино, мама все время беспокоилась:

— Пальтишко тебе надо купить, люди на улице узнают — будет неудобно...

Она и сама одевалась элегантно и здорово умела шить, даже привезла в Россию из Румынии разные ткани и несколько лет обшивала нас с головы до ног. Поэтому после Румынии мы какое-то время были одеты по-заграничному. Однажды она сшила мне нарядный летний костюмчик: белые брюки, белую курточку, купила мне белые парусиновые туфли, которые нужно было чистить зубным порошком. Я получил таким франтом, что стеснялся выйти на улицу, а когда выходил, то оправдывался перед ребятами: мол, мама сшила, а я надел, чтобы не обижать. А когда подрос, то, наоборот, гордился, что щеголяю в хорошей одежде. Например, для учебы в институте родители мне подарили потрясающий пиджак, причем конструировал его отец (как инженер), а шила мама.

Мое желание стать артистом мама одобрила не сразу:

— Сыночек, лучше бы ты на инженера пошел.

У нее были опасения, что моя творческая жизнь сложится неудачно, ведь перед глазами был послевоенный театр Измаила, куда мы часто ходили и куда папа отдавал собственную одежду, поскольку у них не хватало военной формы для постановки пьесы из морской жизни.

Впрочем, дело не только в опасениях. Просто маме меня не хватало, ведь я уехал в другой город, и они с папой уже прямого участия в моей судьбе не принимали. Ее очень мучило, что она не помогает мне ничем. А мне по молодости нравилось надеяться на собственные силы, и только с годами я понял, что и мне в ту пору мамы очень не хватало.

Игорь Ясулович

Народный артист РФ, актер МТЮЗа, профессор ГИТИСа

Монологи записали:

Виктор Борзенко
(Нина Архипова, Анастасия Голуб,
Аня Чиповская)

Екатерина Васенина
(Дмитрий Бертман, Юрий Лобиков)

Елена Владимировна
(Владимир Андреев, Анна Дворжецкая,
Ольга Кабо, Александр Коршунов,
Оксана Мысина, Михаил Полицеймако,
Евгения Симонова, Юрий Стоянов,
Сергей Таратута, Людмила Чурсина,
Дарья Юрская, Генриетта Яновская)

Лариса Каневская
(Игорь Верник, Людмила Максакова,
Юлия Меньшова, Евгений Стеблов,
Виктор Сухоруков, Анна Терехова,
Александр Ширвиндт, Сергей Юрский,
Игорь Ясулович)

Ольга Лунькова
(Вера Бабичева, Евгений Писарев,
Сергей Степанченко)

Вера Матвеева
(Ирина Мазуркевич)

Елена Милюченко
(Вера Васильева, Валерий Гаркалин,
Марк Захаров, Людмила Иванова,
Светлана Немоляева,

Ольга Прокофьева, Иосиф Райхельгауз,
Юлия Рутберг, Алена Яковлева)

Мария Михайлова
(Максим Никулин, Наталья Наумова)

Ирина Мустафина
(Шамиль Хаматов)

Елена Тришина
(Роксана Сац)

Свои собственные очерки и стихи
о мамах в редакцию представили:
Александр Васильев, Владимир
Войнович, Екатерина Райкина,
Марк Розовский, Антон Яковлев.

«Театрал» благодарит
литературоведа Владимира
Радзишевского за предоставленные
материалы для главы *Евгения
Евтушенко*, а также актрису Гражину
Бакштите, записавшую очерк
о маме *Римаса Туминаса*.

Подбор фотографий *Т.Н. Дгебугдзе*

Театрал

Журнал «Театрал» – это:

- актуальные новости театрального мира;
- афиша театральных и концертных площадок Москвы и С.-Петербурга;
- топы лучших и премьерных спектаклей;
- интервью с ведущими артистами и режиссерами;
- аналитика и комментарии.

О журнале

Общий тираж 31 250 экз. в месяц
Целевая аудитория – знатоки и любители искусства
Эксклюзивные интервью и репортажи
Известные авторы, критики и фотографы
Благотворительные акции
Творческие вечера

«Театрал» основан в 2003 году Валерием Яковым

Сайт www.teatral-online.ru

Ежедневный источник новостей о театральной жизни России и зарубежья
Удобный гид по театрам Москвы и С.-Петербурга
Эксклюзивные интервью
Аналитика свежих тенденций и любопытных явлений театрального мира
Фото- и видеорепортажи громких театральных событий столицы

«Звезда Театрала»

- Ежегодная независимая театральная премия зрительских симпатий
- Многотысячное зрительское интернет-голосование
- Лучшие режиссёры, актёры и спектакли
- Поддержка социально-ориентированных акций
- Продвижение русской театральной культуры за рубежом

МАМЫ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ДЕТЕЙ
50 монологов о самом главном

ISBN 978-5-91798-048-5

Редакторы – Борзенко В.В., Михайлова М.О.
Корректор – Конькова А.А.
Художник – Дорохин В.А.
Ответственный за выпуск – Себелев А.А.
Компьютерный дизайн – Головкина И.В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО NAVONA
121552, Москва, ул. Ельнинская, 15, корп. 2
www.navona-book.ru
E-mail: secr@navona.ru

Подписано в печать 21.01.2020 г.
Формат 70х90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «ТДПС-СТОЛИЦА-8»
111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, д.11 А, корп. 1
Тел. (495) 163-48-84
www.capitalpress.ru